

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13
Выпуск 1

2013
Март

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

- Старовойтова Е. О.* Российская политика в Китае после Русско-японской войны 1904–1905 годов: дискуссии в современной историографии 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Дубровина М. Э.* Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников).... 10
Кутафьева Н. В. Числительные в устойчивых выражениях японского языка 18
Мызникова В. В. Речевое оформление и использование обращений в японском и корейском языках 28

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Гурьян Н. В.* Словарь «Сяо Эръя»: предварительное исследование 35
Османов Е. М. Народные воинские формирования периода бакумацу (1854–1867) и разработка доктрины японских вооруженных сил 47
Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета 58

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2013

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2013

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ляхович А. В.</i> «Эта наша жизнь...»: творческий поиск Шу'аибу Макарфи.....	68
<i>Митькина Е. И.</i> Поэтический сборник цинского поэта Хуан Цзинжэня «Ляндан-сюань»: история создания	74
<i>Стрельцова Л. А.</i> Непальская поэзия «Третьего измерения»	81
<i>Туранская А. А.</i> Бурятское издание избранных песнопений Миларэпы (1040–1123).....	88

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Мокрушина А. А.</i> Лингвокультурологический аспект жанра загрыды в сирийском фольклоре.....	91
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Османов Е. М.</i> Рецензия на учебное пособие: Ширяев Б. А., Федоров Н. В. История международных отношений в Тихоокеанском регионе. СПб.: СПбГУ, 2010. 248 с.....	103
<i>Рыбаков В. М., Маяцкий Д. И.</i> Новейшее уникальное исследование по загробной жизни в традиционных китайских верованиях. (Рецензия на научно-справочное издание «Духи и божества китайской преисподней»).....	106
<i>Самойлов Н. А.</i> Рецензия на книгу: Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 386 с.....	108

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Самойлов Н. А., Мыльникова Ю. С.</i> XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения	112
Аннотации	118
Abstracts	122
Contents.....	132

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Е. О. Старовойтова

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 годов: ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Поражение России в Русско-японской войне и заключение Портсмутского мирного договора кардинально изменили расстановку сил на Дальнем Востоке, нанеся значительный урон имиджу Российской империи на международной арене. Наибольший ущерб эти события нанесли отношениям Российского государства с Цинским Китаем. Аннулирование двусторонних соглашений 1896 и 1898 гг. привело к окончательному краху линии «мирного» (посредством экономических мер) проникновения России в Китай, проводимой Министерством финансов во главе с графом С. Ю. Вите с середины 1890-х годов. Россия столкнулась с необходимостью искать новые пути сохранения своих позиций в дальневосточном регионе, входившем непосредственно в сферу политических и коммерческих интересов императора Николая II и его окружения.

В связи с этим по сей день остается открытым вопрос: почему за столь незначительный в исторической перспективе отрезок времени Россия и Китай от заключения взаимовыгодных соглашений в сфере пограничного размежевания, торговли, финансов дошли до практически полного отдаления?

Многие исследования русско-китайских отношений конца XIX — начала XX в. оканчиваются 1905 г. — рубежом, когда дипломатические связи между двумя соседствующими государствами вступили в затяжной период стагнации. Действительно, после 1905 г. и до Синьхайской революции стороны не заключили практически ни одного официального соглашения, если не учитывать различных протоколов КВЖД. Однако было бы ошибочным полагать, будто две страны, объединенные столь протяженной общей границей, могли поддерживать полную изоляцию друг от друга вплоть до самого падения империи Цин. Ведь именно в конце XIX — начале XX в., как отмечает Н. А. Самойлов, начался период активного социокультурного взаимодействия

Старовойтова Елена Олеговна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: e.o.starovoytova@mail.ru

двух стран, что было связано с появлением новых коммуникативных каналов, таких как приграничная зона и линия КВЖД с центром в г. Харбин, а также города Порт-Артур и Дальний [1, с. 11]. Не стоит забывать и о той роли, которую оказали на развитие общественной мысли в Китае события в России 1905 г.

Поэтому, на наш взгляд, сегодня, обращаясь к событиям тех лет, необходимо взглянуть на источники по истории российско-китайских отношений начала XX в. с позиции современного исследователя, попытавшись уйти от событийного повествования и ввести в изучение описываемых процессов новые методы исследования.

Согласно принятой официальной историографией КНР точке зрения со второй половины XIX в. Россия, наряду с другими колониальными державами, стала проводить активную империалистическую политику в Китае. Например, сотрудник Института Новой истории при АОН КНР Луань Цзинхэ утверждает, что посредством подписания Санкт-Петербургского протокола 1881 г. царская Россия «облекла в форму договора захват исконно китайских территорий общей площадью почти 500 тыс. кв. км» [2, с. 62]. Таким образом, для китайских исследователей все дальнейшие события в отношениях России с империей Цин видятся лишь продолжением «захватнической политики», а ухудшение отношения китайских властей к России им кажется вполне обоснованным, так как является ответом на агрессию со стороны колонизатора.

Отечественные же ученые в целом сходятся во мнении, что договор 1881 г. был подписан в период существования равноправных отношений между сторонами, однако в дальнейшем сотрудничество не сложилось в связи с желанием России выступать на Дальнем Востоке наравне с остальными колониальными державами, что часто связывают с особенностями личности последнего российского императора.

Среди тех, кто поддерживает эту точку зрения, и сотрудник ИРИ РАН А. В. Игнатьев, который полагает, что внешнеполитическая стратегия Николая II к началу XX в. переросла в «размашистый аннексионизм, доведший вскоре Россию до провала на Дальнем Востоке» [3, с. 8]. Об этом говорит частая смена стратегий в отношении Дальнего Востока, которую можно наблюдать в период правления Николая II. Действительно, политика «мирного экономического проникновения» в Китай Витте, активный период которой пришелся на 1896–1900 гг., к 1903 г. была отброшена под влиянием идей так называемой Безобразовской шайки. Это, в свою очередь, привело к поражению от Японии в 1905 г.; необходимо было немедленно пересмотреть дальневосточную стратегию, на смену аннексионизму пришла политика балансирования.

Среди прочих причин ухудшения в отношениях между сторонами российские специалисты называют и перемены в цинских властных кругах. Например, по мнению И. В. Лукоянова, еще «после японо-китайской войны 1894–1895 гг. правители Поднебесной пришли в себя и перестали отступать» [4, с. 62]. А как отмечает в своей статье Е. В. Добычина, с приходом к власти в Китае императрицы Цыси более отчетливым стало «стремление к сближению со Страной восходящего солнца, подкрепленное идеей объединения всех народов желтой расы для отпора притязаниям Запада» [5, с. 128]. Рассматривая развитие отношений между Россией и Китаем после 1896 г., можно найти подтверждение такой точки зрения.

Наиболее очевидным охлаждение в отношениях России с Китаем стало после занятия русской эскадрой Порт-Артура в 1897 г. и участия русской армии в подавлении боксерского восстания 1900 г., что было расценено цинскими властями как самовольное вмешательство в дела суверенного государства.

Противоречия лишь усилились после событий 1904–1905 гг. «Ослабление престижа России после Русско-японской войны дало готовое оружие в распоряжение китайского правительства и имело результатом осуществление им целого ряда мер, направленных к умалению прежнего господствующего положения России в Маньчжурии» [6, с. 55]. В переписке между государственными деятелями России и Японии, относящейся к периоду после Русско-японской войны, речь идет также о «пробудившемся самосознании китайцев и их стремлении освободиться от иностранной опеки» [7, л. 6].

Характерной особенностью дальневосточной политики России после 1905 г. стала ее зависимость от бывшего противника — Японии. Автор предложений по добровольному присоединению к России Монголии, Китая и Тибета П. А. Бадмаев так объяснял сложившуюся ситуацию: «Представители правительства вследствие полного незнакомства с Дальним Востоком не умели воспользоваться взглядами и советами знатоков Востока. Теперь только стало известно всем, что маленькая Япония опередила нас армией и флотом, своей разведочной службой, агитацией в Восточной Азии, Европе и Америке, знанием нашего внутреннего строя, и что мы далеко отстали от нее в проявлении энергии и правильной деятельности» [8, с. 15].

Согласно положениям мирного договора, заключенного между Россией и Японией в Портсмуте, Россия отказалась от значительной части своих притязаний на Дальнем Востоке, признав Корею сферой японского влияния, а также уступив Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним (大连), часть Южно-Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куаньчэнцзы¹ (宽城子).

Последовавшее затем секретное русско-японское соглашение 1907 г., подписанное в Петербурге министром иностранных дел России А. П. Извольским и японским послом в России Мотоно, устанавливало раздел Маньчжурии на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Отсутствие единственной державы, претендующей на главенствующую роль в этой выгодно стратегически расположенной и богатой природными ископаемыми области, привело к тому, что уже в 1909 г. государственный секретарь США Ф. Ч. Нокс выступил с предложением по нейтрализации железных дорог в Маньчжурии. В действительности «план Нокса» являлся не чем иным, как попыткой усиления американских позиций в Маньчжурии посредством проведения политики «открытых дверей».

Такое намерение американцев, конечно, не могло не вызвать немедленной реакции со стороны российской и японской дипломатии. Секретная депеша чрезвычайного и полномочного посла России при императоре Японии Н. А. Малевского-Малевича, отправленная из Токио 29 января 1910 г., гласит: «По его (гэнро Иноуэ². — Е. С.) мнению, обоим соседним Государствам надлежит иметь в виду, что в более или менее близком будущем может возникнуть вопрос о разделе Китая. Он думает, что предвидение такой возможности и вдохновило Американское Правительство выступить с проектом нейтрализации, осуществление которого создало бы в Маньчжурии новые американские интересы и обеспечило бы тем самым за Америкой всякий голос в китайских делах вообще. Вот почему Россия и Япония, затратившие так много сил в Маньчжурии, должны так крепко держаться друг друга. Маркиз находит, что вернейшим средством противодействия непрошеному вмешательству третьих в маньчжурские дела было

¹ Распространенное в конце XIX — начале XX в. наименование города Чанчунь (长春) в провинции Цзилинь (Гирин).

² Иноуэ Каору (1836–1915) — японский политический деятель, первый министр иностранных дел Японии.

бы заключение между Россией и Японией союза (alliance). ...При таких условиях мир на Дальнем Востоке был бы обеспечен и китайские дела пришли бы в лучшее состояние. А теперь Китай ищет себе союзников за океаном и не понимает, на какой скользкий путь он вступает, склоняясь к уговорам Америки» [9, л. 123–123 об.].

В связи с этим вполне закономерным выглядит подписание секретной русско-японской конвенции от 4 июля 1910 г., во многом направленной против США и закрепившей сотрудничество двух стран в ограждении их интересов не только в Маньчжурии, но и в Китае в целом, а также в Монголии и Корее.

Таким образом, России действительно пришлось «балансировать» между различными силами на Дальнем Востоке, чтобы окончательно не лишиться всех положительных результатов, достигнутых в предыдущие годы.

Китайские исследователи по-другому расценивают значение русско-японских соглашений. Так, один из современных китайских специалистов по истории данного периода пишет: «Что касается России, то секретными соглашениями с Японией она не только гарантировала себе определенное положение на Северо-Востоке Китая, но стала проводить новую, “жесткую”, политику на Дальнем Востоке. Правительство Российской империи, пользуясь союзом с Японией, постоянно организовывало различные провокации в отношении Китая, такие как подписание коммерческих соглашений, что ускорило отделение Монголии и привело к еще большей нестабильности на китайской границе» [10, с. 147].

Секретные соглашения между Россией и Японией также негативно расценивались китайскими современниками освещаемых событий. Так, в секретной переписке китайских сановников можно прочесть: «Разве в настоящее время русские и японцы боятся чего-либо, когда так основательно действуют в Маньчжурии, Монголии и Корее? На нашу территорию они смотрят как на земли, отведенные для колонизации. <...> Маньчжурию они уже разделили на Северную и Южную и проживает каждый в своей части по своему произволу, не касаясь почти друг друга. Однако, опасаясь, что, в конце концов, им не удастся завладеть Маньчжурией, они заключили дружественное соглашение, которое, по их мнению, должно служить верным путем к окончательному занятию Маньчжурии» [9, л. 2].

Может показаться, будто китайские чиновники, заботясь о судьбах своей родины, старались всячески противодействовать захвату Маньчжурии иностранными государствами. Однако, на наш взгляд, подобные заявления могли быть вызваны не столько «патриотическими чувствами», сколько стремлением соблюсти собственные интересы.

Еще в начале XX в. П. А. Россов в своих «Очерках занятия Квантуна» так оценивал поведение китайского чиновничества на местах: «Китайские чиновники и ученые, конечно, сразу осознали истинное положение вещей и решили, что если сила обстоятельств вынуждает их уступить свое влияние в стране иностранцам, число которых все возрастает и противостоять которым нет никакой возможности, то, по крайней мере, не уступать им без борьбы своего привилегированного положения и насколько можно постараться дискредитировать их в глазах народа. Они, не сговариваясь между собою, а следуя лишь естественному инстинкту самосохранения, дружно сплотились в борьбе с надвигающимся в лице иностранцев злом и, искусно пользуясь случаем, постарались внушить народу превратное понятие о пришельцах» [11, с. 3].

Следует отдельно отметить, что с приходом иностранцев местные чиновники остались практически без средств к существованию, так как лишились права взимать различные сборы и подати. В связи с этим можно предположить, что китайское чиновничество на местах, в частности в Маньчжурии, в поисках материальной выгоды

«балансирувало» между теми силами, интересы которых соприкасались в данном регионе, поддерживая одну из них в наиболее выгодный для себя момент. Если принять во внимание тот факт, что цинское чиновничье сословие было единственным связующим звеном между местным населением и иностранной администрацией, то можно сделать вывод, что китайские местные власти, когда было необходимо, вполне могли склонять население на сторону той или иной державы.

Как отмечали еще современники данных событий, одним из важнейших способов достижения договоренностей с цинской администрацией в рассматриваемый период был подкуп, и самым выгодным положением в Китае могла обладать та сила, которая наиболее умело пользовалась данным средством. В монографии Б. А. Романова о политике России в Маньчжурии отмечается, что подкуп ошибочно изображался С. Ю. Витте «как вынужденное средство для ликвидации последствий чужого “ребячества” и умышленно скрывался как неизбежное в данных условиях средство тактического развертывания собственного грандиозного политического плана — средство, при этом отнюдь не диковинное и принимавшее на протяжении всей дипломатической истории международных отношений как европейских, так и внеевропейских стран самые разнообразные формы» [12, с. 50].

Профессор исторического факультета Пекинского университета Сюй Ваньминь в одной из своих статей отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. в трех восточных провинциях не существовало должного контроля со стороны центральной власти. Это выражалось в том, что местный генерал-губернатор самостоятельно принимал принципиальные решения, в частности об отчуждении земель Маньчжурии, что крайне отрицательно сказывалось на положении дел в регионе [13, с. 252].

Подтверждается эта точка зрения и историческими источниками. В хранилищах РГИА содержатся документы, в которых один из местных чиновников высказывает свое мнение об устройстве управления Маньчжурией накануне Синьхайской революции: «Сопоставляя все данные, я пришел к заключению, что у нас в войсковых частях есть единственный недостаток — это то, что мы слишком часто меняем войсковые части, а также и начальников, у которых совершенно нет никакого желания заниматься основательно делом, так как они всегда чувствуют, что их в скором времени переведут в другую часть и труды их останутся бесполезными. Кроме этого у нас слишком плохо поставлен выбор чиновников, так как большая часть их является родственниками того же генерал-губернатора и почти ничего не делают. ...Наше чиновничество ничуть не интересуется государственными интересами, так как большая часть чиновников заботится исключительно о своей карьере, выдвигаясь вперед при содействии своих же родственников в лице генерал-губернатора и прочих высших властей, получая совершенно незаслуженные награды и повышения» [7, л. 95–96].

Очевидно, что подобные процессы в местной администрации вкупе с тем шатким положением, которое Россия занимала в Маньчжурии после 1905 г., не могли положительно сказаться на дальнейших отношениях России с Китаем. К тому же отношения представителей Российской империи, занимавшихся разработкой дальневосточной стратегии, с китайским центральным правительством в тот период были настолько противоречивы и полны непонимания, что российские дипломаты даже не считали возможным привлекать китайских сановников к решению вопроса о разделе сфер влияния в Маньчжурии, которая официально оставалась территорией империи Цин: «Привлечение к соглашению Китая... на мой взгляд, трудно осуществимо, к тому же оно едва ли отвечает нашим интересам» [7, л. 82 об.].

Возникшие противоречия приводили к тому, что положения, регулирующие отношения между сторонами, прежде всего контракты КВЖД, систематически не соблюдались местным населением при попустительстве властей. Это не только наносило ущерб политическому положению России на Дальнем Востоке, но и оказывало крайне негативное влияние на ее финансовое положение: «Если даже ограничиться рассмотрением только тех вопросов из сферы русско-китайских отношений, которые служили предметом переписки между Министерством иностранных дел и финансов за последние 4–5 лет, то станет вполне очевидным, что китайское правительство пользуется всяким благоприятным для него стечением обстоятельств для того, чтобы систематически нарушать наши права, даже обеспеченные действующими договорами», — сообщает в 1910 г. А. П. Извольский В. Н. Коковцову [7, л. 145].

В то же время в письме министра путей сообщения Японии барона Гото на имя Коковцова звучит такая оценка сложившейся к 1910 г. ситуации на Дальнем Востоке: «Причина зла в китайских делах кроется главным образом в самом Китае. Так как в Китае в настоящее время не имеется, так сказать, “политического центра”, то отдельные китайские сановники действуют совершенно по личному усмотрению, руководствуясь эгоистическими стремлениями и упуская из виду свои национальные интересы» [7, л. 162–162 об.].

Вышеописанные события продемонстрировали, что в начале XX в. заключения политических и торговых соглашений на высшем уровне оказалось недостаточно для установления долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Китаем.

После заключения Портсмутского мира российские деятели от внешней политики, а также представители деловых кругов, не получая желаемых результатов от своих действий в Китае (прежде всего в Северной Маньчжурии) и сталкиваясь с постоянными нарушениями существующих договоренностей, могли лишь констатировать отсутствие четкой позиции у центральной власти империи Цин наряду с беспринципностью чиновничества на местах. Однако, на наш взгляд, причиной возникновения столь серьезных противоречий между двумя странами могло стать игнорирование представителями властных кругов России цивилизационных особенностей соседнего народа.

Несмотря на то что со второй половины XIX в. происходило активное внедрение в дипломатическую практику Китая институтов западного международного права, в действительности чиновники как в центре, так и тем более на местах продолжали действовать в отношении иностранцев исходя из традиционных китаецентристских представлений, воспринимая русских как варваров. Например, среди местного населения Ляодуна русские пользовались даже меньшим уважением, чем японцы, так как не понимали иероглифического письма. Еще меньшим уважением представители русской администрации и деловых кругов стали пользоваться после событий 1900 г., когда, как писал в своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте, «Китай убедился в том, что нам верить нельзя» [14, с. 136].

В то же время многие участники событий в Северной Маньчжурии с русской стороны сетовали на нехватку поддержки от Санкт-Петербурга, а также на плохо организованную работу местной русской администрации, что прежде всего не давало возможности наладить нормальную деятельность в регионе местным предпринимателям. А в ситуации, когда отношения между сторонами регулировались в основном контрактами КВЖД, зачастую получалось так, что частные коммерческие интересы выходили на первый план в ущерб государственному.

Очевидно, что, поступая так или иначе, и китайские, и российские государственные деятели и представители деловых кругов действовали в рамках культурных и социально-психологических стереотипов тех социумов и культур, к которым они принадлежали. Поэтому при исследовании столь противоречивого периода в истории русско-китайских отношений недостаточно на основании архивных документов восстановить последовательность исторических событий и подробности деятельности тех или иных исторических личностей, следует также учитывать и особенности менталитета участников событий. Сегодня необходимо обратиться к истории российско-китайских отношений как к истории взаимодействия двух отличных культур с огромной областью соприкосновения и, используя методы, предлагаемые социальной историей и социальной антропологией, попытаться выявить характер всех существовавших между двумя народами связей — политических, экономических, социальных, культурных — с тем, чтобы получить наиболее точное представление об освещаемых событиях.

Литература

1. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII — начале XX века: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение, африканистика. Вып. 2. СПб., 2010. С. 3–15.
2. Луань Цзинхэ. Цзиньдай илай Элосы дуй Хуа чжэнцэ шулунь // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши. (Описание политики России в отношении Китая в Новое время // Русско-китайские отношения: история и современность.) Вып. 2 / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 55–71.
3. Игнатъев А. В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы Истории. 2001. № 6. С. 3–24.
4. Лукоянов И. В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы Истории. 2008. № 4. С. 49–66.
5. Добычина Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы Истории. 1999. № 10. С. 127–131.
6. Кюнер Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток: Восточный институт, 1914. 58 с.
7. РГИА. Ф. 560, оп. 45, д. 23.
8. Бадмаев П. А. Россия и Китай. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1905. 104 с.
9. РГИА. Ф. 323, оп. 5, д. 202.
10. Юнь Цзичжоу. Лунь Э Жи сы цы миюэ юй Эго дэ Юаньдун чжэнцэ // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши. (Четыре тайных русско-японских соглашения и политика Российской империи на Дальнем Востоке // Русско-китайские отношения: история и современность.) Хэнань: Хэнань дасюэ, 2004. С. 137–150.
11. Россов П. Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый край», 1901. 168 с.
12. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л.: Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе, 1928. 605 с.
13. Сюй Ваньминь. Гэнцзы Чжун Э дунбэй чжи чжань фаньсы лу // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши. (К вопросу о переоценке русско-китайского военного конфликта 1900 г. // Русско-китайские отношения: история и современность.) Вып. 2 / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 245–256.
14. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. 575 с.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

М. Э. Дубровина

**ЭВОЛЮЦИЯ ТЮРКСКОЙ КАТЕГОРИИ СКЛОНЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ
РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)**

Язык, на котором были составлены древнейшие тюркские надписи (язык ДТРП), хронологически может быть отнесен к периоду с конца VII до середины IX в. [1, р. 256–257; 2, с. 187; 3, с. 4]. Этот язык совершенно оправданно можно признать языком, максимально чистым от иноязычных влияний, что является важным обстоятельством для исследователей, которые стремятся на основании фактов одного тюркского языка выявить общие структурные особенности и закономерности функционирования различных категорий.

В настоящей работе фактический материал языка ДТРП подвергается теоретическому осмыслению с позиций концепции, согласно которой строй языка формируется под влиянием определенной доминирующей тенденции, *детерминанты*, представляющей те ограничения, в рамках которых языковая система должна выполнять свои функции [4, с. 122].

На основании наблюдений за свойствами тюркских языков и индуктивного обобщения наиболее существенного в этих свойствах Г. П. Мельникову удалось прийти к заключению, что детерминантой этих языков является *принцип экономии служебных элементов* [5, с. 105]. Сущность этого принципа сводится к тому, что в тюркских языках как агглютинативных, в отличие от флективных, употребление в речевой словоформе словоизменительных аффиксов (падеж, число) обусловлено наличием коммуникативной потребности, а не сложившимися в ходе эволюции традициями, следствием которых является формально-грамматическое использование морфологических элементов, когда присутствие показателя в словоформе объясняется причиной, которую в простонародье называют «так говорят».

Дубровина Маргарита Эмильевна — канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: maggydu@rambler.ru

© М. Э. Дубровина, 2013

Настоящее исследование является попыткой охарактеризовать функции *тюркского* падежа как такового, а также выразить авторский взгляд на природу и сущность падежа с учетом тех ограничений, которые накладывает на формирование этой грамматической категории тюркское языковое мышление. Представляется целесообразным отметить, что падеж рассматривается как морфологическое средство реализации определенной коммуникативной задачи. На основании анализа конкретных падежных словоформ в речи становится возможным признать правоту тех лингвистов, которые видят эту задачу в указании на какую-либо разновидность связи, отношения предмета, называемого субстантивной основой, с другими предметами или действиями [6, с. 101].

В традиционной тюркологии существует мнение, согласно которому функционирование падежей в индоевропейских и тюркских языках одинаково, в связи с чем деление на грамматические и конкретные падежи, которое Е. Курилович предложил для падежной системы европейских языков, традиционно переносится и на тюркские языки. В основу этого деления положена первичность или вторичность синтаксической и семантической функции у рассматриваемой падежной формы. По мнению Е. Куриловича, у грамматического падежа первичная функция — синтаксическая, вторичная — семантическая (наречная); у конкретного же падежа первичная функция — семантическая (наречная), вторичная — синтаксическая [7, с. 184–186]. Приверженцы этого направления в понимании падежей считают, что различие между грамматическим и конкретным падежом проявляется в синтаксической позиции по отношению к управляющему глаголу, при этом грамматический падеж занимает доминирующее положение в группе глагола (центральная позиция), конкретный же находится на ее периферии (периферийная или маргинальная позиция) [7, 192–196]. Так, говоря об одном из тюркских языков, Х. Карасаев пишет: «...опущение косвенного дополнения не нарушает минимального смысла предложения... Опускание же прямого дополнения вносит неясность в значение предложения» [8, с. 32]. Едва ли это высказывание верно, можно привести многочисленные примеры, когда неупотребление того или иного косвенного дополнения при глаголах движения вносит такую же неясность, как и неиспользование прямого дополнения при переходных глаголах. Суть, как представляется, необходимо искать в ином. При переложении схемы индоевропейских языков на тюркскую падежную систему едва ли удастся объяснить случаи употребления или неупотребления ряда падежных аффиксов при словах, выступающих в одинаковых синтаксических ролях (прямое или косвенное дополнение, приименное определение), например, случаи факультативности показателей винительного, родительного, дательного, местно-исходного падежей в рунических текстах. Для языка ДТРП характерен менее облигаторный характер функционирования винительного и родительного падежа, нежели косвенных, пространственных падежей. То есть такие падежи, как дательный, местно-исходный, реже находятся в зоне факультативного использования, при этом «опущение» падежных показателей возможно только в том случае, если его допускает контекст, и прежде всего лексическое значение управляющего глагола (как иногда бывает в сочетании с глаголами движения). Очевидно, что такое положение вещей вытекает из какой-то особенности устройства категории склонения в тюркском языке, или, по крайней мере, в языке более архаичном, чем все известные на сегодняшний день.

Опираясь на разработанные специалистами по общему языкознанию общие формулы, схематически очерчивающие значения основных падежей, можно констатировать, что под «грамматическими» падежами обычно понимаются именительный, родительный

и винительный падежи; в группу «конкретных» падежей входят такие, как дательный, местный, аблатив (отложительный), творительный. Если переложить эту классификацию на систему склонения языка ДТРП, то в ней обнаруживаются три «грамматические» падежные формы: основная, родительная, винительная; и четыре «конкретных» падежа: дательный, направительный, местно-исходный, инструментальный [3, с. 149].

Традиционно *именительный* падеж выступает в европейских языках прежде всего как форма названия и форма субъекта действия [9, с. 171]. *Родительный падеж* в приименном употреблении имеет, по словам В. В. Виноградова, «определяющее “прилагательное” значение» [9, с. 168]. *Винительный падеж* в европейских языках оформляет имя, называющее предмет, который «ближе всего и полнее всего затрагивается глагольным» действием (Дельбрюк). *Дательный падеж* служит для обозначения объекта, к которому направлено действие, при этом исследователями отмечается, что этот падеж в речи имеет множество различных семантических вариаций [10, с. 119–120]. *Местный падеж* означает объект, в пределах, внутри или на поверхности которого обнаруживается действие [11, с. 307–308]. Как известно, в современном русском языке местный падеж заменяется предложным. *Творительный падеж* имеет орудное, инструментальное значение.

Основные рассуждения о характеристике тюркских падежей в настоящей работе построены в русле наиболее убедительной и последовательной, на наш взгляд, трактовки категории падежа, предложенной Г. П. Мельниковым [12]. Исходя в своем понимании этой категории из принципов системного подхода к языковым фактам, Г. П. Мельников представляет категорию падежа как единую систему с определенными коммуникативными функциями, возникшую в языке в связи с потребностью обслуживать мыслительные «запросы» по выражению предметных отношений. В чем прослеживается эта системность? Очевидно, что отправным пунктом при анализе категории падежа становится та коммуникативная задача, которую конкретная падежная форма должна осуществлять в высказывании. Автор настоящей работы в целом принимает те выводы, к которым приходит Г. П. Мельников при выявлении основных типов связей, которые могут требовать выражения при коммуникации [12, с. 42–46]. Справедливым можно признать то, что «все словесные функции» в высказывании, построенном по модели предложения, распадаются сначала на две основные функции — на ту, которая передает информацию о субъекте высказывания (теме), и ту, которая передает информацию о предикате высказывания (реме). Два ядра типичного предложения — тема и рема, могут, как известно, быть выражены несколькими словами, из чего следует, что в «темном» словосочетании могут присутствовать слово, называющее субъект, и слова, уточняющие (в качестве атрибутивных членов) границы и характеристики субъекта. То же может, очевидно, прослеживаться и в «ремной» части высказывания, в которой обязательно должны присутствовать слово, называющее предикат, и слова, так или иначе обслуживающие рему высказывания, т. е. несущие информацию о свойствах предиката или указывающие на объекты, с которыми предикат связан.

Можно допустить, что *экономия служебных элементов*, та детерминанта, которая, как представляется, определяет устройство тюркских языков, в своем крайнем проявлении приводит к так называемому корневому языку, в котором служебная информация передается с помощью самостоятельных лексем, корней-основ, употребляемых в служебной функции. Таким образом, служебные лексемы, выступающие в «приремной» части высказывания как средства передачи информации о неких связях, в которые вступает предмет, становятся базой для формирования в диахронии собственно падеж-

ных форм. В общем языкознании прижилась идея, высказанная Э. Сепиром, согласно которой для типичной ремы в языке формируется специальная группа слов — глаголы, а для простейшей типичной темы — имена [13, с. 114–116]. Следовательно, в высказывании классического корневого языка, к которому можно возвести и тюркский язык, могут присутствовать слова-атрибуты, относящиеся к имени (теме), и слова, которые уточняют глагол (рему), т. е. приименные и приглагольные уточнения. По словам Н. З. Гаджиевой, в тюркском высказывании формируются два «концентра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый» [14, с. 23]. Как уже говорилось, падеж есть морфологическое средство сигнализации о связях, в которые вступает предмет. Типичной ремой сообщения является названное глаголом действие, поэтому наличие разных форм «приемных» (приглагольных) уточнителей отражает потребность выразить тот или иной вид объектов, или — более широко — актантов, имеющих отношение к этому действию. Следовательно, если не дифференцировать эти виды актантов с помощью различных формальных показателей (падежных аффиксов), то можно говорить о наличии некой общей функции передачи отношения действия и объекта, т. е. «общеобъектной» функции. Но в пределах этой собственно коммуникативной функции, закрепленной как реляционное значение за любым морфологическим показателем любого падежа при глаголе-сказуемом, возникает также необходимость дифференциации видов объектов, особенно если учесть, что при одном действии могут потребовать выражения несколько объектов. Этот факт, вероятно, и служит основанием для дальнейших семантических расщеплений одной и той же «общеобъектной» функции на более частные ее разновидности и вследствие этого развития дополнительных, более узкоспециализированных форм со своими грамматическими показателями.

По мнению многих специалистов, из всех объектов наиболее частого упоминания заслуживает тот, который наиболее полно включен в действие, т. е. прямой объект [12, с. 47]. Исходя из этого логично предположить, что в грамматической структуре каждого языка «общеобъектная» функция распадается на две и закрепляется по меньшей мере за двумя грамматическими падежными формами: одна форма выполняет функцию прямого объекта, другая способна совмещать в своем значении сложный образ связи между действием и неким *косвенным* объектом, что позволяет такой падежной форме в речи передавать различные взаимоотношения действия и объекта. Таким образом, исключая прямой объект, прочие объектные функции могут, вероятно, быть объединены языковым мышлением в одну «общекосвеннообъектную» функцию. Высказанное предположение вполне может быть подкреплено фактами из тюркских языков. В текстах древних рунических памятников, как представляется, обнаруживаются рудименты, свидетельствующие о наличии в языках более древних эпох некоего косвенного падежа, обслуживающего самые разнообразные коммуникативные «запросы» по передаче связи между действием и практически любым косвенным объектом [15; 16].

Посмотрим, что имеется в индоевропейских языках. В падежных системах немецкого, французского, арабского, русского языков обязательно наличие винительного падежа как падежа, передающего наиболее важный с коммуникативной точки зрения объект — прямой. Также в качестве необходимого выступает родительный падеж, поскольку это единственное морфологическое средство, передающее не менее важную характеристику — атрибут другого предмета (чаще всего обладателя в притяжательных отношениях). Из конкретных падежных форм может присутствовать многосмысловой дательный падеж, являющийся средством передачи некоего косвенного пред-

мета. В русском языке «общекошвенная» функция далее расщепляется на более узкие функции, тем самым обуславливая возникновение более частных падежей — творительного и предложного.

Можно говорить о том, что немаловажную роль при последовательном формировании падежей играет то, насколько тесно связан с действием тот или иной вид объекта при нем. Так, прямой объект, как неоднократно упоминалось, максимально включен в действие, следовательно, не удивительно практически тотальное присутствие винительного падежа как грамматического выразителя прямого объекта в системах склонения всех индоевропейских языков.

Среди косвенных объектов, как представляется, наиболее связаны с действием и поэтому чаще требуют выражения объект, к которому направлено действие (адресат), а также прочие пространственные объекты (место); менее всего связаны с действием, по-видимому, соучастник (с кем совершается действие) или орудие (чем совершается действие). Таким образом, иерархичность падежных форм проявляется на уровне семантики в том, насколько тесно объект связан с действием. Чем теснее связь объекта и действия, тем важнее падеж, который эту связь передает. «Важность» для коммуникации выразить тот или иной объект с помощью специальной морфологической формы прослеживается и в последовательности появления в эволюции языка падежных форм. То есть умозрительно можно представить себе такую очередность возникновения падежей: сначала появляются винительный и родительный (как единственный приименный падеж), затем косвенный (дательный), затем предложный, и последним, скорее всего, возникает орудный падеж [17, с. 58].

Нельзя, однако, забывать, что тюркские языки — агглютинативные, т.е. типологически отличные от рассматриваемых выше флективных языков. Следовательно, и грамматический строй этих языков, вероятнее всего, будет иным. Кроме того, тюркские языки — типичные представители группы языков, грамматическая система которых развилась в границах *экономного использования служебных показателей*. В них экономная аффиксация проводится наиболее последовательно, вследствие чего взаимная согласованность всех языковых уровней в тюркских языках проявляется ярче, чем в других урало-алтайских агглютинативных языках.

Наличие в языке сформулированной тенденции приводит к тому, что словоизменяющий показатель употребляется только в том случае, когда необходимая служебная информация не может быть выражена иным способом, без привлечения грамматики. Если служебная информация передается семантическим значением лексемы, или установленным порядком слов, или всем контекстом, то в таком случае аффикс может не употребляться. На практике это проявляется как факультативное употребление ряда форм, причем нагляднее всего это видно на примере факультативности падежных показателей. Всем известны случаи неупотребления винительного и родительного падежей в современных тюркских языках, особенно в разговорной, ненормативной речи и в диалектах. Несколько реже можно встретить отсутствие каких-либо пространственных падежей, тем не менее закономерности грамматического устройства позволяют и это. Таким образом, факультативность падежей в сущности может служить толчком для выявления исходных мотивов формирования самой категории склонения в языках подобного типа.

В качестве одного из ключевых мотивов возникновения падежных форм в тюркских языках предлагается рассматривать необходимость ликвидировать смысловую неоднозначность высказывания с помощью морфологического показателя. Если су-

ществование некой связи у предмета, передаваемого «основой», естественно вытекает из контекста или является *известным* из фоновых, внеязыковых знаний участников коммуникации, то эта связь понятна *без специальных служебных средств* и в этом случае нет необходимости в употреблении падежного показателя. Если же сообщение содержит нечто *неизвестное*, если необходимо уточнить информацию о наличии какой-либо связи у предмета, выраженного исходной основой, и избежать таким образом непонимания или искаженного понимания смысла высказывания, то форма падежа, реализующего данную связь, обязательно должна быть использована.

Из высказанного предположения следует несколько выводов. Во-первых, самые архаичные падежные формы должны представлять собой средства с максимально абстрактным грамматическим значением, что позволяло бы употреблять их в речи для передачи самых разнообразных отношений предмета и других явлений объективного мира. Во-вторых, самые ранние падежные формы в тюркских языках должны были возникнуть как средства передачи прежде всего косвенных отношений предмета, т.е. быть прообразом современных косвенных падежных форм.

Последнее проистекает из известного уже факта, что косвенный объект как компонент мысли более удален от действия. Так, связь глагола *kylyp-* 'быть воспитанным' и объекта, выраженного словом *äl (il)* 'государство', обрисовывается не очень четко, что подталкивает носителя языка сделать эту связь более понятной для слушающего посредством служебного элемента, в частности аффикса дательного падежа:

Karagan Ältäris kagan älinä kylyntym (O, 4) 'Я, Капаган, был воспитан в преданности государству Эльтерис-кагана'.

Таким образом, в соответствии с определяющей устройством этих языков *тенденцией к максимально экономному употреблению служебных элементов* в языке наиболее раннего периода к передаче морфологическим путем тяготели, очевидно, те косвенные объекты, которые являлись наименее естественными и логичными для коммуникантов и не могли быть выражены только порядком слов или соположением. Напротив, для передачи тех связей, которые в других языках выражаются родительным и винительным падежами, как наиболее важными и предсказуемыми с коммуникативной точки зрения, логично воспользоваться позиционными возможностями, т.е. располагать слова, обозначающие либо обладателя при принадлежности, либо прямой объект воздействия, непосредственно перед словами, к которым они относятся, и не задействовать дополнительных морфологических средств.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что в дорунический период процесс формирования падежей как грамматических средств, актуализирующих тот или иной вид предметных связей, гипотетически мог протекать следующим образом: вероятнее всего, из единой «общеобъектной» функции на мыслительном уровне выделялись «прямообъектная» и «общекосвеннообъектная» функции, т.е. происходит вычленение двух первичных, существенных с коммуникативной точки зрения функций, выразителями которых стали падежи. При этом «прямообъектная» функция на морфологическом уровне изначально могла не иметь материального выразителя, т.е. самостоятельного падежного показателя, так как под влиянием принципа экономной аффиксации для древнего состояния языка характерна тенденция передавать наиболее предсказуемые с точки зрения коммуниканта объектные отношения посредством соположения слов, называющих объект и действие. «Общекосвеннообъектная» функция

в тюркском языке могла выражаться неким одним «общеобъектным» падежным средством, обслуживающим широкий диапазон смыслов. Далее, из значения такого «общеобъектного» падежа могли отщепляться наиболее употребительные смыслы, которые становились грамматическими значениями новых, более узких по специализации падежей.

В распространенном высказывании древнего тюркского языка, где у глагола могло быть несколько объектов (актантов), прямой объект мог быть передан *соположением*, прочие же косвенные объекты должны были выражаться каким-то иным путем, вероятнее всего, путем привлечения морфологических падежных средств. Но необходимо уточнить, что в рунических текстах, несмотря на довольно развитую систему падежей, продолжают употребляться относительно короткие высказывания, в которых актантов при глаголе может быть два-три. Это косвенным образом подтверждает предположение о последовательном развитии падежей, ведь в более древний период носитель языка также мог предпочитать короткие высказывания, чтобы избежать необходимости пользоваться дополнительными морфологическими средствами. При таком положении дел в языке долгое время могло не возникать потребности в формировании более чем двух-трех падежей. Только на заключительных этапах возникают винительный и родительный падежи. Важно, что родительный падеж в «рунический» период только начинает входить в речевой оборот. В большинстве случаев притяжательная связь передается без привлечения этого падежного аффикса.

Видно, что эволюция падежных форм, предлагаемая в настоящем исследовании, прямо противоположна той, которая прослеживается во флективных языках и характеризуется тем, что в ней морфологическое выражение получают в первую очередь явления, наиболее важные с коммуникативной точки зрения.

Так называемые грамматические падежи флективных языков (винительный, родительный) в силу исключительности своих значений, передавая важные с точки зрения понятийного содержания отношения между элементами действительности, в модели общетюркской категории падежа долгое время не имели материального показателя, а то *содержание*, которое обязательно присутствует на мыслительном уровне — прямой объект воздействия и атрибут субъекта (предмета), — на языковом уровне выражалось соположением слов как максимально экономичным грамматическим способом выражения служебной информации.

Что касается именительного (основного) падежа, который исследователи традиционно обнаруживают в парадигме тюркской категории склонения по аналогии с именительным падежом европейских языков, то репрезентация логического субъекта действия вообще, очевидно, не нуждается в грамматическом «выразителе», так как представляет собой максимально предсказуемую информацию для тюркского языкового мышления. В связи с этим можно говорить о том, что в системе тюркского падежа именительный падеж до сих пор не сформировался. Косвенные падежи, напротив, возникают еще на заре тюркских языков, поскольку передаваемая ими информация может не вытекать из контекста, ее необходимо подкрепить грамматическим знаком. На момент создания рунических текстов в тюркских языках существовало несколько падежных форм, возникших, предположительно, в такой последовательности: форма *-уп* — наиболее древняя — общеобъектный падеж; форма *-ка* (дательный падеж) могла возникнуть позже как специализированное средство, передающее более узкий спектр косвеннообъектных смыслов; параллельно с ней или немного позже могла возникнуть

форма -da (местно-исходный падеж), полифункциональное средство передачи косвенно-объектных смыслов; формы -gaŋ (направительный падеж) и -ša (сравнительный падеж), на наш взгляд, являются относительно поздними морфологическими средствами, имеющими конкретные значения; форма -dan (исходный падеж) в рунических текстах практически не употребляется, очевидно, потребность в нем возникает только в синхронии более позднего языка — древнеуйгурского.

На этапе языка ДТРП названные падежные формы на основании своих семантически родственных функций могут быть объединены в следующие группы: форма с показателем -un и форма с показателем -ša входят в группу *сопроводительных* падежей; форма с показателем -ka, форма с показателем -da, форма с показателем -gaŋ — в группу пространственных падежей. Винительный и родительный падежи не объединяются в группы, так как имеют изолированные функции — функцию прямого объекта и функцию уточнения при имени соответственно.

Литература

1. Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби // *Studia Turcica*. Budapest, 1971. P. 250–261.
2. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
3. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 256 с.
4. Мельников Г. П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 121–137.
5. Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1969. № 6. С. 104–113.
6. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 174–203.
7. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы. 1962. С. 174–203.
8. Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке // Труды института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. I (1944). 1945. С. 26–44.
9. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка // Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1973.
12. Мельников Г. П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39–64.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс»; Универс, 1993. 656 с.
14. Гаджиева Н. З. О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1968. № 3. С. 19–30.
15. Губайдуллина М. Э. К вопросу о значении так называемого инструментального падежа // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 88–99.
16. Губайдуллина М. Э. О многофункциональности морфологических единиц (на примере формы -un) как следствии особенности строя тюркских языков // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 100–107.
17. Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей (совмещение классификаций с его следствиями) // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 36–48.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

Н. В. Кутафьева

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В данной работе мы исследуем категорию количества и способы ее выражения в японском языке. Категорию количества мы понимаем как семантическую категорию и одновременно как группировку разноуровневых средств языка, выражающих эту категорию.

Структуру семантического поля количества в японском языке можно описать следующим образом: ядро образуют количественные числительные и местоимения, имеющие категорию числа; центр — лексика со значением «количество» различных грамматических классов (существительные, прилагательные, наречия), а также словосочетания, в которых выражено значение количества; далее располагается лексика, содержащая в своем составе морфемы с количественным значением; фразеология и терминология.

Цель данной работы — рассмотреть, каким образом количественные значения и их коннотации находят свое выражение в устойчивых фразах японского языка, а также рассмотреть использование в них числительных и лексики, содержащей в своем составе морфемы с количественным значением. Количественные числительные являются языковым средством передачи семантики числа, которая может рассматриваться как наиболее абстрагированная разновидность семантики количества.

В Японии исследованием устойчивых выражений занимаются Дайдзи Сираиси (фразеологизмы японского языка) [1, с. 2–50], Ютака Миядзи (значение и характеристика особенностей фразеологизмов) [2, с. 10–100], Макото Ито (признаки и сущность фразеологических единиц) [3], Присида Исида (теория фразеологических единиц, сравнительное исследование функционирования фразеологизмов в английском и японском языках) [4, с. 49–63], Сэйдзи Коикэ (модели построения фразеологизмов) [5, с. 89–104], Акихико Ёнэкава (устойчивые выражения японского языка) [6, с. 2–60] и др.

В России изучением устойчивых выражений японского языка занимаются С. А. Быкова (общие вопросы теории японских устойчивых словосочетаний: принципы их устойчивости, семантическая классификация) [7], О. П. Фролова (классификация семантики, структуры и лексического состава фразеологизмов) [8, с. 2–88], И. В. Жукова (история фразеологии) [9], П. С. Тумаркин (происхождение, стилистико-семантические и тематические особенности фразеологизмов разговорной речи) [10, с. 6–100], Т. М. Гуревич (определение особенностей функционирования языковых концептов в составе фразеологизма) [11, с. 180–220].

В японской лингвистике существуют работы, посвященные исследованию лексики, содержащей морфемы с количественным значением, и фразеологии, содержащей числительные, однако в российском японоведении подобные работы отсутствуют. Опираясь на японскую лингвистическую традицию, мы попытались в данной работе восполнить этот пробел.

В японской лингвистике для обозначения понятия «устойчивое сочетание» или «фразеологизм» используются термины 慣用句 *канъё:ку*, 成句 *сэйку*, 慣用語 *канъё:го*,

Кутафьева Наталья Витальевна — канд. филол. наук, доцент, Новосибирский государственный университет; e-mail: natasha7362@mail.ru

© Н. В. Кутафьева, 2013

成語 *сэйго*, 熟語 *дзюкуго* и др. К устойчивым выражениям мы относим фразеологизмы, пословицы и поговорки, а также выражения-*канго*, состоящие из четырех иероглифов.

В устойчивых выражениях языка отражаются национальное своеобразие, культура и традиции народа — носителя данного языка. Д. Г. Мальцева пишет: «На конкретном фразеологическом материале прослеживается, как особенности природно-географических условий страны, ее истории, экономики, политики, культуры, быта, обычаев народа — носителя языка получают отражение во фразеологических единицах» [12, с. 5].

В японском языке сосуществуют две системы числительных — китайская и японская (в которой прослеживается существовавшая некогда двоичная система), кроме того, используется чтение чисел, заимствованное из английского языка. В устойчивых выражениях для выражения одного и того же числового значения могут использоваться несколько иероглифов и, соответственно, несколько чтений. Используется также *онное* и *кунное* чтение иероглифа, поэтому мы не приводим транскрипцию для чтения числительных. Для записи заимствованных понятий, связанных с количественными выражениями, используется азбука.

Все коннотации в значении чисел связаны с письменными формами иероглифов. На формирование коннотаций, на наш взгляд, оказали влияние следующие факторы.

1. Заимствования, пришедшие вместе с философскими учениями Китая.

а) Принцип 陰 — 陽 *ин — ё*. Два противоположных начала взаимно дополняют друг друга, отрицательное и положительное, пассивное и активное, женское и мужское, темное и светлое. Нечетные числа — светлые (счастливые), четные числа — темные (несчастливые), поэтому в наименованиях японских праздников используются счастливые числа 一 · 三 · 五 · 七 *ити-сан-го-сити* «один-три-пять-семь». Так, в Японии существует праздник с названием 七 · 五 · 三 *сити-го-сан*, который празднуется 15 января (сумма трех чисел).

Счастливые числа 五 · 七 *го-сити* «пять-семь» используются в качестве основы построения традиционных японских поэтических жанров *танка* (5–7–5–7–7 мор в строфе, всего 31 мора) и *хайку* (5–7–5 мор в строфе всего 17 мор) (под морой понимается ритмическая единица, совпадающая с кратким слогом, конечнослоговым *н*, второй половиной удвоенных гласных и первой половиной геминированных согласных [13, с. 93–100]).

б) Принцип древней китайской философии 五行 *гогё*: «пять основных элементов» (вода, огонь, дерево, металл, земля), включает в себя значительное количество различных порядков, связанных между собой четкими структурными соотношениями и взаимными переходами. Важнейшие среди этих порядков — «взаимное порождение» (дерево-огонь-земля-металл-вода-дерево) и «взаимное преодоление» (земля-дерево-металл-огонь-вода-земля и т. д.). Этот принцип относится к любому набору пятичленных множеств, таких как 五大洲 *годайсё*: «пять материков», 五常 *годзё*: «пять основных норм: человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность, правдивость», 五惡 *гоаку* «пять великих грехов: убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, пьянство», 五星 *госэй* «пять планет, видимых невооруженным глазом», которые были известны в древности: Меркурий 水星 *суйсэй* «вода», Марс 火星 *касэй* «огонь», Юпитер 木星 *мокусэй* «дерево», Венера 金星 *кинсэй* «металл», Сатурн 土星 *досэй* «земля». Пять планет были рождены 交合 *ко:го*: сексуальной связью между Солнцем и Луной. Другими словами, 陰 *ин* и 陽 *ё*, сочетаясь, дают 五行 *гогё*: «пять элементов» [14, р. 38]. Исходя из этого можно объяснить, почему набор для саке состоит из пяти чашек, а порция *сасими* — из пяти кусочков рыбы.

2. В XX в., в особенности после Второй мировой войны, японское общество и японский язык оказались под сильным влиянием США и английского языка. Были заимствованы понятия, отсутствующие в Японии, в частности, понятия, содержащие числительные. Естественно, эти выражения записываются азбукой (катакана). В японском языке появились кальки с английского языка, например, first class → ファースト・クラス *фа:суто курасу* «первый класс (ездить первым классом)», first name → ファースト・ネーム *фа:суто нэ:му* «первое имя (христианское)», second house → セカンド・ハウス *сэкан-до хаус* «дача», secondhand → セカンドハンド *сэкандохандо* «подержанные товары» и др.

В качестве источников для поиска устойчивых выражений мы использовали словари Киёхико Минами «Словарь слов, содержащих числительные, с рисунками» [15], Муцухико Мори «Словарь слов японского языка, содержащих числительные» [16], Тайдзи Такасима «Источник поговорок» [17], а также словарь «Пословицы и поговорки Японии» [18].

Примеры в работе приводятся в следующем порядке: устойчивое выражение, дословный перевод, значение.

Устойчивые выражения, афоризмы и пословицы с использованием числительных и лексики, содержащей в своем составе морфемы с количественным значением, мы разделили на следующие 4 группы.

I. Устойчивые выражения с числительным 一 «один».

II. Устойчивые выражения с числительными от 二 «двух» до 十 «десяти».

III. Устойчивые выражения с использованием числительных 百 «сто», 千 «тысяча», 万 «десять тысяч».

IV. Устойчивые выражения, в которых используется одновременно несколько числительных.

I. Числительное 一 «один»

Следует обратить внимание на то, что числительное 一 «один» в японском языке многозначно и имеет следующие значения.

Собственно значение числительного «один».

«Немного». 一つやってみよう。 *Хитоцу яттэ миё:* «Попробуем».

«Одно целое». 世界は一体だ。 *Сэкай ва иттаи да.* «Мир един».

«Один и тот же». 一つのことばかり言う。 *Хитоцу но кото бакари у.* «Говорить одно и то же».

«Во-первых, первый». 幸福の条件をあげると、一つが健康だ。 *Ко:фуку но дзё:кэн о агэру то, хитоцу га кэнко: да.* «Если перечислять условия счастья, то, во-первых, это здоровье».

«Один род, один вариант». これも一つの人生だ。 *Корэ мо хитоцу но дзинсэй да.* «И это тоже жизнь».

«Одна сторона». 一つにはお金のために。 *Хитоцу ни ва оканэ но тамэ ни.* «От части (с одной стороны) ради денег».

«Один, только». 娘はカバン一つで家出をした。 *Мусумэ ва кабан хитоцу дэ издэ о сита.* «Дочь ушла из дома (только) с одним чемоданом».

«Даже». 彼女は母親の手伝い一つしない。 *Канодзё ва хахаоя но тэцудай хитоцу синай.* «Она даже не помогает матери».

Так, в Словаре устойчивых выражений японского языка на 30 страницах приводятся примеры с использованием числительного 一 «один» [6, 10–40]. Для выражения

значения «один» используются также иероглифы — *ити*, 単 *тан*, 独 *доку*, 片 *ката* и заимствования シングル *сингуру*, ファースト *фа:судо*, ワン *ван*.

Рассмотрим некоторые значения числительного — «один», так как не все значения, приведенные выше, используются в устойчивых сочетаниях.

1. Значение «точное количество». В Словаре устойчивых фраз японского языка явления, связанные с числами, разделены на природные и общественные. «В природе Солнце, Луна, Земля, в обществе император, я (индивид), отец, мать обозначают существование в единственном экземпляре» [12, с. 7].

馬鹿の一つ覚え。 *Бака но хитоцу обоэ*. «Дурак помнит одно». «Дурак запомнил одно, а судит обо всем» [8, с. 11].

一言を以って、その賢愚を知る。 *Итигон о моттэ, соно кэнгу о сиру*. «Распознавать ум или глупость по одному слову» [17, с. 204].

2. Значение «универсальности» тесно связано с учением о Дао. Известно изречение Лао-Цзы «Дао порождает —, — порождает 二, 二 порождает 三, 三 порождает Вселенную. — является матерью Вселенной. Небо, обладая —, чистое; Земля, обладая —, спокойная; Боги, обладая —, чудесные; долины, обладая —, изобильные, Вселенная, обладая —, рождается. Если не будет —, то вещи, имеющие имена, и Небо, и Боги, и Вселенная, не будут существовать. — является источником возникновения Космоса» [цит. по: 19, с. 72]. Единица универсальна. Число «один» является отправной точкой и имеет значение «сам по себе».

Значение «сам по себе» выражено в слове 一手 *иттэ* «одна рука» и во фразе 一手に引き受ける。 *Иттэ ни хикиукэру*. «Брать целиком на себя».

— «один» в значении «целиком, полностью» отражается в таких словах, как 一切 *иссай* «все, полностью, совершенно», 一般 *иппан* «общий или обыкновенный», 一定 *иттэй* «определенный, постоянный» и в устойчивых выражениях 一切合切 *иссай гасай* «всё целиком, полностью», 一定不変 (の) *иттэй фухэн (но)* «раз навсегда установленный и неизменный» [14, с. 48].

3. Значение «один и тот же, одинаковый» выражено в пословицах:

一つ釜の飯を食う。 *Хитоцу кама но мэси о куу*. «Есть рис из одного котелка». «Жить под одной крышей» [6, с. 378].

一つ穴の貉。 *Хитоцу ана но мудзина*. «Барсуки из одной норы». «Одного поля ягоды» [16, с. 67].

4. Значение «совместное действие» отражено в пословице

欠伸を一緒にすれば三日従兄弟。 *Акуби о иссёни сурэба микка итоко*. «Те, кто зевают вместе, являются двоюродными братьями на три дня». «Зевота заразительна» [17, с. 5].

5. Существуют пословицы, в которых — «один» выражает противоположные идеи. В одних выражает нечто большое, универсальное. В других — небольшую величину. В русском языке также существуют подобные выражения, например, «И один в поле воин», «Что я могу сделать один?».

一葉落ちて天下の秋を知る。 *Итиё: отитэ тэнка но аки о сиру*. «И один падающий лист предвещает осень». «Маленький признак является сигналом распада большой страны» [17, с. 86].

В японских пословицах часто используется слово 一寸 *иссун* «один сун» (единица измерения), при использовании которого возникает значение «несмотря на небольшую величину, это не должно отрицаться».

一寸先はやみ。 *Иссун саки ва ями*. «Шаг в темноте». «Будущее не ясно. Никто не может знать, что случится завтра» [17, с. 96].

6. В словах, содержащих морфемы со значением количества, и в пословицах, содержащих эти слова, наблюдается сочетание значения времени и существования.

嘘は一時。 *Усо ва иттоки*. «Ложь — короткое время». «Ложь живет недолго» [17, с. 316].

樂は一日、苦は一年。 *Раку ва итинити, ку ва итинэн*. «Радость — один день, горесть — один год». «Удовольствие короткое. Страдания долгие» [17, с. 222].

7. Широко используются заимствованные выражения с количественным *о*пе «один» → *ワン* и порядковым *first* «первый» → *ファースト* числительными, например, *ファースト・レディ* *фа:суто рэди* «первая леди», *ナンバーワン* *намба: ван* «первый, лучший», *ファースト・インプレッション* *фа:суто импурэссэн* «первое впечатление» и др.

II. Устойчивые выражения с числами от 二 «двух» до 十 «десяти»

1. Числительное 二 «два»

Для выражения значения «два» используются иероглифы 二 *ни*, 双 *фута*, 相 *со*; 両 *рё*: и заимствование ツー *цу*:

Числительное 二 «два» имеет следующие значения.

1. Количество «два». Лексика с использованием этого значения 二部 *нибу* «две части, два экземпляра», 二心 *футагокоро* «двуличие» и др.

瓜二つ。 *Ури футацу*. «Две тыквы». «Быть похожим, как две капли воды» [17, с. 313].

2. Противопоставление по принципу 陰 — 陽 *ин — ё*: например, «в природе Земля и Небо, темное и светлое, женщина и мужчина, минус и плюс, нет и да, слева и справа, юг и север; в обществе две руки, две ноги, два уха, два глаза» [6, с. 41]. Этот принцип находит отражение в слове 二季 *ники* «два сезона, весна и осень или зима и лето», в заимствованном выражении ツー・トン・カラー *цу: тон кара*: «сочетание двух тонов одного цвета» и в следующей пословице

天二物を与えず。 *Тэн нибуцу о атаэдзу*. «Небеса не дают (одновременно) двух качеств». «Красота и честность редко сочетаются» [17, с. 286].

В зависимости от контекста 二 «два» может либо подчеркивать уникальность — «один» (примеры а, б) либо иметь отрицательную коннотацию (примеры в, г).

Пример а. 雄一無二。 *Ю: ити му ни*. «Единственный, второго такого нет».

Пример б. 名人に二代なし。 *Мэйдзин ни нидай наси*. «У известного человека нет второго поколения». «Настоящее дело не имеет наследников» [17, с. 163].

Пример в. 二足の草鞋を履く。 *Нисоку но варадзи о хаку*. «Одновременно носить две пары *варадзи* (соломенные сандалии)». «Исполнять две роли одновременно, о совмещении двух несовместимых дел в погоне за прибылью» [17, с. 192].

Пример г. 二階から目薬。 *Никай кара мэзусури*. «Лить глазные капли со второго этажа». «Недостаточные усилия остаются без успеха» [17, с. 190].

Приведем несколько примеров с использованием других знаков, выражающих значение «два».

相合い傘。 *Айай гаса*. «Двое влюбленных под одним зонтиком». Используется для обозначения двух человек, делающих общее дело [15 с. 74].

国士無双。 *Кокуси мусо*: «Не имеющий себе равных человек в своей стране». «Первый гражданин страны».

両刀遣い。 *Рё: то: дзукаи*. «Владеющий двумя мечами». О человеке, владеющем двумя искусствами; имеющем две сильные стороны. В переносном значении «о любителе вина и сладостей, о бисексуале» [16, с. 94].

2. Числительное 三 «три»

Число 三 «три» имеет как благоприятные, например, 三才 *сансай* «три силы; небо, земля и человек; всё сущее», 三景 *санкэй* «три самых красивых вида в Японии: Мацусима, Миядзима и Ама но хасидатэ», так и неблагоприятные коннотации, например, 三災 *сансай* «в буддизме три несчастья: война, болезни, голод».

Существует много буддийских терминов, в составе которых используется морфема «три», например, 三世 *сансэ* «три стадии существования; прошлое, настоящее, будущее», 三苦 *санку* «три вида страданий: искупление чужой вины; страдания от лишения удовольствий; страдания, вызванные изменчивостью мира» и др.

Некоторые из выражений, содержащих морфему 三 «три», японская традиция относит к одной категории, например, 三種の神器 *сансю но дзинги* «три регалии императорской власти: зеркало, меч и яшма».

Существуют выражения, в которых отражены понятия современного японского общества, отсутствовавшие ранее, например, 三角関係 *санкаку канкэй* «отношения любовного треугольника».

Пословицы, в которых используется лексика со значением 三 «три», обладают следующими значениями, например,

三人知れば世界中。 *Санин сирэба, сэкайдзю:*. «Если знают три человека, знает весь мир». «Если знают три человека, скоро будут знать все» [17, с. 235].

女は三界に家なし。 *Онна ва сангай ни изэ наси*. «У женщины в трех мирах нет дома». «У женщины нигде нет дома. В буддизме женщина должна слушаться отца, после замужества мужа, в старости сына» [15, с. 99].

В имеющемся у нас материале наблюдается следующая тенденция: большое количество устойчивых выражений с числительным — «один» (что связано с его многозначностью), 二 «два» и 三 «три», а выражений с числительными от 四 «четырёх» до 十 «десяти» незначительное количество.

3. Числительное 四 «четыре»

Числительное 四 «четыре» имеет омофон 四 *си* «смерть», поэтому из японской системы счета было взято чтение ё. Это корень в прилагательных 良・善・好 «хороший».

Числительное 四 «четыре» предполагает симметрию, баланс или завершенность, например, 四時 *сидзи* «четыре времени года или год в целом», 四民 *симин* «четыре класса общества или в целом вся нация», 四苦 *сику* «в буддизме четыре страдания: рождение, старость, болезнь, смерть».

Из Китая пришел обычай, когда при вступлении на престол император пускал стрелы в четыре стороны, прося Небо о стабильности царства. Таким способом завоевывалось пространство, поэтому 四 обозначает четырехугольник, четыре стороны света и стабильность [19, с. 73].

四方山話。 *Ёмо яма банаси*. «Разговор на четыре стороны». «Разговор на разные темы» [16, с. 147].

Заимствованное выражение 四月馬鹿 *сигацу бака* «апрельский дурак» [16, с. 147].

4. Числительное 五 «пять»

Принцип 五行 *гогэ*: «пять элементов» управляет числами в японской культуре, поэтому существуют 五徳 *готокү* «пять добродетелей: доброта, честность, скромность, бережливость, уступчивость», 五彩 *госай* «пять основных цветов: синий, желтый, красный, черный, белый», 五大 *годай* «в буддизме пять основных элементов: земля, вода, огонь, ветер, пустота».

五指に余る。 *Го си ни амару*. «И пяти пальцев не надо». «О чем-то выдающемся» [16, с. 164].

5. Числительное 六 «шесть»

Числительное 六 «шесть», как и числительное 四 «четыре», может обозначать законченность, например, 六方 *роппо*: «шесть направлений: восток, запад, юг, север, верх и низ».

六日のあやめ。 *Муйка но аямэ*. «Ирисы шестого числа» [18, с. 10].

Это выражение имеет вариант

六日のあやめ、十日の菊。 *Муйка но аямэ, то:ка но кикү*. «Ирисы шестого числа, хризантемы десятого числа». Ирисы используются во время праздника 5 мая, а хризантемы — 9 сентября, на следующий день они не нужны. Значение этой пословицы можно передать русской пословицей «Хороша ложка к обеду».

6. Числительное 七 «семь»

Явного принципа, который бы объяснял коннотации числа 七 «семь», не прослеживается. Существуют 七福神 *ситифукудзин* «семь богов счастья», 七難 *ситинан* «в буддизме семь несчастий: эпидемия, вторжение неприятеля, восстание, изменение расположения созвездий, солнечные и лунные затмения, внезапный шторм, засуха».

無くて七癖。 *Накутэ нана кусэ*. «Минимум семь недостатков». «Каждый имеет свои особенности» [17, с. 181].

7. Числительное 八 «восемь»

По народным приметам очень счастливое число, форма иероглифа 八 напоминает перевернутый веер, будущее будет очень хорошим.

Есть существительные 八卦 *хаккэ* «восемь триграмм в Книге перемен», 八角堂 *хатикакүдо*: «восьмиугольный павильон в буддийских храмах» и др.

当るも八卦、当らぬも八卦。 *Атару мо хаккэ, атарану мо хаккэ*. «И то, что совпадает, — предсказание будущего, и то, что не совпадает, — предсказание будущего» [17, с. 24].

Числительное 八 «восемь» подобно числительным 四 «четыре» и 六 «шесть» имеет значение завершенности, что отражено в слове 八達 *хаттацу* «все направления», «быть сведущим во многих областях» и в сочетании 八達の人 *хаттацу но хито* «сведущий человек».

八方美人は美人でない。 *Хаппо: бидзин ва бидзин дэ най*. «Красота во всех направлениях не красота». «Друг для всех — не друг» [17, с. 55].

8. Числительное 九 «девять»

Числительное 九 «девять» считается зловещим, имеет омофон 苦 *ку* «мучительный».

В языке существуют табуированные слова, одним из которых является слово 櫛 *куси* «гребень». 櫛 *куси* является омофоном 苦死 *куси* «мучительная смерть». В древности существовал обычай: упавший гребень не поднимали, каким бы дорогим он ни был, чтобы избежать мучительной смерти. Также существовала примета, если в доме несчастье, надо выбросить гребень [20, с. 11].

九死一生。Кю: *си иссё*: «Девять смертей одна жизнь». «С трудом избежать опасности, быть на волоске от смерти» [14, с. 54].

9. Числительное 十 «десять»

Числительное 十 «десять» связано с китайской системой, адаптированной Японией приблизительно 1500 лет назад как основа для счета и арифметических действий. $10^1=10$, $10^2=100$, $10^3=1000$, $10^4=10\,000$.

У слова 十分 *дзю:бун* «десять частей» есть коннотация, связанная с омофоном 充分 *дзю:бун* «совершенно, вполне».

III. Использование числительных с большим значением

Ранее в Японии для обозначения малых и больших чисел использовались иероглифы. В настоящее время используются только 百 «сто», 千 «тысяча», 万 «десять тысяч». Если большое число превышает 万 «десять тысяч», с каждым четырехзначным разрядом добавляется иероглиф 億 *оку* «100 000 000» → 兆 *тё*: «10 000 000 000 000 000». Большие числа в словах и устойчивых выражениях могут изменять свое значение.

百 «сто» является самым маленьким среди числительных с большим значением. 百 «сто» имеет значение «всевозможные, различные» в словах 百貨店 *хяккатэн* «магазин, в котором продаются роскошные товары», 百科事典 *хяккадзитэн* «энциклопедия».

百 «сто» имеет значение «долго, вечно» в выражении

百年河清を待つ。Хяку нэн касэй о мацу. «Ждать сто лет, пока (Желтая) река станет чистой». «Напрасно ждать. Ждать, пока рак на горе свистнет» [17, с. 79].

百 «сто» в сочетании с 八 «восемь», 八百 «восемьсот» имеет значение «много» в слове 八百屋 *яоя* «овощной магазин», 八百万 *яоёродзу* «мириады» в сочетании 八百万の神 *яоёродзу но ками* «мириады богов».

При использовании числительного 千 «тысяча» его значение сохраняется, 千里 *сэн ри* «тысяча ри», например, в пословице

悪事千里を走る。Акудзи сэн ри о хасиру. «Плохие новости бегут тысячу ри». «Плохие новости распространяются быстро» [17, с. 4].

Однако значение может и изменяться, например, в сочетании

三千世界 *сандзэн сэкай* «в буддизме бесконечный и безграничный мир; вселенная».

Иероглиф 万 «десять тысяч» в словах, содержащих 万年 *маннэн* «десять тысяч лет», имеет значение «вечность», например, 万年雪 *маннэн юки* «вечные снега», 万年筆 *маннэнхицу* «вечное перо», 万年曆 *маннэн гоёми* «вечный календарь».

В японском языке 万 «десять тысяч» не означает верхний предел для больших чисел. 千万 *сэмман* «десять миллионов» в куном чтении *тиёродзу* значит «очень много». Это значение реализуется в слове 万屋 *ёродзюя* «магазин, в котором собраны различные товары; всезнайка, мастер на все руки».

IV. Устойчивые выражения, в которых используется одновременно несколько числительных

В этой категории мы выделили следующие наиболее часто используемые варианты.

1. Использование одного и то же числа несколько раз.

一利あれば一害あり. *Ити ри арэба ити гай ари*. «Если есть одно достоинство, есть один недостаток». «У каждого есть свои достоинства и недостатки» [17, с. 85].

2. Использование двух кратных чисел.

五十歩百歩. *Годзинпо хяппо*. «Пятьдесят шагов сто шагов». «Один другого стоит, два сапога пара» [14, с. 57].

3. Противопоставление двух чисел, одно из которых — «один».

а) — «один» противопоставляется 百 «ста».

百聞に一見に如かず. *Хякубун ни иккэн ни сикадзу*. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» [17, с. 78].

б) — «один» противопоставляется 千 «тысяче».

一字千金. *Итидзи сэнкин*. «Один иероглиф — тысяча золотых монет». «Золотые слова о непревзойденном значении письменного слова» [16, с. 16].

в) — «один» противопоставляется 万 «десяти тысячам».

万芸に通じて一芸を成さない. *Бан гэй ни цу:дзитэ, ити гэй о насанай*. «Быть сведущим в десяти тысячах искусств и не разбираться ни в одном». «Все знать, ничего не уметь» [18, с. 12].

一事が万事だ. *Итидзи га бандзи да*. «Одно дело — десять тысяч дел». «Одного аспекта достаточно, чтобы понять все дело в целом» [14, с. 58].

4. Использование двух рядом стоящих чисел.

一を知りて、二を知らず. *Ити о сиритэ, ни о сирадзу*. «Знать один, но не два». «Иметь односторонний взгляд, поверхностные знания» [17, с. 199].

5. Использование более чем двух чисел.

一押し、二金、三男. *Ити оси, ни канэ, сан отоко*. «Во-первых, предприимчивость, во-вторых, деньги, в-третьих, симпатичное лицо». «Приоритеты, с помощью которых можно привлечь женское внимание» [17, с. 82].

Итак, рассмотрев устойчивые выражения и лексику, содержащую морфемы с количественным значением, мы пришли к следующим выводам.

1. На формирование коннотаций в значении чисел оказало влияние несколько факторов, связанных с заимствованиями, пришедшими вместе с философскими учениями Китая и буддизмом, а также влиянием английского языка в XX в.

2. Коннотации чисел связаны только с иероглифическим написанием и не сохраняются при написании арабскими цифрами или азбукой.

3. В составе устойчивого выражения значение числительных и лексики, содержащей морфемы с количественным значением, может сохраняться, но может и изменяться.

4. Существуют различные варианты использования числительных в составе устойчивого выражения.

5. Слова, содержащие морфемы со значением количества и устойчивые выражения, содержащие эти слова, находятся на периферии категории количества, однако в языковой иероглифической культуре визуальное изображение намного экономичнее словесного выражения, что подтверждается наличием большого количества устойчи-

вых выражений с использованием числительных и слов с морфемами со значением количества.

Литература

1. *Сираиси Дайдзи*. Кокуго канъё:ку дзитэн. (Японский фразеологический словарь). То:кё:: То:кё:до: сюппан. 1977. 664 с.
2. *Миядзи Ютака*. Канъё:ку но ими то ё:хо:. (Семантика и использование фразеологии). То:кё:: Мэйд-зи сёин. 1982. 391 с.
3. *Ито Макото*. Канъё:ку но ими ко:дзо: (Семантическая структура фразеологизмов). Цукуба: Цукуба дайгаку гэндайго гэндай бункагакукэй. 1992. № 35. С. 108–193.
4. *Исида Пурисила*. Нитиэйго но тайсё: кэнкю:. (Сравнительное изучение японского и английского языков). Цукуба: Цукуба о:ё: гэнгогаку кэнкю:. 1996. № 3. С. 49–63.
5. *Коикэ Сэйдзи*. Канъё:ку но бунсэки то соно о:ё:. (Анализ фразеологии и ее практическое использование). Уцуномия: Уцуномия дайгаку кокусай гакубу кэнкю: ронсю:. 2003. № 16. С. 89–104.
6. *Ёнакава Акихико*. Нихонго канъё:ку дзитэн. (Словарь устойчивых выражений японского языка). То:кё:: То:кё:до: сюппан. 2005. 605 с.
7. *Быкова С. А.* Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: МГУ, 1985. 64 с.
8. *Фролова О. П.* Фразеология японского языка. Новосибирск: НГУ, 1979. 88 с.
9. *Жукова И. В.* Лексикология и фразеология японского языка: [История и методология]. М.: МГУ, 2003. 86 с.
10. *Тумаркин П. С.* Лексика, фразеология, жест в японской разговорной речи. М.: Восток-Запад, 2004. 244 с.
11. *Гуревич Т. М.* Человек в японском лингвокультурологическом пространстве. М.: МГИМО (У) МИД, 2005. 330 с.
12. *Мальцева Д. Г.* Страноведение через фразеологизмы. М.: Высшая школа, 1991. 175 с.
13. *Рыбин В. В.* Фонетика японского языка. СПб.: Гиперион, 2012. 343 с.
14. *Crump Tomas*. The Japanese Number Game: The Use and Understanding of Numbers in Modern Japan. London; New York; Routledge, 1992. 201 p.
15. *Минами Киёхико*. Мэйсу: эгаки дзитэн. (Словарь слов японского языка, содержащих числительные, с рисунками). То:кё:: Моримото инсацу. 2001. 389 р.
16. *Мори Муцухико*. Кадзу но цуку нихонго дзитэн. (Словарь слов японского языка, содержащих числительные). То:кё:: То:кё: до: инсацу. 1999. 342 с.
17. *Такасима Тайдзи*. Котовадза но идзуми. (Источник поговорок). То:кё:: The Hokuseido Press, 1981. 420 с.
18. *Пословицы и поговорки Японии*. М.: (издательство не указано), 2007. 318 с.
19. *Канэмицу Дзиндзабуро*.. Су:дзи но симбору. (Числовые символы). Гэнго. Т. 28, № 10. 1999. С. 72–78.
20. *Тамура Фумиро*.. Су:си дзёсу:си о мэгуттэ. (Числительные и счетные слова). Нихонгогаку. Т. 5, № 8. 1986. С. 4–12.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

В. В. Мызникова

РЕЧЕВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЙ В ЯПОНСКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Японский и корейский языки располагают всевозможными средствами контакта между общающимися людьми. Одним из таких средств является обращение. «Обращение — грамматически независимый и интонационно обусловленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [1, с. 340].

Обращение — это, как правило, имя существительное или субстантиват в звательной форме, называющий адресата речи [2, с. 1].

Н. И. Формановская отмечает, что «обращения — это номинации лица, указывающие на социальную группу, к которой принадлежит адресат, на роль, которую он исполняет, — профессиональную, иерархическую в служебных отношениях, возрастную, семейную» [3, с. 85].

Обращения относятся к области функционирования этикетных речевых актов (извинение, обращение, поздравление, похвала и др.), основное назначение которых — поддерживать ритуально-этикетные отношения в сфере вежливой коммуникации [2, с. 3]. Категория вежливости является одной из центральных в рамках этикетно-речевой коммуникации. С исторической точки зрения феномен вежливости берет начало с форм обращения и развивается в систему средств кодификации социального статуса участников коммуникации и социальной дистанции между ними [4, с. 87].

Изучение обращений необходимо для описания гонорифической системы японского и корейского языков. Система обращений формируется под влиянием восприятия собеседниками собственных межличностных отношений. Выбор формы обращения несет социальную и культурную информацию о коммуникативной ситуации, говорящем, адресате и их отношениях [5, с. 253]. С обращения к собеседнику часто начинается речевой контакт, и в силу этого обстоятельства в обращении зачастую задается «тон» всему последующему разговору.

Представляется, что чем сложнее классовое и сословное деление общества, тем больше разнообразных форм обращений можно встретить в языке. Это можно проследить на примере корейского и японского языков.

Ввиду отсутствия подробного исследования изучение форм обращений в японском и корейском языкознании представляет несомненный интерес для отечественных лингвистов. Наиболее детальное изучение форм обращений в отечественном языкознании представлено в работах В. М. Алпатова, Н. М. Свининой (японский язык) и И. Д. Скорбатюк, Т. Ю. Каплан (корейский язык).

В японском языкознании под обращением понимается «имя в форме именительного падежа, называющее того, кому адресована речь» [5, с. 253]. Термин «обращение»

Мызникова Валерия Валерьевна — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет; ассистент, Дальневосточный федеральный университет; e-mail: plyaskina_valeri@mail.ru

используется и по отношению к словам, которые обычно выполняют соответствующую функцию [5, с. 253].

В корейском языке И. Д. Скорбатюк выделяет обращения в отдельную категорию, называя ее «составляющей формой вежливости в корейском языке» [6, с. 310].

Обращениями в первую очередь служат имена людей, термины родства, название лиц по профессии, занятию, должности, званию и т. д. В японском и корейском языках использование обращений зависит от гендерного признака, возраста и социального положения коммуникантов.

Особенности использования обращений в японском языке

Японский язык располагает рядом форм обращений, использование которых обусловлено социальным статусом, возрастом, полом собеседников. Данный факт выражается в существовании большого количества личных местоимений 2-го лица, специальных именных суффиксов, слов-обращений. Однако необходимо отметить относительную редкость использования личных местоимений в речи японцев и негласное правило избегать употребления личных местоимений при обращении.

Разнообразие форм обращений, существующих в японском языке, позволяет дифференцировать их:

- по степени формальности / неформальности ситуации;
- по иерархическому признаку (социальный статус, возраст, пол);
- по признаку «свой — чужой».

Несомненно, значительную часть обращений составляют местоимения. Однако местоимения не исчерпывают всех видов обращений, существующих в японском языке. Например, в качестве обращений широко используются термины родства, название профессии или занимаемой должности. Все обращения в полной мере отображают степень близости отношений между собеседниками, их социальный статус, а нередко с помощью обращений можно определить и приблизительный возраст беседующих.

Выделим основные способы употребления обращений в японском языке.

1. Фамилии, имена, использующиеся в качестве обращений.

玲子、ありきたり でない 物は どう [7, с. 143]?

Рэйко, арикитари дэ наи моно ва до:? («Рэйко, что думаешь насчет неординарной вещи?»).

Чаще всего в японском обществе используются следующие формы обращений с использованием имени:

- 1) фамилия + именной суффикс (например -сан, -сама);
- 2) фамилия + название должность, звание (например -буче:).
2. Личные местоимения второго и третьего лица (аната, кими, омаэ, канодзе: и пр.).

君は 今 手が あいたら、手伝って くない [8, с. 17]?

Кими ва има тэ га аитара, тэцудатте курэнай? («Если ты сейчас свободен, не можешь?»).

Приведенное в примере местоимение *кими* (ты) употребляется только к лицам мужского пола. Японские исследователи настаивают, что *кими* в основном используется в отношении лиц, находящихся примерно в равном с говорящим положении. Однако нередки случаи употребления этого местоимения по отношению к младшим или

подчиненным. Например, при помощи этого местоимения начальник может обратиться к подчиненному, учитель — к ученикам, клиент — к обслуживающему персоналу [9, с. 122].

В обращениях к вышестоящим местоимения не используются. В ситуациях, требующих наибольшей вежливости, к собеседнику обращаются, используя формулу «фамилия + должность, звание» или по названию занимаемой должности.

3. Добавление к фамилии, имени специальных суффиксов: вежливых (-доно, -са-ма), нейтрально-вежливых (-сан), дружеских или снисходительных (-кун, -тян).

伊佐山さん、弁護士に 相談したら いかがでしょうか [10, с. 27].

Исаяма-сан, бэнгоси ни со:дан ситара икага дэсе:ка? («Господин Исаяма, почему бы Вам не проконсультироваться у адвоката?»).

4. Название людей по степени родства используется как по отношению к родственникам, так и при фамильярно-дружеском обращении к незнакомым людям: *о-нэ:сан* (сестра), *нэ:тян* (сестренка), *о-дзи:тян* (дедушка).

お母さん、とうとう 家出したの [11, с. 210]?

Ока:сан, то:то: узэдэ сита но? («Мама, ты наконец покинула дом?»).

5. Добавление к фамилии слов, обозначающих профессии, должности, социальные ранги: *-кате:* (начальник отдела), *-со:ри* (премьер), *-дайдзин* (министр), *-кантоку* (режиссер), *-сэнсэй* (обращение к учителям, врачам, политикам):

森野部長、出向により 子会社の 運営を 任せます [10, с. 199].

Морино-буте:, сюкко: ни ери когайся но унъяй о макасэмасу («Начальник отдела Морино, в связи с Вашим командированием (сюда) поручаем Вам управление дочерней компанией»).

6. Обращение к человеку с помощью слов — показателей профессии, должности, звания: *сэнсэй* (обращение к учителям, врачам, политикам), *сяте:* (директор, начальник), *окусан* (обращение к замужней женщине):

先生、先生は どんな 歌手が 好きですか [7, с. 148].

Сэнсэй, сэнсэй ва донна касю га суки дэсука? («Учитель, какие Вам (учителю) нравятся певцы?»).

В японском языке распространено обращение по названию дела или профессии. Как указывает В. В. Овчинников [12, с. 69], это считается наследием феодальных времен, когда японское общество делилось на четыре сословия: военные (самураи), земледельцы, ремесленники и торговцы. Обращаться по фамилии разрешалось только к самураям, а к торговцам как представителям низшего сословия было предписано обращаться по названию их дела. Хотя в настоящее время такого деления не существует, речевая традиция сохранилась. Сегодня по названию дела (профессии) обращаются не только к торговцам, но и к таким уважаемым лицам, как режиссеры, премьер-министры и т. д.

Как отмечает В. М. Алпатов, используемые в японском языке обращения различаются и по гендерному признаку: женская речь традиционно считается более вежливой, чем мужская. Особенно явно такие различия проявляются в использовании местоимений [9, с. 118].

Кроме противопоставления различных видов обращений, существует оппозиция наличия/отсутствия обращения. Повторы обращений, свойственные речевому обще-

нию, подчеркивают направленность речи и означают включение собеседника в личную сферу говорящего. И, напротив, неиспользование обращений в разговоре создает ощущение холодности, отдаленности, а иногда расценивается как недостаток уважительности к собеседнику [7, с. 155].

Японцы всегда приучали своих детей говорить вежливо. Обращение — это одна из составных категории вежливости, одно из главных средств универсального характера для установления контакта и регулирования социальных взаимоотношений. Обращением говорящий предлагает адресату определенное распределение ролей и определенный тип общения.

Однако в настоящее время в школах не преподают основы использования норм вежливости в японском языке, не учат многим правилам, для которых в принципе и не существует прямых формулировок, а также нет отдельных пособий по изучению вежливых форм для школьников [7, с. 126]. В начальных классах дети обычно берут пример с родителей, пытаются применить вежливые формы при обращении к учителям, поэтому на момент перехода в среднюю школу уже в некоторой степени овладевают навыками использования вежливых форм. Сейчас под влиянием Запада среди молодого поколения японцев распространилось мнение, что чувства и отношение к человеку являются первостепенными, а форма их выражения не играет существенной роли в речевой коммуникации.

Особенности использования обращений в корейском языке

Категория обращения современного корейского языка очень сложна и трудна для освоения как самими корейцами, так и иностранцами, изучающими корейский язык. Т. Ю. Каплан связывает это с тем, что раньше в обществе существовало четкое деление на классы и каждому классу была присуща своя устоявшаяся система обращений [4, с. 10]. В настоящее время в результате демократизации социальные границы в обществе размыты, круг общения каждого человека значительно расширился, поэтому стало гораздо труднее выбрать подходящее обращение. Кроме того, на протяжении многих веков Корея была изолированным государством, теперь же она¹ активно сотрудничает со многими странами, что оказывает влияние не только на ее культуру, но и на язык. Все эти изменения сказались и на системе обращений.

Корейские лингвисты, говоря об обращениях, подразделяют их на два типа:

1) собственно обращения — слова, основная функция которых заключается в обращении к слушающему, побуждению его к восприятию речи;

2) обозначения — слова, употребляющиеся в разговоре о третьем лице и способные в определенных условиях выполнять роль обращений [4, с. 12].

Существует ряд факторов, влияющих на выбор тех или иных форм обращения в корейском языке:

1) степень формальности (официальная или неофициальная обстановка);

2) иерархический признак (социальный статус, соотношение возрастов, гендерные особенности говорящих);

¹ Здесь имеется в виду Южная Корея, так как в статье рассматривается категория обращений на примере сеульского диалекта.

3) степень близости коммуникантов (описывается понятиями «свой — чужой», «знакомый — незнакомый»).

Употребление обращений в различных языках, как правило, сопряжено с использованием личных местоимений. Однако прежде чем рассматривать роль местоимений в системе обращений в корейском языке, нельзя не напомнить, что категории лица в том смысле, который вкладывается в это понятие в русском языке, корейский язык не знает. В то же время в корейском языке существует группа личных местоимений, функциональная особенность которых заключается в указании на ту или иную степень вежливости. Роль местоимений в корейском разговорном языке ограничивается рядом обстоятельств:

1) в системе личных местоимений корейского языка фактически отсутствуют вежливые местоимения 2-го лица и имеется только одно вежливое местоимение 3-го лица;

2) местоимения в функции обращений способны оказать негативное влияние на стиль высказывания и выражения [6, с. 310].

Корейцы фактически не используют местоимения в качестве обращений. Чаще всего употребляются фамилии вместе с именами или только фамилии людей.

Перечислим основные способы лексического оформления обращений в корейском языке.

1. Фамилии, имена.

Фамилии используются корейцами в качестве обращения в большинстве случаев в составе следующих сочетаний:

1) фамилия (и имя) + название должности, звание;

2) фамилия (и имя) + именные суффиксы (например, *-сси*);

3) фамилия (и имя) + должность + именные суффиксы (например, *-ним*, *-гесо*).

Сочетания, включающие в себя фамилии и имена или только фамилии, используются в качестве обращений для выражения почтительного отношения к собеседнику, например: *김종일 선생* *ким чонъиль сэнсэй* (учитель Чониль) или *이주영 부수장* *иджу-ень пусусанъ* (заместитель премьер-министра Ли Чуен).

2. Добавление к фамилии именных суффиксов: *-сси*, *-ним*.

김씨, 이번 휴가는 어떻게 지내시렵니까 [13, с. 59]?

Кимсси, ипон хюганын отокхэ чинэсиремника? («Господин Ким, как Вы собираетесь провести отпуск на этот раз?»).

3. Название людей по степени родства: *omma* (мама), *харабоним* (дедушка) и пр.

할머니, 저기 있는 옷도 다 보셨어요 [14, с. 120]?

Хальмоним, чоги инын отто та посессое? («Бабушка, ты уже всю одежду здесь посмотрела?»).

Одна из самых сложных и непонятных для иностранцев особенностей корейского языка — наличие множества обращений в кругу семьи.

4. Добавление к фамилии слов, обозначающих профессии, и именных суффиксов *-ним* или *-гесо*: *-гваджанъ* + *ним* (начальник общего отдела), *-сонъсэнъ* + *ним* (учитель), — *соннэ* + *ним* (старший, более опытный) и т. д.

김광성부장님이 허락하시거든 갔다오겠습니다 [4, с. 49].

Кимгванъсонъ пуджанъ ними хоракхасикодын каттаогессимнида («Если (Вы), заведующий отделом Ким Гвасон, позволите, то я схожу»).

5. Обращение к человеку с помощью слов — показателей профессии, должности, звания и вежливых именных суффиксов *-ним* или *-гесо*: *пуджанъ + ним* (начальник), *гваджаанъ + ним* (начальник отдела) и пр.

부장께서 언제 돌아오셨습니까 [4, с. 49]?

Пуджан гесо ондже тора осессымника? («Господин начальник отдела, когда Вы вернулись?»).

В современном корейском языке очень часто в качестве обращений используются названия должностей. Такие обращения употребляются в основном в официальной обстановке, но если у собеседников отношения не близкие, то их принято использовать и в неофициальной обстановке. Например: *сусанъ* (премьер-министр), *тэса* (пол), *чхонъмунуджан* (начальник общего отдела).

В качестве обращений широко используются также названия профессий и специальностей, например: *чакка* (писатель), *ыйса* (врач), *пэу* (артист), *унджонсу* (водитель).

В корейском языке существует большое количество обращений, которые регулируют нормы речевого поведения в самых различных ситуациях. Система обращений корейского языка богата и сложна, она имеет глубокие корни. Но в современном обществе традиционные формы обращения используются все реже, также наблюдается универсализация обращений: некоторые обращения сейчас можно использовать по отношению к мужчине и по отношению к женщине, по отношению к вышестоящему и по отношению к равному по должности.

Последнее время в качестве обращений, используемых в обществе, стали употребляться термины родства. По отношению к незнакомым людям они употребляются в неофициальной обстановке и выражают относительно дружеское, неформальное отношение к собеседнику. Все эти изменения в категории обращений отразили социальные и экономические преобразования, произошедшие в Южной Корее за последнее время.

Итак, в результате проведенного анализа форм обращений в японском и корейском языках, можно сделать следующие выводы.

1. Признак иерархии является наиболее важным при выборе адекватных речевой ситуации форм обращений в обоих языках. Степень формальности ситуации, межличностные отношения и гендерная принадлежность собеседников влияют на использование обращений как в корейском, так и в японском языке.

2. Использование максимально формальных обращений способствует повышению общей степени вежливости речи в обоих языках, что выражается путем последовательного употребления гоноративных и деприциативных форм.

3. Наиболее распространенными формами обращений являются: обращения по формуле «фамилия + должность, звание». Данный способ присутствует как в корейском, так и в японском языке. Однако в корейском языке вежливость усиливается за счет присоединения к данной формуле именных вежливых суффиксов, что совсем не характерно для японского языка.

4. Обращение к собеседнику с помощью суффиксов *-сан* в японском языке и *-си* в корейском языке возможно при отсутствии знаний о должности или звании адресата.

5. Обращение к собеседнику с помощью местоимений допустимо только в японском языке. Корейцы, ввиду отсутствия вежливых местоимений 2-го лица, не исполь-

зуют простые формы местоимений в качестве обращений. Однако в обоих языках местоимения в функции обращений способны оказать негативное влияние на стиль высказывания.

Литература

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
2. Щербинина И. В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
3. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.
4. Каплан Т. Ю., Дерюгина Т. С. Речевой этикет современного корейского языка: учеб. пособие для студентов 4 курса. Владивосток: Издательство ДВГУ, 2003. 134 с.
5. Кронгауз М. А., Такахаси К. Обращение по имени в русском и японском языках // Труды культурной антропологии: Памяти Григория Александровича Ткаченко. М., 2002. С. 252–274.
6. Скорбатьюк И. Д. Некоторые аспекты выражения форм вежливости в корейском языке // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 306–319.
7. Свинина Н. М. Деловой стиль японского языка в устной форме: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 200 с.
8. Вейнберг Н. М. Влияние признака иерархии на выбор форм обращений в устной коммуникации в японском языке // Японские чтения в Санкт-Петербурге. Вып. 1. Материалы научно-практической конференции «Японский язык: перспективы научного исследования» / под общ. ред. канд. филол. наук, доц. Поляковой К. В. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. С. 14–20.
9. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. М.: Муравей-Гайд, 2003. 200 с.
10. Morino Toyosaki. Ofisu de tsukau biznesu nihongo 2300 (Японский язык в офисе). Токио, 1993. 825 р.
11. Kirino Natsuo. Sabiru kokoro (Заржавевшее сердце). Токио, 2000. 249 р.
12. Овчинников В. В. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. М.: Молодая гвардия, 1988. 219 с.
13. Hangugo 4. Hangugo munhwa yeonsuburyeon (Ежегодный сборник корейских рассказов). Koryeotaehakkyo. Minjok munhwa yeonguso, 2003. 165 р.
14. Hangugo 2. Hangugo munhwa yeonsuburyeon (Ежегодный сборник корейских рассказов). Koryeotaehakkyo. Minjok munhwa yeonguso, 2003. 192 р.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 81(091); 81'374

Н. В. Гурьян

СЛОВАРЬ «СЯО ЭРЬЯ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Из истории словаря

«Сяо Эрья» 小爾雅 («Малый Эрья») — наиболее ранний памятник из серии написанных «по образу и подобию» первого китайского тезауруса «Эрья» 爾雅 (III в. до н.э.) и дополняющих его содержание. Первая известная запись об этой книге, как и запись об «Эрья», содержится в «Хань шу» («История Хань»), в разделе «И вэнь чжи» («Библиографический трактат»). До династии Тан при цитировании «Сяо Эрья» комментаторы называли его по-разному: то «Сяо Эрья» 小爾雅 (в иероглифической записи встречается вариант 小尔疋), то «Сяо я» 小雅 (филологи спорят, какое из этих двух заглавий являлось исходным). Иногда цитаты из «Сяо Эрья» выдавались за материал «Эрья» 爾雅 и даже «Гуанъя» 廣雅 [1, р. 2–3], в некоторых случаях название памятника и вовсе не уточнялось [2, р. 61–64]. В научной литературе до сих пор обсуждаются вопросы, касающиеся авторства и времени создания словаря, его связи с трактатом «Кун цун цзы» 孔叢子. Предметом долгой дискуссии оставался также вопрос о том, является ли восстановленный во времена правления Сун «Сяо Эрья» аутентичным вариантом памятника, упоминаемого в «Хань шу», или же это поздняя фальсификация.

Окончательное установление авторства «Сяо Эрья» (если это вообще возможно), а также уточнение некоторых спорных фактов истории бытования этого памятника — дело будущего. На сегодняшний день еще не выработано единой, общепринятой точки зрения по данной проблеме.

По каким-то причинам (возможно, из-за весьма ограниченного объема словаря, сомнений в аутентичности происхождения) «Сяо Эрья» не получил такого широкого признания, как «Эрья», в силу чего был и до сих пор остается гораздо менее изученным: историография «Сяо Эрья» не очень богата как в самом Китае, так и на Западе. О каких-либо специальных исследованиях «Сяо Эрья», выполненных российскими синологами, автору настоящей статьи не известно.

Гурьян Наталья Викторовна — канд. филол. наук, докторант, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова; доцент, Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики; e-mail: guryan-natalia@yandex.ru

2. Содержание и особенности устройства «Сяо Эръя»

История китайских тезаурусов ведется с «Эръя», который фактически стал образцом и эмпирической базой для последующих словарей данного типа. «Сяо Эръя» — один из наиболее ранних памятников, продолживших тезаурусную линию. В китайской традиции он рассматривается как своего рода дополнение к «Эръя», поэтому его анализ и описание неизбежно даются нами в сравнении с предшественником.

2.1. Макроструктура словаря:

Рубрикация. Распределение материала по главам

Структурно «Сяо Эръя» состоит из 13 глав-цзюаней, по композиции схож с «Эръя» и отчетливо делится на две части: в первой (начальные три главы) толкуется абстрактная лексика, во второй (остальные главы) — терминологическая. Однако по сравнению с «Эръя» число рубрик в «Сяо Эръя» уменьшилось на треть. Перечень разделов обоих памятников мы поместили в таблице 1.

Таблица 1. Список разделов «Эръя» и «Сяо Эръя»

	«ЭРЬЯ»	Глава	«СЯО ЭРЬЯ»
Абстрактная лексика	釋詁 Толкования (гу)	I	廣詁 Толкования (гу)
	釋言 Речи (янь)	II	廣言 Речи (янь)
	釋訓 Поучения (сюнь)	III	廣訓 Поучения (сюнь)
Терминологическая лексика	釋親 Родство	IV	廣義 Благопристойность
	釋宮 Жилища	V	廣名 Имена [смерть, похороны]
	釋器 Утварь	VI	廣服 Одежда
	釋樂 Музыка	VII	廣器 Утварь
	釋天 Небо	VIII	廣物 Дары природы [растения]
	釋地 Земля	IX	廣鳥 Птицы
	釋丘 Холмы	X	廣獸 Звери
	釋山 Горы	XI	度 Меры длины
	釋水 Воды	XII	量 Меры объема
	釋草 Травы	XIII	衡 Меры веса
	釋木 Деревья	XIV	
	釋蟲 Насекомые, гады	XV	
	釋魚 Рыбы	XVI	
	釋鳥 Птицы	XVII	
	釋獸 Звери	XVIII	
	釋畜 Домашние животные	XIX	

Далее перейдем к рассмотрению состава глав.

В «Гуан гу» 廣詁 и «Гуан янь» 廣言 объясняется неспециальная односложная лексика. По сути эти две главы можно квалифицировать как сборник синонимов, основной структурной единицей которого является глосса, состоящая из синонимического ряда на входе (левая, поясняемая часть) и доминантного слова на выходе (правая, поясняющая часть; толкование). В первой главе насчитывается 51 глосса, из которых

22 глоссы имеют по 4 иероглифа в составе поясняемой части, 16 глосс — по 3 иероглифа, по 5 глосс приходится на поясняемые части из 8 и 6 иероглифов, 2 глоссы — 5 иероглифов, 1 глосса — 2 иероглифа. Вторая глава существенно длиннее первой (вообще и первая, и вторая главы значительно объемнее всех остальных глав словаря) — общее количество глосс составляет 160, из них 3 глоссы в поясняемых частях имеют по 3 знака, 59 глосс — по 2 знака, 98 глосс — по 1 знаку¹. Толкование осуществляется посредством односложных синонимов, за единственным исключением в главе «Гуан янь»:

«廣言»: 嗟，發聲也。Цзе [jɿʃ/jɿʃ, междом. ах!, ай!, ох!, увы!] — это фа шэн [издавать звук; подавать голос].

Глава «Гуан сюнь» 廣訓 включает 21 глоссу. Если стандартной единицей описания в «Сяо Эръя» следует признать односложное слово-иероглиф, то (по аналогии с 3-й главой «Эръя» «Ши сюнь») очевидное отличие «Гуан сюнь» от двух предыдущих глав состоит в том, что в ней собран разноплановый «нестандартный» материал, как по характеристикам объекта описания, так и по способам описания. Толкованию здесь подвергаются слова-стяжения (諸 — стяжение 之 и 乎, 旃 — стяжение 之 и 焉²), во-просительное сочетание (惡乎 как?, каким образом?), междометия (烏乎, 籲嗟), словосочетания (無念 не лучше ли помнить, 無寧 [чем,...] лучше уж..., 不肖 непохожий, 繩之 хвалить (превозносить) его/это и др.), целые фразы из «Шицзина» (遐不黃耆, 言壽考也. Ужель не пожелтеть [в сединах], морщинами не покрыться? — Говорится о глубокой старости и др.). В отличие от «Эръя» здесь нет редуцированных слов.

Далее, как и в «Эръя», следуют главы, которые так или иначе посвящены человеку, — их четыре.

В «Гуан и» 廣義 описывается лексика, относящаяся к социальной сфере жизни: человек по отношению к браку (одинокый, вдова, бобыль; наложница/второстепенная жена); поведение человека по отношению к морально-этическим нормам, оценка этого поведения (порицать/осуждать; прелюбодействовать, развратный, порочный); эмоции, вызванные нарушением морально-этических норм (стыд/позор/смущение/угрызения совести), к примеру:

凡無妻無夫通謂之寡。 Всякий, не имеющий жены или мужа, обычно называется гуа [guā, одинокий].

寡夫曰鰥, Одинокого мужчину называют цюнь [qióng, вдовец, бобыль].

寡婦曰鰥³. Одинокую женщину называют ли [lǐ, вдова].

男女不以禮交謂之淫。 [Когда] мужчины и женщины общаются не в соответствии с правилами этикета, [это] называется инь [yín, развратничать].

上淫曰烝。 Вступать в незаконную связь со старшими называется чжэн [zhēng, прелюбодействовать с представительницей старшего поколения].

下淫曰報。 Вступать в незаконную связь с младшими называется бао [bào].

В «Гуан мин» 廣名 собрана «похоронная» лексика (великое событие [о смерти], гроб, могила и т.д.):

諱死謂之大行。 [Когда] боятся (избегают) говорить о смерти, называют дасин [dàxíng, великое событие].

死而復生謂之蘇。 [Если] умер и снова ожил (воскрес), называют [это] су [sū].

¹ Количественные данные получены на основе текста «Сяо Эръя с современными комментариями» в редакции Ян Линя [1].

² Вторая глосса имеет вид: 旃, 焉也.

³ Графические варианты этого знака: 嫠 lǐ, 鰥 lǐ.

空棺謂之櫬，有屍謂之柩。 Пустой гроб называется чэнь [chèn], гроб с телом умершего называется цзю [jiù].

埋柩謂之殮。 Закапывать [в землю] гроб с телом умершего называется и [yì].

В «Гуан фу» 廣服 включены единицы, номинирующие некоторые виды тканей, головной убор, обувь, украшения на одежде и некоторые смежные понятия. Приведем некоторые толкования:

縞之麓者曰素。 Толстый/плотный гао [белый шелк] называется су [sù, некрашеный чистый белый шелк; суровая ткань].

在首謂之元服。 [То, что носят] на голове, называется юаньфу [yuánfú, головной убор].

袴謂之裳(褰)⁴. Ку [kù, штаны, брюки] называют чан [cháng, одежда для нижней части тела] (褰 qiān, штаны).

Кроме того, здесь есть глоссы, которые не соответствуют тематике главы, в частности, циновка/лежанка, веер/опяхало, замок/запор, палка, доска (шахматная, шашечная):

覆帳謂之幄。 Фучжан [досл. покрывающий шатер/палатка] называется во [wò, шатер, палатка].

幄，幕也。 Во — это му [mù, шатер, палатка].

簣，第⁵牀也。 Цзэ [zé, бамбуковая циновка (подстилка в постели, для сиденья) — это ди(изы)чуан.

扇謂之箑。 Большой веер (опяхало) называется ша [shà].

杖謂之挺(挺)。 Чжан [палка] называется тин.

鍵謂之籥。 Цзянь [замок, запор] называется юэ [yuè].

棊局謂之奕(弈)。 Цицзю [игра в шашки, шахматы] называется и [облавные шашки].

В «Гуан ци» 廣器 включены такие термины, как мишень и ее части (яблочко, центр), здесь же попутно указываются их размеры; некоторые виды оружия и доспехов (алебарда, боевой топор, щит и др.), лодка и ее части, некоторые детали повозки, а также веревка. Приведем некоторые толкования:

射有張布謂之侯。 Натянутое полотно для стрельбы из лука называется хоу [hóu, мишень].

侯中者謂之鹄⁶. Центр хоу называется гу [gǔ, яблочко мишени; малая мишень].

鹄中者謂之正。 正方二尺。 Центр гу называется чжэн [zhèng, центр мишени, яблочко]. Чжэн — это квадрат со стороной в 2 чи.

小謂之艇。 Маленький чуань [chián, корабль, судно, лодка] называется тин [tīng].

艇之小者曰舠⁷. Маленький тин называется бу [bù].

船頭謂之舳。 Передняя часть (нос) судна называется чжоу [zhóu].

尾謂之艫⁸. Задняя часть (корма) называется лу [lú; lǔ].

楫謂之橈。 Цзи [jì, короткое весло] называют жао [ráo, короткое весло].

纆、綆，繆也。 Лэй [léi, веревка], гэн [gēng, колодезная верёвка] — это юй [yù, колодезная веревка].

⁴ В круглых скобках здесь и далее для аналогичных случаев приводятся «правильные» варианты иероглифов, которые указывает Ян Линь [1].

⁵ Согласно комментариям, иероглиф 第 dī в данной глоссе записан ошибочно вместо 第 zǐ подстилка; спальная циновка, постель [1, p. 197].

⁶ Древняя мишень состояла из трех концентрических квадратов [1, с. 205].

⁷ В словаре «Фанъянь» 舠 bǔ определяется как «短而深者謂之舠» — короткое [небольшое] судно с большой осадкой [3, p. 59].

⁸ Толкования «Сяо Эръя» расходятся с толкованиями других ханьских словарей («Фанъянь», «Шовэнь») и многих комментариев, согласно которым 舳 zhòu — это корма, а 舫 lú — это нос судна [1, p. 218–219; 3, p. 59].

В эту же главу по каким-то причинам попала «ландшафтная» лексика — 7 глосс в конце главы, которые явно не вписываются в тематику «Гуан ци»:

墉, 城地也。Юн [yóng, город] — городские земли.
垌, 地也。Тун [dòng, поле, пашня] — это ди [dì, земля; угодье, поля].
墉牆謂之陴。Юнцян [yǒngqiáng] называется пи [pí, паранет (на городской стене), брустверная стенка].
高平謂之大原。Гао пин [gāo píng, досл. вздымающаяся равнина] называется даюань [dàuyán, великая равнина].
汪, 池也。Ван [wāng, водная ширь; водоем, пруд] — это чи [chí, пруд, водоем].
水之北謂之汭。Река течет с севера — называют это жуи [rui].
澤之廣者謂之衍。Широкий цзэ [zé, водоем, пруд, болото] называют янь [yǎn].

Являются ли упомянутые «лишние» глоссы в «Гуан фу» и «Гуан ци» частями (остатками) каких-то утерянных глав, или же это недоработка составителя и определенное несовершенство системы, пока сказать трудно. Похоже, что китайских исследователей не особо заботит этот вопрос, по крайней мере, на данном этапе исследования каких-либо суждений на этот счет в литературе нам не встретилось.

Следующие три главы относятся к блоку, описывающему флору и фауну. В «Гуан у» 廣物 толкуются некоторые наименования культурных растений и смежных понятий (солома, сено; зерно/злаки; овощи; срезать колосья, корчевать; вязанка/сноп; финик, шелковица, желудь):

稿謂之稈。Гао [gǎo] называется гань [gǎn, стебель злаков; солома].
稈謂之芻。Гань называется чу [chú, сено; (кормовая) трава; солома].
生曰生芻。Шэн [свежим] называют шэнчу [shēngchú, свежескошенное сено].
穀謂之粒。Гу [gǔ, хлеба, злаки; зерновые; зерно] называют ли [lì, зерно, крупинка; злаки].
禾穗謂之穎。Хэсуи [hésui, (рисовые) колосья] называют ин [yǐng, jǐng].
截穎謂之銓。Срезать колосья называется чжи [zhì].
把謂之秉。Ба [bǎ, связка, пучок] называется бин [bǐng, пучок, связка (хлебных колосьев)].
秉四曰筥。Четыре бина (связки) называют цзюй [jǔ, сноп].
筥十曰穰⁹. Десять цзюй (снопов) называют цзун [zōng, сноп; вязанка].
棘之實謂之棗。Плоды цзи [jí, унаби, жужуба] называются цзао [zǎo, китайский финик, жужуб].
桑之實謂之椹。Плоды сан [sāng, шелковицы] называются шэнь [shèn, вм. 葚].

В «Гуан няо» 廣鳥 представлены такие лексические единицы (далее — ЛЕ), как перелетные птицы, гусь и разные наименования ворона/вороны, например:

去陰就陽謂之陽鳥(鳥), 鴻鴈是也。[Птицы] улетающие от холода и стремящиеся к теплу, называются янню [yángniǎo, перелетные птицы]; это хун [hóng, гусь-гуменник] и янь [yǎn, гусь белолобый].
白項而群飛者謂之燕鳥, 白脰鳥也。[Птица] с белой шейкой, летающая в стае, называется янью [yǎnwǔ, белогрудая ворона]; [по-другому называется] байдоуу [báidōuwǔ].
雅鳥, 鸞也。Яу [yǎwǔ, ворон] — это юй [yǔi, восточная галка].

Глава «Гуан шоу» 廣獸 начинается с толкования терминов свинья, кабан, поросенок, затем объясняются наименования гнезда, норы и места отдыха применительно к разным видам животных.

豕, 彘也。Ши [shǐ, свинья, кабан; вепрь] — это чжи [zhì, кабан; дикая свинья].
彘, 豬也。Чжи [zhì] — это чжу [zhū, свинья; кабан; вепрь; поросенок].

⁹ В списках словаря под редакциями Ван Сюя и Ху Чэнгуна значится другой графический вариант иероглифа: 稷 [1, p. 236].

其子曰豚。 Ее детеныша называют тунь [tún, поросенок].
 豕之大者謂之豨。 Большая свинья называется цзянь [jiàn].
 小者謂之豨。 Маленькая называется цзун [zōng, поросенок; молодая свинья].
 鳥之所乳謂之巢。 У птиц место насиживания яиц называется чао [cháo, гнездо (на дереве)].
 鷄雉所乳謂之窠。 У кур и самок фазана место насиживания яиц называется кэ [kè, яма, углубление; гнездо].
 鹿之所息謂之場。 Место отдыха оленей называется чан [cháng; chǎng].
 兔之所息謂之窟。 Место отдыха зайцев называется ку [kū, отверстие [в земле]; нора].
 魚之所息謂之潛。 Место отдыха рыб называется цян [qián, рыбий садок].
 潛, 慘也。 Цян — это сэн [sēn, рыбный загон (из прутьев)].

Завершают словарь три главы с толкованиями мер длины, объема и веса: «Ду» 度, «Лян» 量, «Хэн» 衡. Ниже приведены выдержки из них:

«小爾雅·度»:

四尺謂之仞。 Четыре чи [chǐ] называется жэнь [rèn].

倍仞謂之尋。 Двойной жэнь называется сюнь [xún].

«小爾雅·量»:

一手之盛謂之溢。 Пригоршня в одной ладони называется и [yì].

兩手謂之掬。 [Пригоршня] в двух ладонях называется цзюй [jǔ].

«小爾雅·衡»:

二十四銖曰兩。 Двадцать четыре чжу [zhǔ] называют лян [liǎng].

兩有半曰捷。 Лян с половиной называют цзе [jié].

倍捷曰舉¹⁰. Двойной цзе называют цзюй [jǔ].

倍舉曰鏹(鈞)¹¹. Двойной цзюй называют цян (люэ) [qiāng (lüè)].

Что касается заголовков разделов, в «Эръя» они имеют вид «釋 + X», где 釋 — глагол *разъяснять/толковать*, X — наименование одной из трех категорий слов для абстрактной лексики или же предметной области для терминов. В «Сяо Эръя» первую позицию в названии десяти глав занимает иероглиф 廣 *расширять; расширенный*. Аналогов последних трех разделов в «Эръя» нет, чем объясняют отсутствие в их заголовках иероглифа 廣, хотя в некоторых редакциях словаря он встречается (в том числе и в тексте электронной библиотеки на сайте «Chinese Text Project» [4]).

Таким образом, из системы «Эръя» автор «Сяо Эръя» сохранил шесть разделов с прежними заглавиями (изменив лишь их формулировку): «Толкования», «Речи», «Поучения», «Утварь», «Птицы» и «Звери». В то же время, в сравнении с «Эръя», рубрикация «Сяо Эръя» претерпела определенные изменения:

1) исчезли рубрики: «Музыка», «Небо», «Холмы», «Горы», «Насекомые» и «Домашние животные». В виде единичных глосс представлены предметные области, которые можно было бы отнести к прежним рубрикам «Жилище» — в главе «Гуан фу», «Земля» и «Воды» — в главе «Гуан ци», «Рыбы» — в главе «Гуан шоу»;

2) «Растительный мир» не дифференцируется на «Травы» и «Деревья», как это было в «Эръя», и представлен одной главой с новым названием «Гуан у» 廣物 «Дары природы» (растения);

3) «Животный мир» также представлен одной главой «Звери» вместо прежних пяти: «Насекомые», «Рыбы», «Птицы», «Звери», «Домашние животные»;

¹⁰ Толкование 舉 в качестве единицы меры веса встречается только в «Сяо Эръя» [1, p. 262].

¹¹ В данном случае иероглиф 鏹 qiāng, вероятно, ошибочно записан вместо 鈞 lüè [1, p. 262].

4) появились новые главы: «Гуан фу», «Гуан и» и «Гуан мин». Последние две китайскими исследователями зачастую рассматриваются как логическое продолжение 4-й главы «Эръя» с терминами родства «Ши цинь» 釋親, хотя, на наш взгляд, в этом есть определенная натяжка;

5) абсолютно новой предметной областью, включенной составителем «Сяо Эръя» в словарь, является традиционная китайская метрическая система, термины которой толкуются в последних трех главах словаря.

Изменения, произошедшие с семантической структурой тезауруса «Сяо Эръя», по сравнению с «Эръя», показаны в таблице 2.

Таблица 2. Семантическая структура тезаурусов «Эръя» и «Сяо Эръя»

Предметная область	«Эръя»	«Сяо Эръя»
Человек	«Родство» — —	— «Благопристойность» «Имена (смерть; похороны)»
Быт. Созданное человеком	«Жилище» «Утварь» «Музыка»	(отдельные глоссы) «Одежда» «Утварь» —
Астрономия, география	«Небо» «Земля» «Холмы» «Горы» «Воды»	— (отдельные глоссы) — — (отдельные глоссы)
Растительный мир	«Травы» «Деревья»	«Дары природы» (растения)
Животный мир	«Насекомые» «Рыбы» «Птицы» «Звери» «Домашние животные»	— (отдельные глоссы) «Птицы» «Звери» —
Метрическая система	—	«Длины» «Объемы» «Веса»

С точки зрения внутренней организации в «Эръя» представлены два типа глав:

1) структурированные (с разбиением лексики на более мелкие смысловые группы, например, в главе «Родство» их четыре: родственники по отцу, родственники по матери, родственники по линии жены и родственники по браку);

2) неструктурированные (материал подан в виде сплошного текста без деления на группы).

В «Сяо Эръя» же все главы являются однотипными — неструктурированными.

2.1.1. Состав словника. Набор знаков

Предметом лексикографического описания в «Сяо Эръя» выступают преимущественно односложные ЛЕ, записанные с помощью иероглифического письма.

Объем словника «Сяо Эръя» составляет 628 ЛЕ, общий иероглифический объем — около 1930 знаков, что равняется примерно $\frac{1}{7}$ объема «Эръя» [1, р. 20]. По подсчетам

Хуан Хуайсиня 黃懷心, более 30% словника соотносится с лексикой трех книг об этикете, обрядах и нормах общественных отношений — «Сань ли» 三禮 («Чжоу ли» 周禮, «И ли» 儀禮, «Ли цзи» 禮記); еще около 30% — с лексикой «Цзо чжуань» 左傳 и «Ши цзин» 詩經, примерно 10 % — с «Шан шу» 尚書. Немало слов увязывают также с «Гулян чжуань» 谷梁傳 и «Гунъян чжуань» 公羊傳. На основании этих данных Хуан Хуайсинь заключает, что основная сфера применения «Сяо Эръя» — это чтение канонических текстов и комментариев к ним [5, p. 10].

В целом считается, что «Сяо Эръя» представляет собой сборник древней (доциньской) лексики, которая по каким-то причинам не вошла в «Эръя». Замысел составителя «Сяо Эръя» (дополнить «Эръя») усматривают и в наименовании заголовков разделов, которые включают иероглиф 廣 *широкий; расширять* [6, p. 43].

Расширение содержания «Эръя» осуществлено следующим образом.

1. В словник и систему толкований введены новые понятия (новые глоссы) и новые предметные области (новые рубрики/главы).

Так, по данным, которые приводит Доу Сюань 寶秀豔, в первой главе «Гуан гу», в сравнении с «Эръя», 36 глосс из 51 — новые, в «Гуан янь» к новым относятся 130 глосс из 160 [2, p. 65]. Третья глава «Гуан сюнь» уже значительно уступает по объему как первым двум главам, так и главе «Ши сюнь» 釋訓 «Эръя», совпадений с материалом последней не обнаруживается.

Как уже упоминалось, к новым рубрикам следует отнести главы «Гуан и», «Гуан мин», а также последние три главы с толкованиями мер длины, объема и веса — «Ду», «Лян», «Хэн». Несколько расширена и выделена в отдельную рубрику сфера «одежда» — глава «Гуан фу», тогда как в «Эръя» ей посвящено 14 глосс в главе «Утварь» 釋器. Сопоставим оба набора глосс, посвященных одежде, исключив из списка «Гуан фу», упомянутые выше «лишние» глоссы (см. таблицу 3).

Судя по составу, дублирования единиц описания нет даже при совпадении понятий (например, *передник; пояс (для подвешивания украшений, мелких предметов)*). Строго говоря, к «лишним» в «Сяо Эръя» следует отнести также две глоссы, в которых собраны единицы номинирующие части тела человека — *макушка головы* и *лоб/чело*. В тексте словаря они следуют сразу за глоссами с толкованием головного убора.

2. Дополнены «старые» толкования.

а) «старому» понятию поставлены в соответствие новые единицы описания

Продемонстрировать это можно на примере глосс из первых глав «Ши гу» 釋詁 («Эръя») и «Гуан гу» 廣詁 («Сяо Эръя») с идентичными толкующими единицами:

大 *большой*

«釋詁»: 弘、廓、宏、溥、介、純、夏、幬、厯、墳、嘏、丕、弈、洪、誕、戎、駿、假、京、碩、濯、訐、宇、穹、壬、路、淫、甫、景、廢、壯、塚、簡、筠、畎、涇、將、業、席, 大也.

«廣詁»: 封、巨、莫、莽、艾、祁, 大也.

聚 *собирать(ся), накапливать(ся)*

«釋詁»: 拏、斂、屈、收、戢、蒐、裒、鳩、樓, 聚也.

«廣詁»: 鐘、崇、府、眾、積、灌、叢、樸, 聚也.

Как видно, в приведенных глоссах поясняемые единицы не повторяются.

Таблица 3. Описания одежды в «Эръя» и «Сяо Эръя»

爾雅·釋器		小爾雅·廣服	
衣衽謂之袂。	Украшение (бахрома) на одежде	治絲曰織。 織，縵也。 麻、紵、葛曰布。 布，通名也。	Шелк. Ткани
黼領謂之褱。	Воротник с черно-белым узором (вышивкой) в виде двух секир (на парадной одежде)	縵，綿也。 絮之細者曰縵。	Шелк-сырец Шелковая нить
緣謂之純。	Кромка, кайма, оторочка на одежде	縵之精者曰縠。 縠之麤者曰素。	Тонкий шелк Плотный шелк
袷謂之縗。	Одежда без швов (сшитая крупными стежками); саван	葛之精者曰絺; 麤者曰紵。	Тонкое полотно из волокна пуэрарии. Плотное полотно из волокна пуэрарии
衣皆謂之襟。	Место соединения воротника (?)	在首謂之元服。 弁髦，大古布冠， 冠而蔽之者也。	Головной убор
袂謂之裾。	Пола [платья], подол	題，定也。	Макушка головы
衿謂之袷。	Завязка, шнурок; пояс	顛、顏、頰、額也。	Лоб, чело
佩衿謂之褱。	Пояс (для подвешивания украшений, мелких предметов)	璽謂之印。	[Императорская, государственная] печать
執衽謂之袂。	Поднять полу платья; положить в полу	紵謂之紵。	Шнурок, тесьма (лента) для печати
扱衽謂之褱。	Брать (что-л.) в подол, заложив полу платья за пояс	褱褱謂之童容。	Кафтан, длинная кофта; накидка
衣蔽前謂之褱。	Фартук, передник	布褐而紵之謂之藍縷。	Холщовая одежда, одежда из грубой ткани
婦人之褱謂之縗。縗，縗也。	Пояс / платок (замужней женщины, невесты). Завязки головного убора	袴謂之裳。	Штаны, брюки
裳削幅謂之縗。	Короткая одежда	蔽膝謂之裋。	Передник, фартук
		帶之垂者謂之厲。	Свисающие кисти на поясе
		大巾謂之冪。	Большой платок
		在足謂之屨。 屨尊者曰達。 屨達謂之金舄。 舄而金紵也。	Обувь

б) «старая» единица получает новое толкование

Покажем это на примере иероглифа 肆, которому в «Эръя» приписаны следующие значения:

«釋詁»: 治、肆、古，故也。肆、故，今也。 *поэтому; в связи*

«釋言»: 肆，力也。 *изо всех сил*

«Сяо Эръя» к этому списку добавил еще целый ряд значений:

«廣詁»: 肆、赴、捷，疾也。 *быстрый*

«廣言»: 肆、臬，極也。 *крайний предел*

犯、肆，突也。 *атаковать, наносить удар*

肆、從，遂也。 *следовательно; отсюда*

肆，緩。 *мягкий; снисходительный*

2.2. Микроструктура словаря: Язык описания. Структура словарной статьи

Как известно, в структурном отношении словарное издание характеризуется расчлененным расположением материала: каждой единице описания посвящается независимый отрезок текста, составляющий словарную статью. Последняя, являясь базовой, минимальной единицей словаря, отражает его микроструктуру. В своей типичной форме словарная статья состоит из двух частей: объясняемого (левая часть, единица обработки, заглавное слово, вокабула, топик) и объясняющего (правая часть, толкование, дефиниция, комментарий). С разработкой словарной статьи связана проблема языка описания. В лексикографии каждого языка формируется метаязык словаря, одной из составляющих которого является набор типичных формул при описании значений слов [7, с. 462–463].

Китайская научная традиция, согласно Ван Ли, располагала более чем 60 «терминами комментаторского характера» или своего рода «операционными словами/операторами», с помощью которых толковались и объяснялись ЛЕ [цит. по: 8, с. 118]. Кроме операторов, для толкования ЛЕ использовались и устойчивые конструкции.

Словарная статья (гlossa) «Сяо Эръя» и «Эръя» обладает сходными параметрами. Во-первых, в зависимости от формулы описания на входе (в левой части) может находиться как поясняемое (неизвестное, единица обработки), так и толкование (дефиниция). Во-вторых, поясняемая часть может включать как одну единицу описания (в терминах традиционной китайской филологии это так называемое индивидуальное толкование *даньсюнь* 單訓), так и несколько единиц описания (совмещенное толкование *гунсюнь* 共訓 или *хэсюнь* 合訓).

Что касается языка описания, в «Сяо Эръя» нашли применение следующие формулы записи глосс.

1. Формула “某, 某也” (A, B 也) A — это [есть; то же самое, что и...; по-другому также называется...] B. Поясняемая часть, которая может состоять из нескольких единиц и представлять собой цепочку-перечисление, находится на входе (предшествует толкованию).

Объяснение одного слова через другое довольно часто использовалось в схоластике для толкования синонимов, переносных значений, а также заимствованных иероглифов *туңцзяцзы* 通假字. С помощью этой формулы осуществлялось смысловое комментирование *исюнь* 義訓 (объяснение значения иероглифа) и звуковое комментирование *шэньсюнь/иньсюнь* 聲訓/音訓 (объяснение значения иероглифа через омонимы). Последнее применимо для толкования иероглифов с тождественным или близким звуковым составом (часто при объяснении фонетических заимствований).

В «Сяо Эръя» эта формула используется, как правило, для толкования неспециальной лексики, хотя эпизодически встречается и в терминологических главах:

- «廣詁»: 淵、懿、邃、隲, 深也. *глубокий*
- «廣訓»: 不肖, 不似也. *непохожий*
- «廣器»: 棘, 戟也. *двузубец, алебарда двузубая*
- «廣器»: 鉞、鉞, 斧也. *топор; секира; алебарда.*

2. Формулы с операторами 謂之 *значит, имеет значение*; 曰 *говорят, называют; 為* *есть [является], называется*. На входе находится толкование, поясняемая единица стоит после 謂之、曰、為, например:

«廣衡»: 斤十謂之衡。 Десять цзиней [jīn, китайский фунт; около 0,5 кг] называют хэн [héng].

«廣訓»: 雜毛曰縿。 Пестрая шерсть называется ли [lǐ].

«廣訓»: 雜彩曰繪。 Разноцветный (узорчатый) называется хуэй [huì].

«廣訓»: 雜言曰囋。 Беспорядочная (крикливая) речь называется ман [máng].

«廣服»: 麻、紵、葛曰布。 布, 通名也。 Ма [má], чжу [zhù, shǔ], гэ [gé] называют бу [bù, ткань]. Бу — общее (общепринятое) наименование¹².

«廣器»: 繆而紵之為索。 [Веревка, которая] скручена и свита — это со [жгут; веревка].

Формулы с операторами 謂之, 曰 и 為 сходны по своим функциям, они применялись как для обычного толкования значений иероглифов, так и для дифференциации близких по значению единиц посредством их соположения в составе соседних глосс.

В терминологических главах «Сяо Эръя» доминируют глоссы с операторами 謂之 и 曰.

3. Формулы «.....言.....也、.....語.....也、.....道.....也» *говорится*.

Оператор 言 *говорится* о (и в данном случае аналогичные ему по функциям 語 и 道) помещается перед поясняющей частью, образуя формулу с оттенком обобщения или пояснения общего смысла, как правило, использовался во внутритекстовых комментариях для пояснения контекстуального значения толкуемой единицы [9, p. 153], что мы и наблюдаем в приведенных ниже глоссах, состоящих из цитаты из «Шицзина» (левая часть) и ее толкования (правая часть):

«廣訓»: 遐不黃耇, 言壽考也。 Ся бу хуан гоу (досл. Ужель не пожелтеть [в седирах], морщинами не покрыться¹³). — *Говорится о глубокой старости.*

«廣訓»: 魴鱖甫甫, 語其大也。 Фан суй фуфу (досл. Леици и толстолобики в изобилии¹⁴). — *Говорится, что они большие (крупные) и во множестве.*

«廣訓»: 麀麀麀麀, 語其眾也。 Ю лу юю (досл. Олени собрались в стаю¹⁵). — *Говорится, что их много.*

В «Сяо Эръя» случаи использования формул подобного типа единичны.

Сравнивая метаязык обоих словарей, следует отметить, что репертуар операторов и конструкций, используемых для семантизации ЛЕ в «Сяо Эръя», менее разнообразен (что не удивительно, учитывая небольшой объем словника). Впрочем, это нельзя назвать недостатком системы, скорее, наоборот. Так, в «Сяо Эръя» нет глосс, записанных нулевой конструкцией, как, например: 科鬥, 活東. Кэдоу [также называется] ходун [головастик лягушки] (в «Эръя» же на эту конструкцию приходится около одной трети всех глосс [11, p. 141–143]); оператор 為 встречается только в двух глоссах.

Сократилось число нестандартных словарных статей, в частности отсутствуют глоссы без дефиниций. В «Эръя» такие глоссы начинают, например, главу «Рыбы»¹⁶:

«爾雅·釋魚»: 1. 鯉。 Ли [кари]. 2. 鱣。 Чжань [осетр]. 3. 鰻。 Янь [сом]. 4. 鰼。 Ти/ди [анчоус]. 5. 鱧。 Ли [змееголов]. 6. 鮪。 Хуань [амур].

¹² В китайской филологической традиции введение в научный обиход указания на принадлежность слова к слою общепонятной лексики приписывают Ян Сюну (в его словаре рубежа н.э. «Фанъян» они встречаются более часто), в «Сяо Эръя» это едва ли не единственный подобный случай.

¹³ В переводе А. А. Штукина: «До желтой ужель не дожить головы» (ода 172) [10, с. 217].

¹⁴ В переводе А. А. Штукина: «Жирны здесь окуни, жирны леици» (ода 261) [10, с. 400].

¹⁵ В переводе А. А. Штукина: «Олени скачут — то бредут гурьбою» (ода 180) [10, с. 229].

¹⁶ Список глосс приведен по изданию Index to Er Ya [12, p. 32].

Реализованные в «Сяо Эръя» традиционные для китайской филологической науки методы смыслового и звукового комментирования, а также конкретные способы семантизации единиц словаря (прямое толкование [через эквивалент] 直訓, описание 描述, определение понятия 義界) принципиально не отличаются от тех, что ранее были продемонстрированы в «Эръя» (подробнее см.: [13; 14]).

Итак, анализ памятника позволяет сделать некоторые предварительные заключения. От первого китайского тезауруса «Эръя» «Сяо Эръя» в целом унаследовал и сохранил прежнюю систему организации лексики, а также подходы к ее описанию. В то же время система «Сяо Эръя» претерпела определенные изменения, коснувшиеся макроструктуры словаря. На довольно ограниченном языковом материале «Сяо Эръя» демонстрирует начавшуюся трансформацию структуры китайского тезауруса:

а) расширение некоторых семантических категорий, выделение их в отдельные рубрики, перераспределение материала по главам;

б) введение нового материала и соответственно абсолютно новых рубрик и словарных статей.

В итоге, при практически полном исключении лексики, посвященной «Небу» и «Земле» (астрономии и географии), и заметном сокращении сфер «Флора» и «Фауна» произошло расширение набора антропоцентрических разделов словаря. Однако несмотря на некоторые преобразования, коснувшиеся системы классификации лексики «Сяо Эръя», ей все же недостает рациональности и системности.

Литература

1. Yang Lin. «Xiao Erya» jin zhu. Shanghai: hanyu dacidian chubanshe, 2002. 293 p.
2. Dou Xiuyan. Zhongguo yaxue shi. Jinan: Qilu shushe, 2004. 424 p.
3. Fangyan jiaojian / Zhou Zumo jiaojian. Beijing: Zhonghua shuju, 2004. 238 p.
4. Xiao Er Ya [Электронный ресурс] // Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/xiao-er-ya>.
5. Huang Huaixin. Yi bu hen you jiazhide gudian cishu — «Xiao Erya» // Cishu yanjiu. 1998. N 1. P. 102–124.
6. He Jiuying. Zhongguo gudai yuyanxue shi. Zhaoqing: Guangdong jiaoyu chubanshe, 1985. 448 p.
7. Гак В. Г. Словарь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 462–464.
8. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII всерос. конф. М., 1995. С. 115–123.
9. Guo Qinna. Xunguxue. Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2005. 285 p.
10. Шицзин. Книга песен и гимнов / пер. А. А. Штукина (Серия «Литературные памятники»). М.; Л.: Наука, 1957. 616 с.
11. Guan Xihua. Erya yanjiu. Hefei: Anhuidaxue chubanshe, 1996. 267 p.
12. Index to Er Ya / [Hafo Yanjing da xue tu shu guan yin de bian zuan chu; Hong Ye... et al.]. Taipei: Distributed by Chinese Materials and Research Aids Service Center, 1966. 129 p.
13. Гурьян Н. В. Строение первого китайского словаря «Эръя» и китайская филологическая традиция: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 212 с.
14. Гурьян Н. В. О способах семантизации лексических единиц в первом китайском толковом словаре «Эръя» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2011. Вып. 3. С. 23–30.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

Е. М. Османов

НАРОДНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРИОДА БАКУМАЦУ¹ (1854–1867) И РАЗРАБОТКА ДОКТРИНЫ ЯПОНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Подписание коммодором американского ВМФ Мэттью Колбрейтом Перри² 31 марта 1854 г. «Японо-американского договора о дружбе» — Нитибэй васин дзёяку (日米和親条約), положившего конец более чем 200-летней изоляции Японии и ставшего первым шагом в деле заключения так называемых ансэйских договоров³, открыло новую страницу в японской истории. Безусловно, данное событие в значительной степени способствовало приближению краха режима бакуфу, расчищало пути для развития капиталистических отношений, сдерживаемых режимом Токугава, и ставило вопрос о включении Японии в региональные и мировые политические и экономические отношения. Появление в Японии огромного числа иностранцев привело к развитию движения, известного в японской историографии под термином «изгнание варваров» — «дзёи» (攘夷) и ставшего по сути основой нараставшего в отдельных княжествах сепаратизма, приведшего в конечном счете к свержению бакуфу и передаче политической власти императору⁴. Вместе с тем в 50-е годы XIX столетия происходит качественное изменение целей народных формирований — нохэй 農兵⁵.

Османов Евгений Магомедович — канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: osmanov1979@mail.ru

¹ «Конец бакуфу» (幕末) — период от открытия страны до свержения бакуфу. Датировка у разных исследователей варьируется. Некоторые японские историки началом этого периода считают конец XVIII в., когда обострились противоречия феодального общества; другие — 50-е годы XIX столетия, когда Япония оказалась под гнетом неравноправных договоров.

² Мэттью Колбрейт Перри (1794–1858), военный и политический деятель США, офицер американского военно-морского флота. Возглавлял дипломатическую миссию в Японию в 1852–1854 гг., угрозой применения военной силы заставил японские власти подписать так называемый Канагавский договор, ставший первым соглашением между проводившей политику изоляции Японией и США. В западной, в том числе российской, историографии традиционно рассматривается как лицо, открывшее Японию Западному миру.

³ Неравноправные договоры, заключенные в годы Ансэй (1854–1858) США и другими державами с Японией. Данные договора устанавливали свободу внешнеторговых отношений, включали Японию в мировые хозяйственные связи, предоставляли иностранцам право экстерриториальности и консульской юрисдикции, лишали Японию таможенной автономии. По сути, борьбой за отмену этих соглашений и диктовалась в Японии необходимость создания сильных вооруженных сил европейского типа.

⁴ Политическая и социальная сторона данных событий, завершившихся отречением в ноябре 1867 г. последнего сёгуна из династии Токугава и восстановлением 5 января 1868 г. прямого императорского правления и известных в историографии под термином «обновление или реставрация Мэйдзи» — «Мэйдзи исин» (明治維新), достаточно хорошо изучена. В качестве работ, подробно излагающих вышеуказанные события, можно рекомендовать труды [1; 2, перевод этой работы на русский язык: 3].

⁵ Смысл, вкладываемый в понятие «нохэй», менялся в зависимости от исторических этапов развития Японии. В XI–XVI вв. под нохэй подразумевались «крестьянские армии» — вооруженные крестьянские формирования, выступавшие против экономического гнета со стороны феодалов. В период Токугава (1600(3)–1867) этим термином стали обозначать систему «земледелец-воин», существовавшую в VII–VIII в. и означавшую, что в мирное время воины занимались сельским хозяйством, были по сути рядовыми крестьянами, а в случае необходимости брались за оружие. В конце периода Токугава этим понятием стали обозначать «народную милицию» — крестьянские отряды или народные дружины, действовавшие в ряде княжеств юго-западной Японии и заложившие основы новой системы комплектования вооруженных сил. Учитывая стоящие перед нами конкретные задачи, под понятием нохэй в работе будет подразумеваться либо система «земледелец-воин», либо (чаще) «народные дружины».

© Е. М. Османов, 2013

Это уже не просто отряды, задействованные в обороне берегов Японии, а мощные движения, создаваемые во многих княжествах как для борьбы с иностранцами, так и для свержения режима Токугава. Таким образом, нохэй начинают ассоциироваться с антиправительственными движениями, выступают за передачу власти императору и в конечном счете становятся основой вооруженных сил новой Японии.

Большое влияние на практическое воплощение философии нохэй⁶ безусловно оказали труды китайских ученых. В деле изучения Запада можно назвать имена таких ученых, как Линь Цзэсюй 林則徐 (1785–1850), Вэй Юань 魏源 (1794–1856), Лян Тиннань 梁廷柵 (1796–1861), начавших собирать подлинные сведения о различных западных странах. Хотя работы вышеназванных авторов в большей степени затрагивали географические аспекты, они, выдвигая идеи возрождения былой мощи государства на основе достижений европейцев, положили начало пути постижения внешнего мира, самопознания и модернизации, а постепенное расширение горизонтов познания привело к пониманию необходимости учиться у «варваров». В заключительный период правления Токугава произведения китайских ученых оказали существенное влияние на поколение японцев, которые стремились дать отпор внешней экспансии и преобразовать внутреннюю политику и государственное устройство, т. е. стимулировали развитие общественной мысли Японии в направлении реформ Мэйдзи [5, с. 83].

Известный сторонник открытия страны — Сакума Сёдзан 佐久間象山 (1811–1864) справедливо отмечал: «Когда англичане закончат свои дела в Китае, они захотят послать военные корабли в Нагасаки или даже в Эдо» [6, р. 269]. «Западные страны проводят тщательные научные исследования, поэтому они могучие и процветающие... не здесь ли кроется причина того, что они грабят государство Конфуция?» [7, с. 218]. Более того, Сёдзан настаивал на необходимости не просто изучать западные страны, но и отправлять туда для обучения молодых людей из княжеств. Он писал: «Если мы не знаем ни противника, ни своих собственных сил, мы, несомненно, проиграем любое сражение. Но даже если мы знаем врага и свои силы, в существующей ситуации мы еще не можем говорить о сопротивлении. Только после того, как мы искусно овладеем всем тем, что блестяще использует враг, мы сможем говорить о победе над ним» [8, р. 77]. Подобные идеи, выдвигаемые в период открытия страны японскими учеными, несомненно, находили и практическое воплощение.

В 1850-е годы на авансцену политической и социально-экономической жизни Японии выходят княжества, расположенные на юго-западе Японии. Это Сацума (薩摩), Тёсю (長州), Хидзэн (肥前), Кии (紀伊) и Тоса (土佐). Вследствие относительной удаленности от столицы, с одной стороны, и близости к матерiku — с другой, эти княжества даже в первой половине периода Токугава занимали особое место. Неслучайно в период бурных исторических событий середины XIX в. они первыми приступают к модернизации своей военной системы, прилагают усилия к укреплению обороноспособности, создают первые предприятия европейского типа по выпуску оружия. Для ведения боевых действий против войск бакуфу в княжествах формируются многочисленные подразделения, во главе которых встают представители низших слоев самурайства. Свержение режима Токугава и передача власти императору руками выходцев из этих княжеств в политическом и военном плане означала, что представители Сацума, Тёсю и других княжеств юго-западной Японии получают ключевые посты в новой

⁶ Подробнее об идеях о «народной армии» см.: [4].

государственной системе и встают у истоков создания вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности.

Осенью 1854 г. в княжестве Тоса были сформированы народные милицейские отряды — мимпэй (民兵). В отличие от отрядов нохэй, формировавшихся в основном из представителей определенных кругов крестьянского сословия, отряды мимпэй, как следует из их названия, апеллировали к более широким слоям населения. В этом смысле формирование отрядов мимпэй, распространившееся вскоре и на другие княжества, было, несомненно, очередным этапом развития нохэй. Но на начальном этапе своего существования мимпэй княжества Тёсю еще не были лишены сословных ограничений. Рядовой состав отрядов комплектовался исключительно из крестьянского сословия — служившие в отрядах охотники и рыболовы по существовавшей сословной системе также считались крестьянами. Представители городского населения — тёнин (町人), принадлежавшие по большей части к сословию торговцев, могли вступать в мимпэй лишь при условии их изначальной принадлежности к крестьянскому сословию. Командный состав мимпэй состоял из низкоранговых самураев, ронин (浪人)⁷, представителей сельской администрации и госи (郷士)⁸. Характерной особенностью мимпэй Тоса является то, что в отличие от подобных формирований в других княжествах эти отряды создавались исключительно в целях защиты от иностранцев и изначально не преследовали цель свержения режима Токугава.

Большая роль в деле формирования этих отрядов принадлежала самураю Ёсида Тоё 吉田東洋 (1816–1862). Являясь сторонником союза бакуфу и императора — «кобугаттай» (公武合体), целью которого было создание единого управления страной для ее защиты от возможной агрессии со стороны Запада, он занимал должность «наблювателя за побережьем» — фунатэгасира (船手頭). Прибытие эскадры Перри и вызванная этим суматоха заставили его обратиться к главе княжества — Ямаути Тоёсигэ 山内豊信 (1827–1872) с предложением об усилении обороны побережья. Тоёсигэ счел предложения разумными и своевременными и отдал приказ о создании мимпэй. При этом предложение Тоё о принятии в эти формирования всех желающих, независимо от их сословного статуса, было отвергнуто [9, с. 80]. Отряды мимпэй дежурили на побережье и должны были незамедлительно сообщать о появлении у берегов княжества иностранных судов. Поскольку служба в мимпэй позволяла определенным категориям лиц получать привилегии, которые они не могли получить иным образом (право на ношение меча и фамилию), эти отряды пользовались большой популярностью у тёнин и мелких госи. При этом минимальный срок службы, необходимый для получения госи статуса настоящего самурая-воина — буси (武士), был определен в 10 лет [10, с. 252]. Для службы в мимпэй существовали и возрастные ограничения. Нижняя планка по возрасту была установлена в 17, верхняя — в 50 лет [10, с. 81]. С начала 1860-х годов деятельность мимпэй стала приобретать все более выраженную антиправительственную окраску. К 1867 г. численность этих отрядов достигла 1500 человек, что сравнимо с численностью существовавших в княжестве самурайских формирований⁹.

⁷ Ронин — «блуждающие волны», «странник» — воин, потерявший покровительство своего сюзерена либо не сумевший уберечь своего хозяина от гибели. Иногда — странник, не имеющий над собой чужой власти, свободный воин.

⁸ «Сельский воин» — низшая категория мелкопоместного дворянства в Японии.

⁹ Наиболее известными отрядами, состоящими исключительно из самураев и ронин, в княжестве Тоса являются созданный в 1865 г. Сакамото Рёма 坂本龍馬 (1836–1867) «отряд морской поддержки» — кай-

Широкую известность в японской историографии получил отряд «Небесные мстители» — Тэнтюгуми (天誅組), сформированный в княжестве Кии летом 1863 г. бывшим деревенским старостой в княжестве Тоса Ёсимура Торатаро 吉村虎太郎 (1837–1863) и придворным аристократом Накаяма Тадамицу 中山忠光 (1845–1864). 13 августа 1863 г. император Комэй 孝明 (1831–1867) объявил о намерении посетить могилу легендарного императора Дзимму 神武, считающегося основоположником японской императорской династии, в провинции Ямато для совершения молебна о разрешении ситуации, связанной с «изгнанием варваров». Этим решил воспользоваться Торатаро. В храме Хокодзи 方広寺 в Киото он встретился с Тадамицу, выступавшим против сторонников кобугаттай и за концентрацию всей власти в руках императора, и договорился с ним о совместном выступлении. 17 августа отряд из 30 самураев, ронин и госи в возрасте от 13 до 46 лет [11, с. 74] под руководством Торатаро захватил административное управление района Годзё провинции Ямато и объявил себя новой местной властью. К отряду стали присоединяться крестьяне из окрестных селений, с помощью которых удалось захватить замок Такатори 高取. Максимальная численность отряда составила свыше 1000 человек. Однако вскоре внутри его начались распри, вызванные разным социальным статусом его членов, и отряд лишился поддержки окрестных крестьян. 19 сентября 1863 г. под ударами высланных бакуфу карательных войск Тадамицу издал указ о роспуске отряда. Торатаро и Тадамицу укрылись в княжестве Тёсю. В японской историографии деятельность Тэнтюгуми считается «бикфордовым шнуром», поджегшим «пороховую бочку» событий Мэйдзи исин [12, с. 5]. Действительно, структура, классовый состав и финансирование этого отряда во многом совпадают с системой, существовавшей во время событий мэйдзи исин. Следует добавить, что одновременно с Тэнтюгуми в той же провинции действовал отряд под названием Тоцукава симпэй (津川親兵), состоявший из госи деревни Тоцукава и насчитывавший около 150 человек.

Интерес представляет и созданное для обеспечения порядка в Нагасаки охранно-полицейское формирование — кэйэйтай (警衛隊). Появление отряда относится к августу 1864 г. Основой отряда стали дети местных чиновников, ронин, госи окрестных деревень. Изначально отряд насчитывал 150 человек, но уже в 1867 г. увеличился до 350¹⁰. Инструкторами отряда стали представители Великобритании, добившиеся от отряда хороших боевых качеств. В июле 1867 г. отряд на стороне императорских формирований участвовал в битве за Акита (秋田), в сентябре — за Мориока (盛岡), в декабре вошел в Киото, получил одобрение своих боевых успехов от императора, и затем из порта Кобэ на российском судне «Корея» отправился в Нагасаки. В 1867 г. название отряда было изменено на «югэкитай» (遊撃隊).

Рассмотренные выше формирования мимпэй, существовавшие в княжествах Тоса и Кии и в Нагасаки, не только сыграли важную роль в победе сторонников императорского правления, но и оказали значительное влияние на организацию и систему комплектования войск первых годов Мэйдзи.

Однако наибольший интерес представляют отряды мимпэй, созданные в княжествах Сацума и Тёсю, поскольку именно они были основными военными формированиями Японии в 1868–1872 гг., а руководители некоторых из этих отрядов стояли у истоков создания императорских вооруженных сил.

энтай (海援隊) и созданный в 1867 г. по примеру кайэнтай «отряд сухопутной поддержки» — рикуюэнтай (陸援隊), возглавлявшийся Накаока Синтаро 中岡慎太郎 (1838–1867) и насчитывавший 70 ронинов.

¹⁰ В работе Акаэ Хироси максимальная численность отряда определена в 333 человека [13, с. 167], а в книге Тоямы Микио — в 363 человека [14, с. 4].

В разное время с 1863 по 1868 г. в княжестве Тёсю существовало свыше 150 отрядов, выступавших за борьбу с иностранцами и уничтожение бакуфу и варьиовавшихся по численности от 11 до 1000 человек [15]. Интересно, что в княжестве был только один отряд, поддерживавший бакуфу, — созданный в 1853 г. и насчитывавший 120 человек сэмпотай (撰鋒隊), который являлся официальными войсками бакуфу в княжестве и был уничтожен в 60-е годы проимператорскими отрядами.

Созданию различных формирований в княжестве способствовала как внутривнутриполитическая, так и внешнеполитическая обстановка. Реально столкнувшееся с военной силой Запада Тёсю, в отличие от большинства других княжеств, первым осознало необходимость консолидации всех сил, способных оказать сопротивление иностранцам, независимо от сословных рамок.

Для усиления военной системы княжества в июне 1863 г. началось формирование отрядов мимпэй, получивших название кихэйтай¹¹ (奇兵隊). Существует несколько вариантов перевода этого термина на русский язык. Н. И. Конрад трактует этот термин как «отряд необычных солдат» [17, с. 193]. В русском переводе работы Г. Нормана «кихэйтай» рассматриваются как «войска внезапного действия» либо как «неожиданные отряды» [10, с. 256]. Советская историческая энциклопедия также определяет кихэйтай как «отряды необычных воинов» [18, с. 390]. На наш взгляд, более правомочным является вариант Г. Нормана, поскольку эти отряды не были регулярной армией княжества, а представляли собой смесь из бедных и богатых крестьян, горожан, низкоранговых самураев и ронин, наносивших, как следует из нижеприводимых слов организатора формирований, *неожиданные* удары по вражеским войскам.

Прогрессивность добровольческого отряда кихэйтай заключалась в том, что он нес в себе зачатки новой армии первых годов Мэйдзи, когда было отменено сословное деление общества, установленное Токугава. Поскольку этот отряд сыграл основополагающую роль в деле создания системы комплектования вооруженных сил Японии в первые годы Мэйдзи и заложил основы императорской армии и флота, необходимо рассмотреть его более детально.

Формирование отряда началось после того, как летом 1863 г. самурайские войска отступили под огнем иностранного флота в Симоносэки. Поражение основной боевой силы княжества заставило его главу — Мори Такатика 毛利敬親 (1819–1871) обратиться за помощью к известному уже в то время своими прогрессивными взглядами в области политики и военного дела стороннику свержения бакуфу самураю Такасуги Синсаку 高杉晋作 (1839–1867). «Создам войска, которые будут сдерживать неприятеля, нанося ему неожиданные удары по наиболее уязвимым местам» [19, р. 141], — заявил Такасуги Синсаку главе княжества, предопределив тем самым название своего формирования. Он говорил: «Получающие стипендию самураи стали нежными и беспечными вследствие многих лет мирной жизни и праздности. Воинская доблесть самураев притупилась, и для возрождения армии необходимо привлекать добровольцев, обладающих здоровым духом, храбростью и мастерством, независимо от их сословной принадлежности, будь то самурай, крестьянин или ремесленник» [10, с. 256]. Вообще для Такасуги Синсаку был характерен крайний радикализм, направленный против самого существования самурайского сословия. Таким образом, в отряды кихэйтай могли вступать практически все желающие, а их опорой стали низшие слои самурайства, ро-

¹¹ Основным источником по данному формированию является [16].

нин, госи, крестьяне и горожане. Кроме того, в составе кихэйтai были представители эта¹², что шло вразрез с традиционной социальной системой.

В отряд не просто принимались представители всех сословий, но и внутри отряда устанавливался принцип абсолютного равенства, в основе которого лежал тезис единения — доси (同志). Это было практическим воплощением идей, выдвигаемых теоретиками нохэй в целом, и взглядов, сформулированных Ёсидой Сёином¹³ 吉田松陰 (1830–1859), в частности в труде «Пробуждение народа» — Сомукукки (草莽崛起).

6 июня 1863 г. Такасути начинает набор людей в Кихэйтai. За неделю было набрано около 60 человек, а уже к 27 июня отряд насчитывал более 200 человек [23, с. 59]. Во главе его встал сам Такасути.

Кихэйтai, воины которого изначально были вооружены устаревшими гладкоствольными фитильными ружьями и мечами, понес значительные потери в столкновениях с иностранцами. Интересно, что командующим кихэйтai в этом столкновении был Ямагата Аритомо 山縣有朋 (1838–1922), будущий автор всей военной системы Японии, включая разработку системы комплектования войск призывниками на основе всеобщей воинской повинности. Ямагата одним из первых бросил клич — «без европейского оружия мы проиграем» [24, р. 172] и приступил к перевооружению и обучению состава кихэйтai принятым в Европе способам ведения боя.

К осени 1863 г. численность отряда составила 375 человек. Это было действительно сильное добровольческое формирование. Солдаты кихэйтai были вооружены новейшим оружием, в том числе винтовками Минье, располагали артиллерией, которую закупали у Великобритании. Хотя отряд и имел меньший опыт ведения боевых действий, чем войска Токугава, он отличался значительно большим мастерством: в его подразделениях активно использовались иностранные консультанты (предводители отрядов первыми осознали, что для борьбы с иностранцами необходимо использовать их передовой военный опыт), была установлена строгая дисциплина.

15 сентября 1863 г. из-за столкновений с проправительственным отрядом сэмпотай (撰鋒隊) Такасути Синсаку смещают с должности главнокомандующего, а его место занимает Аканэ Такэто (Такэндо) 赤根武人 (1838–1866). В августе 1864 г. он по поручению главы княжества ведет переговоры с представителями иностранных держав, результатом которых становится заключение мирного соглашения, а компенсация за понесенный иностранцами ущерб возлагается не на Тюсю, а на центральное правительство. В это же время бакуфу начинает готовить карательную экспедицию против Тёсю, что оборачивается приходом к власти сторонников сотрудничества с бакуфу. Такасути вынужден покинуть княжество. Победа реакции нашла отражение в издан-

¹² «Отверженные» (穢多) — парии. Категория населения, замыкавшая социальную структуру японского общества периода Токугава. Исполняли самые грязные и постыдные, по мнению самураев, работы, связанные с разделкой туш, выделкой кожи, уборкой нечистот и т. д. Подробнее см.: [20–22].

¹³ Известный теоретик и идеолог реставрации Мэйдзи, ученик Сакумы Сёдзана. В 1848 г. был назначен на должность военного инспектора княжества Тёсю и начал реформу системы береговой охраны. После прибытия в 1853 г. американской эскадры пытался выехать для изучения военного дела за границу, для чего перебрался в Нагасаки и старался проникнуть на судно российской миссии. За повторную попытку, предпринятую в 1854 г., приговорен к тюремному заключению. В 1856 г. выходит из тюрьмы и получает от властей Тёсю разрешение на открытие частной школы, через которую прошли многие будущие видные политические деятели Японии. В 1858 г. за подготовку убийства ответственного за подписание торгового договора с США чиновника бакуфу Ёсида Сёин вновь оказался за решеткой. Казнен по приказу бакуфу в 1859 г.

ном в декабре 1863 г. указе о кихэйти. Этот указ не только запрещал вступать в отряд княжеским воинам и их старших сыновьям, но и говорил о том, что «крестьян или горожан, желающих вступить в отряд, можно брать только в том случае, если на время службы они смогут найти людей, которые их заменят в сельском хозяйстве или торговле. Беглые крестьяне и находящиеся на грани разорения торговцы должны удаляться из отрядов» [16, т. 2, с. 48].

Однако уже в ноябре 1864 г. Такасути возвращается в Тёсю. Он обращается к Аканэ Такэто с требованием поднять отряд кихэйти для борьбы с реакционерами. Однако командир отряда, считая, что 400 человек не в состоянии противостоять войскам княжества, за спиной которых 150-тысячная армия бакуфу, не поддерживает Такасути. Тогда он обращается ко всем отрядам мимпэй, предлагая поднять восстание, центром которого станет Симоносэки. В декабре туда начинают стекаться сторонники Такасути, в числе которых были представители отряда борцов сумо — рикиситы (力士隊) во главе с известным политическим деятелем, будущим премьер-министром Японии Ито Хиробуми 伊藤博文 (1841–1909). Начатое в начале января восстание, в котором участвовало свыше 3000 человек, включая отряд кихэйти, окончилось победой сторонников Такасути Синсаку. Одержанная победа внесла значительный вклад в дело изменения политики княжества, которое твердо взяло курс на уничтожение бакуфу и передачу власти императору. В марте 1865 г. администрация Тёсю официально признала все существующие формирования войсками княжества. При этом предполагалось, что общая численность отрядов составит 1500 человек, а их содержание и вооружение будет производиться за счет княжества [19, р. 132]. Такасути развивает активную деятельность по реорганизации и обучению кихэйти, закупает у Великобритании оружие, приглашает иностранных военных инструкторов. В итоге боевая мощь кихэйти значительно увеличивается, что позволило одержать победу над войсками бакуфу в 1866 г.

Появление кихэйти вызвало в княжестве волну организации¹⁴ подобных добровольческих формирований, основой которых, помимо самураев, становились бедные и зажиточные крестьяне, охотники и рыболовы, горожане, священнослужители, представители эта и другие слои населения.

В качестве примеров таких формирований можно отметить созданный в 1863 г. из представителей синтоистского и буддийского духовенства артиллерийский отряд сядзоты (社僧隊), насчитывавший 160 человек; сформированный в том же году из госи и населения города Огоори 小郡 отряд дзирикиты (自力隊), состоявший из 200 человек; состоящий из 200 охотников отряд мимпэй под названием согэkitы (狙撃隊). К августу 1864 г. относится появление в княжестве формирования митатэиты (御楯隊), насчитывавшего 230 человек, которое возглавлял Ота Итиносин 太田市之進 (1841–1871).

Широкую известность получила деятельность отряда, сформированного в феврале 1865 г., в основе которого лежало созданное в июне 1864 г. Акира Ютаро 秋良雄太郎 (1841–1905) формирование симбуты (真武隊). Поскольку отряд действовал в южной части княжества, он, в отличие от действовавшего в западной части отряда кихэйти, получил название второго кихэйти — дайникихэйти (第二奇兵隊), или южного кихэйти — Минами кихэйти (南奇兵隊). Во главе отряда стояли бывший командую-

¹⁴ Всего их было сформировано около 100.

щий кихэйти Сираи Косукэ 白井小助 (1826–1902) и бывший секретарь кихэйти — Сэра Сюдзо 世良修蔵 (1835–1868). В составе насчитывавшего 300 человек отряда были крестьяне, буддийские монахи и синтоистские священнослужители, ронин, низкоранговые самураи. В 1865 г. численность отряда была сокращена до 125 человек [25, с. 254].

Соратник Такасути Синсаку 高杉晋作 (1839–1867), низкоранговый самурай Ёсида Тосимаро 吉田稔麿 (1841–1864) сформировал из представителей эта отряд Исиндан (維新団), куда вошли наиболее сильные мужчины из района Ямагути и Какиноути. Кроме того, были созданы такие отряды народного ополчения, как состоящий из торговцев отряд «Асаититай» (朝一隊), из борцов сумо — «Рикиситай», из плотников — «Сэнъэйти» (選衛隊), и десятки других.

В целом количество отрядов, членов которых объединяли общие цели и надежды, к 1866 г. достигло 200¹⁵, а общее число воинов этих отрядов приближалось к 100 000.

Но, при всей прогрессивности кихэйти и других подобных формирований, необходимо учитывать, что эти отряды не были народной армией современного типа. У руля отрядов стояло низкоранговое самурайство, а существовавшая система набора безотносительно сословной принадлежности базировалась исключительно на стремлении изменить сложившуюся политическую ситуацию и никоим образом не предусматривала полное ниспровержение традиционного устоя общественных отношений — сословной системы. Более того, представители крестьянского сословия, оказавшиеся в рядах мимпэй, отрывались от своих односельчан и начинали воспринимать себя в качестве избранных, приблизившихся по своему статусу к представителям самурайского сословия. Руководители отрядов, стремясь не допустить крупномасштабных крестьянских выступлений, путем различных привилегий и ограничений способствовали такого рода расслоению, не допуская массового вооружения крестьян. В то же время ряд руководителей мимпэй использовал возникавшие народные волнения для достижения собственных целей.

Поднимая восстание в начале 1865 г., Такасути Синсаку так отзывался об Аканэ Такэндо: «...он всего лишь крестьянин... а я дворянин... Разве можно меня равнять с мужиком» [3, с. 162]. Данный факт явно свидетельствует о том, что глава самого прогрессивного в Японии отряда мимпэй не помышлял о полном упразднении сословных рамок и не выходил в этом за пределы основ феодальной системы. Привлечение в свои отряды представителей всех сословий диктовалось исключительно стратегической необходимостью.

Таким образом, отряды мимпэй, включая кихэйти, были лишены основного элемента, присущего подлинно народным армиям, — связи с широкими народными массами. Учитывая все это, мы не можем согласиться с утверждением Г. Нормана о том, что «кихэйти носили антифеодальный характер... и представляли собой своеобразное крестьянское восстание» [10, с. 258]. Для многих представителей низов самурайского сословия, включая Ямагата Аритомо и Ито Хиробуми, руководство кихэйти было путем к политической и военной карьере.

Тем не менее рассмотренные примеры мимпэй представляют собой абсолютно новый тип войск с особой системой комплектования. Эти войска стали переходным этапом от основанных на классовой системе самурайских формирований периода Токугава к лишенным сословных рамок вооруженным силам мэйдзийской Японии.

¹⁵ Некоторые из отрядов представлены в [3, с. 155–156].

В княжестве Сацума в отличие от Тёсю теория нохэй не была реализована на практике, однако его рассмотрение представляется необходимым в связи с ролью, которую играли княжество и его представители в создании военной системы Японии исследуемого периода. Несмотря на то, что Сацума одним из первых в Японии приступило к модернизации своей военной системы и промышленности, его руководство сохраняло традиционную ориентацию на жесткое разграничение воинов и земледельцев. Таким образом, в отличие от Тёсю, где крестьянское сословие находилось под меньшим гнетом и пользовалось большей экономической самостоятельностью, в Сацума не сложилось предпосылок для формирования отрядов мимпэй, а сторонники создания таких отрядов либо подвергались преследованию, либо были вынуждены действовать за пределами княжества. Существовавший в княжестве консерватизм не позволял расширить социальную базу военной системы, основой которой оставались самурайские войска. Поэтому далеко не случаен факт, что ареной вспыхнувшего в 1877 г. крупнейшего в японской истории самурайского восстания, известного под названием Юго-западной войны — Сэйнансэнсо (西南戦争)¹⁶, стала именно территория Сацума.

Иностранная угроза начала 1860-х годов заставила главу княжества Симадзу Тадаёси 島津忠義 (1840–1897) издать приказ о создании морского отряда — суйгунтай (水軍隊). Сформированный из низкоранговых самураев в июне 1863 г., отряд состоял из 12 судов и насчитывал 120 человек личного состава. Таким образом, на каждое судно, являвшееся, по сути, небольшим кораблем для транспортировки товаров, приходилось по 10 человек. Отряд принимал участие в боях в заливе Кагосима в августе 1863 г., но неудачно. Потеря судов в этом столкновении привела к тому, что отряд был переформирован в сухопутный артиллерийский корпус, а его личный состав после соответствующей подготовки был распределен по различным княжествам [26, с. 212]. С большой долей уверенности можно утверждать, что существование в княжестве данного отряда, вкупе с тесным сотрудничеством Сацума с Великобританией, позволило представителям Сацума после реставрации Мэйдзи занять ключевые посты в военно-морской сфере и строить военно-морской флот империи по английскому образцу.

В заключившем в 1867 г. союз с Тёсю и Сацума княжестве Хиросима в период с 1863 по 1868 г. существовало 29 отрядов, 15 из которых включали представителей крестьянского сословия либо полностью из них состояли. Формирование этих отрядов пришлось на годы правления одиннадцатого главы княжества — Асано Нагамити 淺野長訓 (1812–1872), прилагавшего большие усилия к восстановлению экономического благосостояния княжества. Нагамити инициировал серию реформ, в числе которых были и преобразования существовавшей в княжестве военной системы. Поскольку географически Хиросима граничило с Тёсю, это обстоятельство во многом и предопределило его дальнейшую историю. Во время первой и второй карательных экспедиций против Тёсю территория княжества служила местом дислокации войск бакуфу. Однако само Хиросима выступило против войны и пыталось взять на себя роль посредника в конфликте. Поражение войск бакуфу в 1866 г. заставило Нагамити пойти на сближение с Сацума и Тёсю. В том же 1866 г. для борьбы с бакуфу были сформированы отряд сёсинтай (捷神隊) численностью 60 человек и состоящий из 300 госи и ронин отряд сюготай (衆合隊). В следующем году к ним добавились состоящий из крестьян

¹⁶ Крупнейшее и последнее в японской истории выступление упраздненного самурайского сословия, недовольного политикой нового руководства страны. Во главе охватившего юго-западную часть острова Кюсю восстания стоял Сайго Такамоти 西郷隆盛 (1827(8)–1877).

и горожан дозорный отряд кэнрикитай (献力隊) численностью 300 человек и насчитывавший 150 человек отряд соютай (奏勇隊), выполнявший полицейские функции [27].

В последние годы существования бакуфу в военной системе Японии произошли существенные изменения. В противовес традиционной системе комплектования, базировавшейся на самурайских формированиях, монополизировавших военное дело в стране, появляется абсолютно новый и, безусловно, прогрессивный для токугавского общества подход, основанный на введении системы набора безотносительно сословных рамок. И если ряд рассмотренных формирований мимпэй изначально апеллировал к зажиточной части крестьянского сословия, то затем, когда в руководстве этих отрядов появляются «патриоты» — «сиси» (志士), ставившие своей задачей защиту страны от внешней опасности, доступ к оружию получают и низшие слои крестьянства, и даже представители эта. Особенно ярко этот подход виден на примере деятельности отрядов, вступавших в прямые военные столкновения с иностранцами (Тёсю). Хотя нужно отметить, что в подвергшемся иностранным атакам княжестве Сацума вследствие консерватизма его управителей таких отрядов сформировано не было. Еще одной важной особенностью мимпэй периода бакумацу следует считать появление двойственного подхода к набору в формирования. Если изначально при наборе в мимпэй использовался принудительный принцип, безотносительно возможностей и желания призывников, то затем многие из этих формирований начинают комплектоваться добровольцами. Новый подход к формированию отрядов отразился и на их боевых качествах. Об этом свидетельствуют как провал второй карательной экспедиции против Тюсю в 1866 г., так и последовавшие за этим события, завершившиеся полным разгромом самурайских формирований, выступавших на стороне бакуфу и придерживавшихся по большей части традиционных сословных рамок. Таким образом, можно констатировать, что деятельность мимпэй, развивавшая теорию нохэй, носила прогрессивный характер и оказала непосредственное влияние на формирование новой военной доктрины Японии.

Теория нохэй в своем развитии прошла ряд важных этапов. Апеллирующие к прошлому философские построения мыслителей эпохи Токугава были практически реализованы во многих княжествах Японии в виде народной армии — мимпэй. При этом если изначально к службе по охране побережья крестьяне привлекались в принудительном порядке, то уже с 50-х годов XIX в. в юго-западных княжествах начинают появляться отряды, комплектовавшиеся на добровольной основе. Особенно много таких отрядов появляется в 1860-е годы, когда начинаются реальные столкновения с иностранцами, а усилившаяся внутривластная борьба приобретает радикальные формы. Таким образом, именно революционный для своей эпохи добровольческий подход, постепенно лишенный рамок сословных ограничений, создал условия для профессионального овладения передовым военным опытом Запада и в конечном счете позволил нанести поражение формированиям, сражавшимся на стороне бакуфу. Безусловно, положительные стороны, имевшиеся в народных формированиях, были в полной мере положены в основу доктрины новой системы комплектования, складывавшейся в 1868–1872 гг. Этому явлению способствовало и то обстоятельство, что лица, ответственные за создание новой государственной военной системы, по большей части были командирами и участниками этих смешанных формирований.

Литература

1. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. 735 с.
2. Тояма Сигэки. Мэйдзи исин. Иванамидзэнсё, 1973.
3. Тояма Сигэки Мэйдзи исин (Крушение феодализма в Японии) / пер. с яп. В. П. Алексеева и др. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959. 364 с.
4. Османов Е. М. Философия «нохэй» и первые попытки ее практической реализации в XVII — середине XIX столетия // «Модернизация и традиции»: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб.: СПбГУ, 2011. 480 с.
5. Врядий С. Ю. Влияние китайских ученых на развитие общественной мысли Японии накануне Мэйдзи // Вестник ДВО РАН. 2005. № 4. С. 80–84.
6. Sansom G. B. The Western World and Japan. London: Cresset Press, 1950. xvi, 543 p.
7. Иноуэ Киёси. Нихон киндайси. Мэйдзи исин (История Японии нового времени. Мэйдзи исин). Токио, 1955. 250 с.
8. Brown D. M. Nationalism in Japan. An Introductory Historical Analysis. Berkeley: Univ. of California Press, 1955. 278 p.
9. Хирао Митио. Котихан но мимпэй сэйдо (Система мимпэй княжества Коти) // Тоса сидан (Беседы об истории княжества Тоса). Тоса сиданкай, 1935. № 35. С. 44–57.
10. Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. Солдат и крестьянин в Японии / пер. с англ. П. П. Топеха. М.: Восточная литература, 1961. 296 с.
11. Сакамото Инуносукэ. Тэнтюгуми // Рэкиси гундзо (Памятники истории). 2006. № 12. С. 141–166.
12. Оока Сёхэй. Тэнтюгуми. Коданся, 1992. 454 с.
13. Акасэ Хироси. «Кабусики гайся» Нагасаки дэдзима («Корпорации» на Дэдзима в Нагасаки). Коданся, 2005. 321 с.
14. Тояма Микио. Нагасаки рэкиси но таби (Путешествие по истории Нагасаки). Асахисимбунся, 1990. 199 с.
15. Бакумацу эйкэцу року (Записи о героях периода бакумацу) [Электронный документ]. URL: <http://www.bakusin.com/eiketu/> (дата обращения: 22.11.2010).
16. Кихэйтай никки (Дневники кихэйтай). Т. 1–4. Кёдайгакусюппанкай, 1971. 2054 с.
17. Конрад Н. И. Столетие японской революции // Конрад Н. И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 188–199.
18. Кихэйтай // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 390.
19. Craig Albert. Chōshū in the Meiji restoration. Lexington Books, 2000. 456 p.
20. Харада Томокико. Хисабэцу бураку но рэкиси (История дискриминируемых жителей бураку). Асахисимбунся, 1973. 246 с.
21. Emily A. Su-lan Reber. Buraku mondai in Japan. Historical and Modern Perspectives and Directions for the Future // Harvard Human Rights Journal. 1999. N 12. P. 297–360.
22. Ханин З. Я. Парии в японском обществе. М.: Наука, 1980. 250 с.
23. Хоя Тору. Гумби дзидзё ни миру бакумацу сёхан (Княжества периода бакумацу в состоянии их вооруженных сил) // Рэкиси токухон (Историческая хрестоматия). Ноябрь, 2003.
24. Thomas M. Huber. The Revolutionary Origins of Modern Japan. Stanford University Press, 1981. 272 p.
25. Дзэнкоку бакумацу исин дзимбуцу дзитэн (Словарь деятелей Японии периодов бакумацу и Мэйдзи исин). Гакусюкэнкюся, 2010.
26. Харагути Идзуми. Кагосимакэн но рэкиси (История префектуры Кагосима). Ямагавасюппанся, 1999.
27. Бакумацу исин сётай иккан (Обзор отрядов периода бакумацу и Мэйдзи исин) 幕末維新諸隊一覧: [Электронный документ]. URL: <http://homepage1.nifty.com/kitabatake/rekishit26.html>. (дата обращения: 25.12.2010).

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

М. А. Солощева

КУКУНОРСКИЙ МЯТЕЖ 1723–1724 годов И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ТИБЕТА

Мятеж, поднятый кукунорским князем Лобсаном Дандзином против империи Цин в 1723 г., — одно из важнейших событий, повлиявших на расстановку сил в регионе в первой половине XVIII в. Его последствия определили не только будущее самого Кукунора (Цинхая), Тибета и Джунгарии, но и во многом современную карту Китая. И тем не менее этому вопросу не уделялось достаточного внимания в отечественной историографии. В 1880 г. было опубликовано исследование В. М. Успенского «Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов» [1]. В 1972 г. Б. Д. Дандарон опубликовал перевод с тибетского языка «Истории Кукунора», написанной современником мятежа Сумба-Хамбо Ешей-Пэлджором (1704–1788) [2]. Сумба-Хамбо был ученым ламой и многолетним настоятелем кукунорского монастыря Гонлун (dGon-lung), который был полностью разрушен китайскими войсками при подавлении восстания. Поэтому данное историческое сочинение, несмотря на свой небольшой объем, представляет значительный интерес для изучения указанных событий¹. Это сочинение было использовано при написании данной статьи наряду с другими источниками на тибетском и китайском языках, опубликованными за последние полвека в КНР.

Некоторые аспекты Кукунорского мятежа были освещены в работах зарубежных исследователей, написанных на английском и немецком языках: «Восстание Лобсана Дандзина 1723 г. в свете предшествовавших ему событий» Като Наото [4] и «Завоевание Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Шу-хуэй У [5]. Като Наото уделяет особое внимание (как это следует из названия) событиям, предшествовавшим мятежу. Шу-хуэй У подробнейшим образом разбирает военные действия маньчжуров в указанный период на основе секретных донесений генерала Нянь Гэнъяо (1679–1726) императору Канси (правл. 1662–1723), а затем его наследнику Юнчжэну (правл. 1723–1735). В данной статье мы рассмотрим предысторию вопроса, подробно остановимся на причинах мятежа и влиянии этого события и его последствий на расстановку сил в регионе, особо отметив их значение в истории Тибета.

В 1642 г. предводитель хошутских монголов Гуши-хан (1581–1655) завоевал Тибет и провозгласил себя его «царем». Он активно способствовал распространению так называемого желтого учения — традиции школы тибетского буддизма гелугпа², к которой относится линия перерождений Далай-лам. Основав династию «царей Тибета», Гуши-хан практически не принимал участия в управлении страной, заезжая туда лишь изредка. Он передал власть в руки Далай-ламы V Нгавана Лосана Гьяцо (1617–1682),

Солощева Мария Алексеевна — аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mary1685@mail.ru

¹ В 1969 г. оригинальный текст «Истории Кукунора» был издан в латинской транслитерации тибетского алфавита и переведен на английский язык [3].

² Основателем школы гелугпа является Цзонхава (1357–1419), племянник которого — Гэдундуб (1391–1447) стал первым в линии перерождений Далай-лам. Школу также называют «желтым учением» из-за цвета традиционного головного убора.

© М. А. Солощева, 2013

оставив за собой лишь контроль над войском. Однако формально главой государства продолжал считаться монгольский правитель. Кроме того, титул «царя Тибета» передавался по наследству, что позволило потомкам Гуши-хана претендовать на власть в Тибете и после его смерти, в 1656 г.

Став главой Тибета и его духовным лидером, Далай-лама V мало участвовал в управлении администрацией, обладая при этом значительным политическим влиянием. Исполнительная власть была отдана сановнику Соднам Чойпэлу (ум. 1657), получившему должность дэси. По мнению тибетского историка В. Д. Шакабпы, его обязанности можно сравнить с обязанностями первого министра, однако в европейской историографии за тибетским названием «дэси» закрепился перевод «регент» [6, с. 124]. Об авторитете, завоеванном Далай-ламой V за время своего правления, свидетельствует то, что факт его смерти в 1682 г. дэси Сангье Гьяцо (1653–1705) скрывал на протяжении пятнадцати лет, управляя Тибетом от его имени [7, р. 8–9].

Вопрос о том, кто должен управлять Тибетом после смерти «Великого Пятого», осложнялся не только тем, что он успел передать управление страной регенту, но и тем, что монгольские князья, унаследовавшие титул «царя Тибета» от Гуши-хана, также претендовали на полноту власти. Кроме того, титул Далай-лам передавался не по наследству, а по линии перерождений, т. е. следующего новорожденного духовного лидера искали при помощи оракулов, определяющих по знамениям, где и когда он должен был родиться. В 1685 г. по тайному распоряжению регента были организованы поиски нового воплощения «Великого Пятого». В воспитании мальчика Цаньяна Гьяцо, признанного Далай-ламой VI, Сангье Гьяцо принял активное участие, уделяя особое внимание светским дисциплинам. В 1697 г. регент объявил монгольским ханам и маньчжурскому императору о смерти Далай-ламы V и предложил императору прислать в Лхасу ламу, который знал Далай-ламу V и мог бы лично убедиться в его сходстве с Цаньяном Гьяцо [8, с. 319]. Далай-лама VI рос своевольным юношей, гораздо больше времени посвящая поэзии, стрельбе из лука, вину и женщинам, нежели религиозным занятиям или делам управления Тибетом. В итоге вместо того, чтобы принять полное посвящение в 1702 г., он снял с себя даже те обеты, которые уже успел принять [6, с. 141–142].

В это время в Тибете разгоралась борьба за власть между Сангье Гьяцо и главой хошутских монголов в Центральном Тибете Лхавсан-ханом. В 1703 г. регент был вынужден уйти в отставку. Это было вызвано недовольством монголов, а также ухудшением его отношений с Далай-ламой VI. Однако Сангье Гьяцо продолжал управлять тибетской администрацией, оставаясь в тени [6, с. 143–144]. Лхавсан-хан также претендовал на полноту власти в Тибете. О его вражде с регентом свидетельствуют китайские источники, в которых упоминается попытка Сангье Гьяцо отравить монгольского правителя [9, цз. 91, л. 16а]. В 1705 г. конфликт перерос в вооруженное столкновение. Бывший регент потерпел поражение и был казнен. Лхавсан-хан, при поддержке цинского двора, с которым он вел переписку, объявил Цаньяна Гьяцо «фальшивым» Далай-ламой. Высшие религиозные авторитеты Тибета не решились его поддержать, однако это не помешало Лхавсан-хану объявить, что найден «настоящий» Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо. Нового духовного лидера признали Панчен-лама V³ Лосан Еше Пэлсанпо (1663–1737) и цинский двор. В 1709 г. по указу императора Канси Нгавану Еше Гьяцо

³ Существуют расхождения в вопросе нумерации Панчен-лам. При жизни титул «Панчен-лама» получил четвертый, по счету более поздней традиции, Панчен-лама Лосан Чойгьи Гьялцэн. Таким образом, в некоторых случаях Лосан Еше Пэлсанпо фигурирует как Панчен-лама V, а в некоторых — как Панчен-лама II.

была дарована печать Далай-ламы VI [9, цз. 91, л. 17а]. Однако среди тибетского населения он не пользовался авторитетом ни как религиозный деятель, ни как политик.

«Поддельный» Далай-лама VI Цаньян Гьяцо был низложен и отправлен в ссылку. Он умер по дороге в Пекин 14 ноября 1706 г. В то же время были организованы поиски его перерождения. В 1712 г. кукунорские князья Даши Батур (1632–1714) и Цеван Дандзин (ум. 1735) официально объявили найденного в Литане мальчика Далай-ламой VII. Лхавсан-хан отправил послов разобраться в сложившейся ситуации, и они объявили Далай-ламу Кэлсанга Гьяцо «фальшивым» [10, л. 17а–186].

Цинский двор не сразу определил свои позиции относительно происходящего в Тибете. Маньчжуры были заинтересованы в раздробленности монгольских племен и стремились оказывать на них влияние, заручившись авторитетом духовного лидера буддистов — Далай-ламы. Лхавсан-хан, с одной стороны, проявлял лояльность по отношению к императору, с другой — поддерживал связь с джунгарами, главным противником Цинской империи на внешнеполитической арене в это время. Кроме того, позиции Лхавсан-хана в Тибете были не столь прочны. По императорскому указу в Тибет был отправлен чиновник по имени Хэшоу, чтобы разобраться в сложившейся ситуации [9, цз. 91, л. 17а]. Официально он был назначен императором, «управляющим делами Тибета». Хэшоу иногда называют первым амбанем⁴, так как это был первый официальный представитель маньчжуров, отправленный на постоянное проживание в Тибет, чтобы следить за происходящими там событиями. Ж. Колмаш расценивает миссию Хэшоу как первую удачную попытку маньчжурского вмешательства во внутренние дела Тибета, однако возникновение института амбаней относит к 1727 г. [11, р. 543]. «Управляющий» пробыл в Тибете недолго. В 1710 г. Хэшоу получил императорский указ — вручить Нгавану Еше Гьяцо грамоту и печать, основанный на заверениях Панчен-ламы и Лхавсан-хана в том, что он сведущ в буддийском учении. Но уже в следующем году император повелел отозвать Хэшоу, уличить Лхавсан-хана в обмане и признать настоящим перерождением Далай-ламы Лосанга Кэлсанга Гьяцо из Литана [9, цз. 91, л. 17а].

Затем Канси приказал отправить Кэлсанга Гьяцо в Китай. Однако Цеван Дандин и Лобсан Дандзин попросили разрешения императора поселить его в монастыре Кумбум, опасаясь дальних путешествий из-за оспы. Император повелел после того, как Далай-лама прибудет в монастырь, оставить сопровождавших его маньчжурских воинов в качестве охраны [9, цз. 91, л. 176].

Таким образом, после смерти Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо расстановка сил в Тибете приобрела следующий характер: светским правителем являлся Лхавсан-хан; на место духовного лидера Тибета претендовали ставленник Лхавсан-хана, Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо, признанный Панчен-ламой, и Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо, поддерживаемый оппозиционно настроенным духовенством, кукунорскими правителями и большей частью тибетской аристократии. Цинский двор, поначалу выступивший на стороне Лхавсан-хана, не упускал из поля зрения и нового претендента на титул Далай-ламы Кэлсанга Гьяцо, спустя некоторое время признав его «настоящим»⁵.

⁴ «Амба» в переводе с маньчжурского значит «большой». Поэтому «амбань» стал общим термином для высшего руководства как в Пекине, так и на местах. В китайской литературе закрепился перевод да-чэн — «большой чиновник». В тибетском языке также существует аналог — *mi drags*, однако чаще встречается фонетическая транскрипция *'am ban*.

⁵ Следует отметить, что, признав Кэлсанга Гьяцо «настоящим», цинский император не признал его предшественника Цаньяна Гьяцо. Кэлсанг Гьяцо получил впоследствии от императора печать Далай-ла-

Заручившись поддержкой Далай-ламы, маньчжуры стремились усилить свое влияние на монголов, духовным лидером которых он являлся. Отправляя воинов сопровождать Кэлсанга Гьяцо в Кумбум, император велел им не только остаться для охраны Далай-ламы, но и следить за тайным проникновением в Тибет джунгаров [9, цз. 91, л. 176]. Их предводитель Цеван Рабтэн (1697–1727), наблюдая за усилением китайского влияния на события в Тибете, стремился, в свою очередь, контролировать ситуацию, поддерживая отношения с Лхавсан-ханом.

В 1717 г. джунгарская армия вступила в Тибет. Декларируемыми целями джунгарского вторжения были месть за смерть дэси Сангье Гьяцо, возвращение власти в стране тибетцам и водворение в Лхасе законного Далай-ламы VII. Джунгары захватили Лхасу и подвергли ее разграблению, Лхавсан-хан был убит в сражении. Однако перед своей гибелью Лхавсан-хан успел отправить императору Канси письмо с просьбой о военной помощи. Объединенные маньчжуро-монголо-китайские войска изгнали джунгаров из Тибета в 1720 г. 16 октября 1720 г., по указу императора Канси, состоялся торжественный въезд Далай-ламы VII Кэлсанга Гьяцо в Лхасу и его восшествие на золотой трон во дворце Потала. Как отмечает японская исследовательница Ишихама Юмико, это событие следует рассматривать как «восстановление буддизма в Тибете», осуществленное при поддержке потомков Гуши-хана — кукунорских хошутов и императора Канси. Из ее статьи «Новый взгляд на китайское завоевание Тибета в 1720 году», написанной с привлечением источников на маньчжурском, китайском и тибетском языках, мы узнаем, что, направляя армию для изгнания джунгаров, император планировал восстановить прежний режим правления кукунорских хошутов, без которых не могло бы состояться «китайское» завоевание Тибета [12, р. 426]. Однако потомки Гуши-хана так и не смогли назначить своего правителя, что и послужило главной причиной Кукунорского мятежа.

Сразу после занятия джунгарами Лхасы в Тибете было образовано временное военное правительство во главе с генералом Ян Синем (кит. 延信)⁶. В него вошли представители халхасских князей, тибетских аристократов и кукунорских хошутов. У императора не было уверенности в том, какую именно систему управления следует установить в Тибете. Не было сомнений лишь в вопросе религиозной организации: в традиционном тибетском обществе буддизм играл господствующую роль во всех сферах жизни, а Далай-лама был непререкаемым духовным лидером. Однако вопрос о том, кто станет светским правителем, оставался открытым. В Тибете не было отлаженной системы управления: на протяжении 1642–1720 гг. реальную власть в Тибете осуществляли разные люди с разными титулами и должностями: Далай-лама V (1617–1682), регент Сангье Гьяцо (1653–1705), монгольский князь Лхавсан-хан, унаследовавший титул «царя Тибета», джунгары также делали попытки установить свое правительство во главе с регентом Тагцепа Лхагьел Рабтеном (?–1720) после вторжения 1717 г. В связи со сложностью ситуации решение вопроса затянулось, и решать его пришлось уже не Канси, а его сыну Юнчжэну, занявшему престол в 1723 г.

В секретном донесении императору генералы Ян Синь и Нянь Гэнъяо предлагали собственную схему управления Тибетом: «Далай-лама слишком молод и лишь недав-

мы VI. Таким образом, сложилась уникальная в истории Тибета ситуация: существовало три Шестых Далай-ламы: Цаньян Гьяцо (воспитанник регента Сангье Гьяцо), Нгаван Еше Гьяцо (ставленник Лхавсан-хана) и Кэлсанг Гьяцо (перерождение Цаньяна Гьяцо).

⁶ Подробнее о работе временного правительства см.: [7, р. 74–90]

но взошел на трон, и в Тибете нет человека, который бы управлял государственными делами; если не успокоить сердца [местного населения], это будет противоречить высшим пожеланиям предшествующих императоров об умиротворении дальних земель. Нижайшие наши мысли заключаются в следующем: позволить Далай-ламе, местным духовным лицам и князьям вместе избрать одного достойного доверия человека, который бы пользовался авторитетом среди тибетцев, назначить его регентом⁷ и поручить ему управление делами [Тибета]. Этот министр не был бы [нашим] ставленником, и если впоследствии он оказался бы неспособным к управлению, не составило бы труда сразу его сместить» [13, с. 1]. В качестве одной из главных кандидатур на место светского правителя рассматривался молодой Далай-лама Кэлсанг Гьяцо, главным образом по той причине, что самым эффективным и популярным правителем в течение долгого времени (если не за всю историю Тибета) был Далай-лама V, «Великий Пятый». Спустя несколько месяцев после процитированного выше донесения, Нянь Гэнъяо докладывал императору о том, что Далай-лама VII не хочет брать на себя управление Тибетом: «Осмелюсь предположить, что если бы Далай-лама смог взять управление на себя, это было бы значительно лучше, чем приказать нэйгэ сюэши⁸ Ораю самому назначить министра. Если бы Ваше императорское Величество в письме убедили Далай-ламу, он смог бы управлять по образу Далай-ламы V, тибетцы доверяли бы ему, и это было бы на благо дела» [13, с. 7]. Таким образом, если Далай-лама не соглашался, согласно предложениям приближенных императора управление Тибетом передавалось в руки пользовавшегося доверием и уважением среди местного населения тибетца. Решением временного правительства был ликвидирован институт деси (регентства), образован совет калонов (министров), во главе которого стоял тибетец, заслуживший доверие при организации сопротивления джунгарам, — Канчэннэ. Нельзя сказать, что это решение о назначении принял император: на донесение генерала Янсиня с вышеупомянутыми предложениями Юнчжэн ответил: «В том, что ты докладываешь, я вижу смысл, однако еще не [могу] принять решение. Это очень ответственное и важное дело. Я уже сообщил об этом Нянь Гэнъяо. Когда он вернется [в Лхасу], во всех местных вопросах проявляйте еще большее старание, будьте максимально внимательны и предлагайте помощь с уважением и осторожностью» [13, с. 2]. Канси не предполагал включения Тибета в состав администрации империи Цин в 1720 г., когда принимал решение отправить туда армию, и хотя требуемая военная помощь была оказана и маньчжурские войска были впервые введены в Лхасу, определенной стратегии в отношении управления Тибетом выработано не было: генералам приходилось действовать на месте по ситуации.

В то же время, предоставив решение вопроса о выборе главы правительства самим тибетцам, Юнчжэн, вслед за своим отцом, проигнорировал тот факт, что перед походом объединенных армий 1718–1720 гг. император Канси пообещал кукунорским князьям, наследникам титула «царя Тибета», что когда военные действия завершатся, они смогут сами назначить правителя: «До сих пор [мы] соблюдали все повеления Амугулан-хана (Канси. — М. С.). Сейчас же, кажется, для нас в этом нет выгоды ни на волосок. [Мы] ладили с Лхавсан-ханом, который по собственной вине был убит Цеваном Рабтэном, а Тибет был захвачен. Наша армия объединилась с китайской и пошла в наступление, заставила Церина Дондуба бежать и попросила Далай-ламу занять пре-

⁷ Кит. Di ba, фонетическая транскрипция тиб. Sde pa.

⁸ Нэйгэ сюэши (кит. 內閣學士) — звание секретаря Государственной канцелярии.

стол. Ранее Амугулан-хан говорил, что если [мы] возьмем Тибет, сможем в будущем назначать хана из своих. Только затем мы собирались назначить хана из своих. С тех пор 3–4 года нет известий. Видимо, нет надежды [самим назначить хана]. Со времен предков и до наших дней с джунгарами мы были очень дружны. Но из-за того, что Лхавсан-хан поступил неверно, мы стали врагами. Однако какое нам дело до [Лхавсан-хана]? Давайте же скорее в течение этого 12-го месяца отправим посла к Цевану Рабтэну с посланием: “Со времен наших предков мы были в хороших отношениях, и до сих пор сохранили хорошие отношения. Давайте же и дальше действовать, объединив наши помыслы и устремления, и полагаться друг на друга. Следовать Амугулан-хану для нас не выгодно” — давайте скорее отправим ему посланника с этими словами» [14, с. 218].

Это решение было принято на собрании монгольских князей в 1723 г. Однако согласно «Истории Кукунора» решение о выступлении против Китая было принято ханскими князьями еще в 1720 г. в Лхасе, когда уже во время пира, посвященного восшествию Далай-ламы VII на престол, стало ясно, что маньчжуры не собираются возвращать управление Тибетом наследникам Гуши-хана: «Во-первых, во время великого пира в Потале китайские чиновники сидели на центральных местах и были обслужены с почтением, мы же, кукунорцы, сидели на задних рядах, и еду нам подносили на бегу. Во-вторых, несмотря на наши попытки спасти регента Тагцепу, никто нас не слушал, и наша просьба была похоронена. В-третьих, мы привезли Далай-ламу из Литана и благодаря нашим стараниям сейчас завершили задачу его водворения на Львиный трон — задание, для которого мы были нужны и для которого к нам относились с почтением, а теперь наши заслуги принижены. Более того, по нашему разумению, благородные потомки Гуши-хана должны быть, как и прежде, благополучно коронованы царями Тибета. И тем не менее, на должность регента в Цзане был назначен Канчэннэ из Шанга. По этим причинам наши лица были покрыты потом стыда, и наши сердца были словно уколоты терновыми шипами. Пряча негодование, мы поклялись перед изображением Будды в Тибете, сойдясь на том, чтобы поднять восстание против Китая» [3, р. 24–25]. Однако единства среди правителей Кукунора не было, они не объединились в борьбе против Цинов не только с джунгарами и не достигли взаимопонимания даже между собой. Этому активно способствовала политика цинской империи в отношении региона.

Завоевание Тибета не было главной задачей внешней политики маньчжуров. Это был достаточно бедный труднодоступный район с суровым климатом, земли его были неплодородны, и с местного населения нельзя было получить достаточный налог. В то же время Тибет был духовным центром буддизма, и Далай-лама имел огромное влияние на умонастроения тибетцев, монголов, а также определенной части населения империи Цин, в том числе на многих высокопоставленных лиц. Кроме того, в описываемый период Тибет был точкой пересечения геополитических интересов главных сил региона. Маньчжуры были не сильно заинтересованы в полном контроле над ситуацией в Тибете только до тех пор, пока он не попадал под влияние монгольских племен, будь то джунгары — главный соперник Цинов на внешнеполитической арене того времени, или кукунорские князья, которые, объединившись и подчинив своей власти Тибет, могли бы со временем выйти из-под контроля. Не следует также при описании расстановки сил в регионе забывать про значительное количество тибетцев, проживавших на территории Цинхая. Как докладывал императору Нянъ Гэнъяо, быстро подавить восстание — не проблема, вопрос в том, чтобы достичь спокойствия на границах, а для этого необходимо подчинить умы проживающего там населения [15,

с. 34]. Тибетцы как на территории Цинхая, так и в Цзане со времен Гуши-хана привыкли видеть в его потомках покровителей религии, маньчжуры же на территорию Тибета в 1720 г. вступили впервые. Помощь в водворении в Лхасе Далай-ламы и освобождении от джунгарских завоевателей была значительным фактором в формировании положительного маньчжурского образа среди тибетского населения, однако генералы докладывали еще императору Канси о бедственном положении войск, вызванном проблемами с обеспечением их провиантом, одеждой, и о том, что длительное пребывание маньчжурско-китайских войск в Тибете лежит тяжелым бременем и на местном населении, что также может вызвать осложнения [13, с. 1]. Несмотря на то что Канси сам говорил о необходимости вывода войск при первой же возможности сразу после освобождения Тибета от джунгаров [13, с. 1], он все же не решился на эти меры, так как считал, что положение в регионе слишком нестабильно. Когда же к власти пришел император Юнчжэн, он практически сразу отдал приказ о выводе войск. Генерал Нянь Гэньяо докладывал о том, что монголы Цинхая, в частности Лобсан Дандзин, недовольны сложившейся в Тибете ситуацией, и предполагал, что «если быстро вывести армию, тогда у тибетцев не останется жалоб, а правители Цинхая поймут, что Небесной династии [Цин] не нужен Тибет, и что он останется землей буддизма» [15, с. 3]. Таким образом, решение о выводе войск, принятое вскоре после восшествия императора Юнчжэна на престол, было вызвано желанием решить сразу несколько задач: вернуть войска и сократить расходы на их содержание за пределами собственно Китая, устранить причины для недовольства местного населения маньчжурами и возможного сплочения кукунорских правителей. Впрочем, также возможно, что император хотел создать у князей иллюзию того, что ситуация в Тибете не контролируется, и тем самым спровоцировать их на конфликт. Когда Далай-лама VII высказался против вывода войск, Юнчжэн повелел объяснить ему, что, несмотря на отсутствие самих войск в Лхасе, ситуация будет находиться под контролем: отлаженная почтовая система позволит в случае необходимости вернуть армию в кратчайшие сроки [13, с. 1–2]. Как показало дальнейшее развитие событий в Тибете, ситуация находилась под контролем только в той степени, в которой она касалась отношений с монголами, — внутренние противоречия и интриги в самом Тибете привели в 1727–1728 гг. к гражданской войне и необходимости возвращения маньчжурских войск.

Вывод войск из Тибета решил не все поставленные задачи: наследники Гуши-хана, не вернув себе контроля над Тибетом, продолжали планировать совместные антицинские действия. Однако император был в курсе событий и предпринял целый ряд хорошо продуманных мер, целью которых было уже не столько избежать конфликта с Кукунором, сколько его «умиротворить» и включить в состав империи.

Конфликт между князьями, которые и без постороннего вмешательства особенно сплочены не были, спровоцировать было несложно. Юнчжэн даровал многим князьям в награду за помощь в освобождении Тибета от джунгаров и водворении на престоле Далай-ламы титулы и деньги, распределение которых способствовало ухудшению отношений среди князей. Также император принял непосредственное участие в решении вопроса со спорными землями на территории Цинхая в пользу Чагана Дандзина (?–1735), что усиливало его влияние и обеспечивало его нейтралитет в планируемом антицинском восстании⁹. Лобсан Дандзин, идеолог Кукунорского мятежа, лишился

⁹ Подробнее о распределении титулов и спорных земель см.: [1, с. 66–72; 2, с. 61–73].

таким образом наиболее важного союзника в противостоянии маньчжурам, а его влияние на территории Цинхая значительно сократилось. В итоге к началу военных действий монгольский князь не только не сумел добиться поддержки джунгаров, но и потерял своих союзников.

Ход мятежа подробно описан в «Завоевании Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Ши-хуэй У [5, S. 73–159], поэтому мы не будем заострять внимание на конкретных военных действиях, именах и названиях. В целом можно отметить, что, по свидетельствам очевидца событий, автора «Анналов Кукунора» Сумба-Хамбо Ешей-Пэлджора (1704–1788), эта попытка монголов вести войну с Цинами выглядела детской игрой в сравнении с действиями, предпринятыми маньчжурскими генералами. И если действия монгольских князей не были слажены и четко продуманы, у маньчжуров была определенная стратегия, и каждое действие носило продуманный характер [3, р. 25]. Причем, по мнению Като Наото, Лобсан Дандзин, хотя и планировал восстание, на китайский гарнизон напал непреднамеренно во время военных действий, предпринятых против Чагана Дандзина, а причиной начала военных действий исследователь называет политику императора Юнчжэна в отношении кукунорских правителей [4, р. 80].

Мятеж Лобсана Дандзина был подавлен за считанные месяцы. Однако, как мы уже упоминали, главной задачей маньчжуров было «умиротворение» местного населения. А этот процесс потребовал значительно больших усилий и времени.

В ходе восстания существенную поддержку Лобсан-Дандзину оказали тибетцы, проживавшие на территории Цинхая. Монастыри служили местами сбора восставших, а монахи не только снабжали их провиантом и оружием, но и принимали непосредственное участие в военных действиях. Еще до начала военных действий император писал Нян Гэньяо о том, что его удивляет и возмущает фанатичность приверженцев желтой веры, что влияние лам на монголов слишком велико и этому следует помешать, как только появится повод [5, S. 133–134]. Поддержка тибетцами мятежного монгольского князя стала не только идеальным оправданием мер, предпринятых в отношении лам и монастырей, — она разозлила императора и стала причиной беспрецедентной жестокости, проявленной при «умиротворении» Цинхая. Ши-хуэй У подробно описывает действия генералов Нян Гэньяо и Юэ Чжунти (1686–1754), которым было поручено «умиротворение» Цинхая. Маньчжурские войска убивали лам, молодых и старых, уничтожали монастыри и прилегавшие к ним деревни. Учитель Далай-ламы VII престарелый Чубсан-хутухта вместе с другими высшими ламами был сожжен заживо [5, S. 173–199]. Меры, предпринятые Нян Гэньяо в отношении отдельных областей уже завоеванной территории, отличались в зависимости от степени их помощи Лобсану Дандзину или признания господства империи Цин. В то же время правила и ограничения, введенные по окончании военных действий, затронули весь Кукунор.

Кроме традиционных наград, поощрений и штрафов, Юнчжэн, по предложению Нян Гэньяо, предпринял целый ряд мер, обеспечивший мирное вхождение Цинхая в состав империи Цин. Наряду с территориальными изменениями, способствовавшими разобщению монголов, была введена новая система налогообложения, кочевой образа жизни было приказано заменить земледельческим, была проведена перепись населения. Все тибетцы, проживавшие на территории Цинхая, также стали платить налоги Цинской империи. Раньше они подчинялись монгольским князьям и поэтому поддерживали их в мятеже, теперь же они переходили в полное и безоговорочное подчи-

нение маньчжуров. Далай-ламе была выделена ежегодная денежная выплата в качестве компенсации за то, что часть территории, налог с которой раньше отправлялся ему, теперь отходила к Цинской империи [5, S. 260–284].

Был введен строгий контроль за деятельностью монастырей и регламент, ограничивавший количество комнат и лам в монастыре, регулировавший порядок выдачи монашеских удостоверений и вводивший серьезные ограничения в других областях жизни последователей желтой веры. На территориях, населенных тибетцами, были на постоянной основе размещены маньчжурские гарнизоны [5, S. 260–284].

Подводя итог вышеописанным событиям, отметим их наиболее важные последствия:

- завоевание Кукунора маньчжурами и включение его в состав империи положило конец претензиям наследников хошутского Гуши-хана на титул «царя Тибета» и участие в его управлении;

- джунгары, отказавшиеся выступить против империи Цин, становились менее опасными соседями, так как лишились практически единственного возможного союзника в противостоянии маньчжурам. Сам же факт того, что Цеван Рабтэн отказался поддерживать Лобсана Дандзина, свидетельствовал о том, что джунгары еще долгое время не смогут набрать достаточно сил, чтобы стать серьезным соперником на внешнеполитической арене;

- значительные территории, населенные тибетцами, вошли в состав империи Цин. Важнейший религиозный очаг, родина основателя школы гелугпа Цзонхавы, перешел в административное подчинение к маньчжурам, а монголы навсегда были изгнаны из Тибета. Был принят целый ряд серьезных мер по ограничению деятельности лам и монастырей на присоединенной территории. Причем императору удалось добиться того, чтобы разграбление монастырей и массовые убийства тибетцев на территории Кукунора ассоциировались отнюдь не с его именем: поводом к совершенным действиям послужила поддержка тибетцами мятежного монгольского князя Лобсана Дандзина, а причиной стали считать кровожадность и жестокость китайских генералов. Нянь Гэнъяо, верный и талантливый полководец, выполнявший повеления императора, получил в 1726 г. приказ покончить с собой¹⁰, а Юнчжэн распорядился о восстановлении монастырей, которое, главным образом, завершилось к 1729 г. Таким образом, император, будучи инициатором кровопролитных действий, не только ничего не потерял, но и приобрел славу покровителя желтого учения, «покарав виновных» и «восстановив справедливость».

Вывод маньчжурских войск из Лхасы, ослабление контактов с Джунгарией и включение Кукунора в состав империи Цин дали возможность новым тибетским министрам-правителям сосредоточиться на внутренних противоречиях и личных конфликтах. Это привело Тибет к гражданской войне 1727–1728 гг., которая закончилась победой проманьчжурски настроенного Полханэ, ставшего единоличным правителем Тибета. В результате цинские войска были возвращены в Тибет, контроль над которым был усилен со стороны императора.

¹⁰ Подробнее о кончине Нянь Гэнъяо см.: [5, S. 317–329].

Литература

1. Успенский В. М. Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. СПб.: ЗИРГО, 1880. С. 57–196.
2. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба Хамбо / пер. с тиб., введ. и примеч. Б. Д. Дандарона. М., 1972. 166 с.
3. The annals of Kokonor / *Ho Chin Yang* (tr.). 125 pp. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 106.)
4. *Katô Naoto*. Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion // *Acta Asiatica*. N 64. Tokyo, 1993. P. 57–80.
5. *Shu-hui Wu*. Die Eroberung von Qinghai unter Beruecksichtigung von Tibet und Khams 1717–1727. Anhand der Throneingaben des Großfeldherrn Nian Gengyao. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 s.
6. Шакабна В. Д. Ценон. Тибет: Политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
7. *Petech L.* China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1972. 309 p.
8. *Ahmad Z.* Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century. Roma, 1970. P. 155–167.
9. Qin ding wai fan meng gu hui bu wang gung biao zhuan. (Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана). Ксилографическое издание // Рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Шифр Xyl F-11.
10. Lcan skya-Qutuqtu Rol pa'i rdo rje'i Rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i zhal snga nas kyî rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma. (Биография седьмого Далай-ламы Лосанг Кэлсанг Гьяцо). Ксилографическое издание // Рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Шифр T-229/2.
11. *Kolmaš J.* A Chronology of the Ambans of Tibet // Ihara Shoren and Yamaguchi Zuiho (eds.). Tibetan Studies: Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Narita 1989. Vol. 1: Buddhist Philosophy and Literature. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita: Naritasan Shinshoji, 1992 (Monograph Series of Naritasan Institute for Buddhist Studies, Occasional Papers 1&2). P. 541–549.
12. *Ishihama Yumiko*. New Light on the «Chinese Conquest of Tibet» in 1720 (based on the new Manchu sources) // Proceedings of the 7th Seminar of the international Association for Tibetan Studies. Vol. 1: Tibetan studies. Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1997. P. 419–426.
13. Nian geng yao man han zou zhe yi bian. Собрание донесений Нянь Гэнъяо на маньчжурском и китайском языках. Перевод на китайский язык. Тяньцзинь, 1995. 368 с.
14. Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian. Собрание донесений императору Юнчжэну на китайском языке с комментариями. Пекин, 1989. 995 с.
15. Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Kêng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Republic of China, Shih-lin, Taipei, 1971. 399 p.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

А. В. Ляхович

**«ЭТА НАША ЖИЗНЬ...»:
ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК ШУ'АИБУ МАКАРФИ***

Книга «Zamanin nan namu» [1], «Эта наша жизнь», принадлежит перу патриарха хаусаязычной драматургии Шу'аibu Макарфи [2]. Книга была впервые опубликована в 1959 г., в то время, когда литература в современном смысле этого слова только зарождалась на Севере Нигерии. Большая часть появлявшихся в этот период произведений в лучшем случае обладала слабой художественной ценностью. Содержание и форму литературного процесса обуславливало совместное авторство англичан и хауса. Многие хаусанские авторы старательно воспроизводили заимствуемые ими сюжеты, литературные приемы, которые им разъясняли их соавторы-англичане. Немалую роль в этом процессе сыграла установка на подражательность, имевшая глубокие корни в литературной традиции хауса, сложившейся еще в доколониальное время. Элементы европейской литературы периодически появлялись в хаусаязычных произведениях, оставаясь, тем не менее, за пределами понимания хаусанского литератора.

Творчество Шу'аibu Макарфи до сих пор привлекает к себе внимание и читательской аудитории, и критиков своей самобытностью и особой манерой письма. Одна из основных причин успеха Макарфи заключается в том, что его творческая карьера состоялась отнюдь не в литературной сфере. На протяжении многих лет Макарфи работал на радио: он вел программу передач, посвященную различным аспектам жизни обычных людей. Работа дала ему немалый опыт: необходимо было каждый раз придумывать новую тему, сюжет, персонажей, диалоги. Однако для того чтобы удерживать внимание и любовь слушателей так долго, как это удалось Макарфи, нужно было об-

Ляхович Анастасия Викторовна — канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: anastasia_07007@mail.ru

* Данное исследование выполнено по проектам 2.38.44.2011 «Сравнительные исследования парадигм художественно-литературных доминант стран Азии и Африки (диахронический аспект)» под руководством А. В. Образцова и 2.38.524.2013 «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфо-синтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира» под руководством А. Ю. Желтова.

© А. В. Ляхович, 2013

ладать не только литературным дарованием, но и умением создавать правдивые, жизненные истории, очень хорошо знать и тонко чувствовать свою аудиторию. Шу'айбу Макарфи это удалось: его передачи были злободневными и облеченными в назидательно-просветительскую форму, столь понятную и привычную хауса, прекрасно вписывавшуюся в каноны традиционной религиозной литературы.

Из огромного числа сценариев, как признается сам автор, было опубликовано лишь несколько. Очевидно, что опубликованные тексты почти не получили литературной обработки. Две пьесы Макарфи, имевшие похожее содержание, были объединены в книгу «Эта наша жизнь». Книга имеет следующую структуру:

Титульный лист

Заглавие первой пьесы

Список действующих лиц (masu wasa)

Предисловие (bayani)

5 сцен (fitowa ta d'aya — ta biyar)

Заглавие второй пьесы.

Список действующих лиц

6 сцен (fitowa ta d'aya — ta shida)

Часть вторая (rabo na biyu), сцена 8–14 (fitowa ta takwas ta 14).

Структура как всей книги, так и отдельных пьес не отличается стройностью, например, предисловие ко всей книге следует после заголовка первой пьесы, неизвестна судьба сцены 7 второй пьесы, непонятно появление термина «часть», особенно в сочетании с порядковым числительным «вторая» (при отсутствии первой части).

Основная идея книги заявлена автором в предисловии и заключаются в следующем: дети не должны заниматься мелкой торговлей, поскольку так они выходят из-под контроля родителей и часто учатся дурному, их место в школе. В книге показаны разные родители, их отношение к детям и представления о воспитании.

Рассмотрим особенности творчества Шу'айбу Макарфи на примере первой пьесы. Произведение носит название «Малам Майдала'илу», по имени главного героя.

Первая сцена. Достопочтенный малам Майдала'илу в окружении своих друзей, столь же почтенных, как и он. Небольшая предыстория перед началом повествования имеет целью представить главного персонажа и описать вкратце его любовь к дочери, которой он стремится дать самое лучшее воспитание.

Сцену открывает реплика рассказчика (mai shela). Нужно отметить, что фигура рассказчика является отличительной чертой произведений Шу'айбу Макарфи. Рассказчик обладает большой степенью свободы, ведь по сути его голосом говорит сам автор: он излагает ход истории, комментирует поведение персонажей, подводит итог сказанному, обращает внимание аудитории на самые главные идеи пьесы, наставляет и просвещает слушателей в затронутых темах. Рассказчик, который ведет активный диалог с аудиторией, иногда обращается к ней с вопросами: «А теперь, люди, кого вы признаете виноватым? Я сам ничего говорить не стану, тем более высказывать свое мнение, но вы сами можете судить. Пойдет ли он на то, чтобы дочь послушалась мать, или же она, мать, уступит и согласится с тем, что говорит ей муж?» [3, p. 16].

Итак, именно рассказчик представляет нам действие первой сцены, которое разворачивается в доме достойного малама Майдала'илу, доме, который уже давно стал местом встречи почтенных, уважаемых людей квартала. «Послушаем же мы старших, может, обогатимся их советами» [3, p. 3].

Разговор, описываемый в первой и второй сценах, имеет большое значение в сюжете повествования. Он служит завязкой пьесы, поскольку именно здесь малам Майдала'илу приходит к мысли о необходимости послать дочь учиться в школу. По своей форме рассматриваемый фрагмент сложно назвать в полном смысле слова «разговором», поскольку герои высказывают в весьма пространной форме свои суждения относительно современной молодежи, нравов, роли родителей в воспитании. Один из них с восторгом говорит о новых исламских школах, которые открылись по всей стране, и о том, что эти школы прививают детям хорошие привычки, дают должное воспитание. На уроках дети также получают глубокие познания по религии, арабскому языку. «Сказать по правде, то, что знает она, — говорит малам Бала о своей дочери, — я не знаю... она учит своих родителей аяту “аль-Курси” и суре “Фатиха”... Но больше всего мне нравится, как она ломает язык. То, как она говорит по-арабски, когда читает...» [3, р. 7].

Следующая часть сюжета по своей форме отходит от пространного высказывания мнений и приобретает уже диалогическое звучание. Малам Майдала'илу говорит жене о своем решении отдать дочь в школу. Женщина протестует, однако мужу удается настоять на своем, и он поручает жене лично проследить за тем, чтобы наутро девочка отправилась в школу.

Четвертая часть, кульминация пьесы, является самой длинной.

Малам Майдала'илу на следующий день лично решает отправиться в школу, чтобы проверить, выполнена ли его воля. И оказывается, что девочки в школе нет. Герой возвращается в дом, обнаруживает, что и там ее нет, потом он снова обыскивает дом, но безрезультатно. В этом месте сюжет приобретает комический оттенок, который усиливается в последующей части произведения, где описана ссора между маламом Майдала'илу и его женой. Пропавший ребенок обнаруживается случайно: рассерженный отец встречает девочку на улице, где та занимается мелкой торговлей. Выясняется, что мать все сделала по-своему: отправила дочь торговать и наказала ей в ответ на все вопросы отвечать, что была в школе.

Далее следует сцена ссоры между мужем и женой, которые нападают друг на друга с упреками и оскорблениями. Малам Майдала'илу набрасывается на женщину с кулаками и выгоняет ее из дома.

Друзья героя, обеспокоенные его отсутствием, приходят к нему как раз после описанных событий. Они начинают наставлять его и успокаивать, и в результате малам Майдала'илу решает вернуть жену. Друзья дают ему другой хороший совет: все возникшие проблемы связаны с тем, что люди еще не привыкли к школам, а потому дети неохотно идут туда, а родители противятся идее отправлять своих детей учиться. Чтобы решить свои проблемы раз и навсегда маламу Майдала'илу следует самому отвести дочь в школу.

Последняя сцена разворачивается в доме жены героя. Женщину отчитывает отец за непослушание мужу и за обман. В конце концов женщина благополучно возвращается к мужу. Последние строки пьесы рассказывают о том, что дочь малама Майдала'илу благополучно окончила школу, получив превосходное воспитание и ценные знания, затем вышла замуж и стала достойной женщиной.

Анализируя пьесу, нельзя не отметить ряд клишированных ситуаций и сюжетных ходов, использованных автором. Широко распространена в хаусаязычной драматургии, к примеру, тема супружеских взаимоотношений, поэтому часто кульмина-

цией является сцена ссоры между мужем и женой, закономерным следствием которой становится уход жены из дома. Примирение мужа и жены, участие в этом друзей мужа также можно встретить и в других хаусанских пьесах, например, в пьесе «Циновка стыда (Табармар кунья)» А. Дангогго. Одинаковым образом рассматривается и у Шу'аibu Макаrfи, и у Адаму Дангогго тема дружбы: достойный человек должен уметь окружить себя достойными и мудрыми друзьями, которые будут оказывать на него только хорошее влияние. По своим художественным особенностям и задачам пьеса Макаrfи относится к просветительским сочинениям, которые были столь популярны в этот исторический период. Назидательный характер, присущий рассматриваемому произведению, однако, выражен в ином ключе, нежели в комедии «Циновка стыда» Дангогго. «Циновка стыда» написана в стиле анекдотических историй, популярном у хауса фольклорном жанре. Шу'аibu Макаrfи в своем творчестве использует другой источник назидания — традиционную религиозную литературу. Стиль религиозных сочинений имеет диалогический характер: рассказчик разъясняет аудитории важные религиозно-этические нормы и ценности. Потому речь его пространна, сложна для восприятия, одни и те же идеи постоянно повторяются в разной форме. Комедия Дангогго очень динамична: короткие сцены, короткие реплики. У Макаrfи, наоборот, многие реплики выполнены в форме длинных риторических монологов, автор делает акцент не на событийной составляющей, а на содержательной. Фигура рассказчика, как мы уже отмечали, является ключевой для реализации замысла писателя.

По своему содержанию пьеса «Малам Майдала'илу» Шу'аibu Макаrfи может считаться типичным явлением в ранней хаусаязычной литературе. В то же время нельзя не отметить оригинальность творческих решений автора, его новаторство, состоящее в попытке применить каноны традиционной религиозной литературы к новым формам массовой коммуникации, а также обращение к актуальным для своей эпохи социальным проблемам. Произведения Шу'аibu Макаrfи — это не только редкий для ранней хаусаязычной литературы пример оригинального авторского творчества, но и ценный источник, дающий представление о жизни северонигерийского общества середины XX в.

Анализируя творчество хаусанских писателей, нельзя не отметить тот факт, что нам сравнительно мало известно о них: об их жизни, причинах, побудивших к творчеству, о том содержании, которое они вкладывают в свои произведения. Тем не менее литературная жизнь северонигерийского общества оказывается предметом живого обсуждения и критики. Мы имеем возможность наблюдать своеобразный диалог между Читателем и Писателем; этот диалог затрагивает самые разные сферы социальной коммуникации: газеты, журналы, интернет. О творчестве Шу'аibu Макаrfи также было бы мало что известно, если бы не интервью с писателем, опубликованное на сайте И. Шеме [2]. Приведем наиболее важные, на наш взгляд, для понимания творчества писателя, фрагменты интервью:

Что вдохновило Вас писать?..

В первую очередь меня задевало то, в какой степени вырождается хаусанская культура. Все мои пьесы рассказывают о городе, поскольку они — побочный продукт города. Взгляните на мой офис... Рядом с ним находится «Рекс синема», и у меня сложилась привычка после работы наблюдать за тем, кто пришел в кино, и тому подобным. Я ув-

леченно наблюдал, как хауса одеваются в городе, как строят отношения друг с другом, с противоположным полом, с властью и т. д.; и во всем этом я видел упадок хаусанской культуры, той культуры, которой я чрезмерно дорожу.

Я вспоминаю, как делали раньше. Например, каждый год, собрав урожай, наш отец посылал нас раздать тюки с зерном семьям малама, цирюльника, кузнеца и др., еще до того, как мы привозили свою часть домой. Ну а сейчас такие сплоченные общинные взаимоотношения ушли в прошлое, уступив место эгоизму. И я, будучи тем, кто я есть, питал отвращение к тем изменениям, которые разрушают мой мир, хаусанскую культуру. Я никогда не учился для того, чтобы стать писателем. Я никогда не читал арабских или европейских авторов; мое творчество было прямой критикой омерзительных социальных явлений...

Почему Вы выбрали драматургию из всех форм литературы?

И вновь два фактора сыграли решающую роль. Вы помните, что я никогда не сидел за написание книги или пьесы. Я лишь писал сценарии к радиопередачам для той аудитории, которая ждала их. Тема должна была быть актуальной, значимой и каким-то образом предполагающей серьезное размышление или изображающей жизнь тех, кто слушал передачи. В то время — старое, доброе время — прослушивание радио было само по себе большим делом. Люди, бывало, собирались вокруг приемника, чтобы послушать, в то время маленькие радиоприемники можно было встретить нечасто... Моей задачей было непосредственно взаимодействовать с аудиторией. Я выбрал пьесы, поскольку любил драматизировать, раскрывать и разоблачать пороки. А используя персонажей, я мог выразить и воплотить эти пороки посредством разыгрывания ролей. Кроме того, пьесы — более волнующи в том, что касается подражания и притворства. Таким образом, я выбрал пьесы, поскольку работал на радио с жаждущей аудиторией. Каждая неделя была для меня испытанием, так как я должен был импровизировать и искать материал, персонажей, истории.

Правда ли то, что... Вы говорите о социальных проблемах, не предлагая никаких решений?

В некотором отношении это действительно так. Это правда. Видите ли, писать сценарии для радиопередач каждую неделю — это сложная и ответственная задача. Ты должен быть быстрым, гибким и инициативным. Твоя аудитория не оценит повтора. Она всегда с нетерпением ждет новую пьесу... Например, была одна пьеса... острая по своей проблематике, она стала эпизодической. Я, соответственно, написал о том, что происходило в реальности, а именно о порочности.

Обман на работе. Дома. Где бы то ни было. Всегда сатирически и злободневно, поскольку моя цель — встряхнуть людей, заставить их прозреть и повергнуть в шок — все для того, чтобы они изменились к лучшему. Так что упрек вполне заслуженный. Я никогда не считал своим долгом предлагать решения. Видите ли, даже когда я писал эти сценарии для радиопередач, я видел себя учителем — профессия, перед которой я так преклонялся, но на что у меня никогда не хватало времени. Так что я скорее пробуждаю совесть людей, заставляю их увидеть, учу и поучаю, нежели решаю всю проблему.

Вы когда-либо заимствовали, адаптировали, копировали, как Абубакар Имам, что-либо из европейской или арабской литературы / драматургии?

Нет. В отличие от Абубакара Имама я по большей части опирался на то, что происходило вокруг меня. Очень часто я черпал вдохновение в фольклорной традиции, чтобы расставить какие-то акценты. К примеру, в моих радиопостановках и пьесах широко используются поговорки, загадки, шутки и т. п. [2]

Литература

1. *Makarfi Sh.* Zamanin nan namu. Amana Printing&Advert. Ltd, 2007. 88 p.
2. *Sheme I.* Shu'aibu Makarfi — Grandfather of Hausa Drama. 10.01.2008. URL: <http://ibrahim-sheme.blogspot.com/2008/01/shuaibu-makarfi-grandfather-of-hausa.html> (дата обращения: 01.09.2012).
3. *Makarfi Sh.* Malam Maidala'ilu // Zamanin nan namu. Amana Printing & Advert. Ltd, 2007. P. 1–25.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

Е. И. Митькина

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК ЦИНСКОГО ПОЭТА ХУАН ЦЗИНЖЭНЯ «ЛЯНДАНСЮАНЬ»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Правление императора Цяньлуна (правил с 1736 по 1795) часто называют периодом процветания Китая. Это было время затишья после бури XVII в., когда одна династия вытеснила другую. К концу первой трети XVIII в., как раз к началу правления Цяньлуна, постепенно улеглось недовольство, китайцы стали привыкать к новой жизни, началась эпоха стабильности и экономического развития.

Следует сказать и о том важном вкладе, который внес император Цяньлун в китайскую литературу, несмотря на «литературную инквизицию». В 70-х годах XVII в. в Китае собирали различные сочинения, которые потом включили в знаменитое собрание «Сыку цюаньшу» («Полное собрание четырех книгохранилищ»). Значение этого выдающегося труда, над которым работали многие известные литераторы той эпохи, трудно переоценить. Каталог, беспрецедентный по своим масштабам, включавший в себя 36 тысяч томов, стал эпохальным событием в истории китайской литературы и сыграл важную роль в сохранении и изучении древней литературы. И хотя в ходе отбора материала многие труды, казавшиеся цензорам подозрительными, были уничтожены (среди них большинство относились к периоду предыдущей династии Мин), множество книг было сохранено и каталогизировано.

Важно отметить то влияние, которое оказал император Цяньлун на развитие литературы, его вкусы и пристрастия. Он сам был поэтом. Его иногда называют императором-графоманом, даже делаются заявления о том, что часть из его богатого поэтического наследия (ни много ни мало около десяти тысяч стихов!) написано не им самим. Как бы то ни было, император любил поэзию, поощрял поэтов. Сочинение стихотворений было также важной частью экзаменационных испытаний. И вообще, способность писать изящные стихи считалась необходимой для образованных молодых людей. Поэтому в XVIII в. появилось огромное количество поэтических сочинений и сборников. Среди них следует особо выделить сборник «Ляндансюань» (兩當軒, Домик Ляндан), в который вошли произведения известного в те времена поэта Хуан Цзинжэня (1749–1783). Он стал известен еще при жизни, его стихотворениями зачитывались известнейшие литераторы того времени. Хуан в детстве жил в Чанчжоу, в южной части провинции Цзянсу, на южном берегу реки Янцзы. Это был большой окружной центр, известный своей историей и тем, что именно тут жил и умер знаменитый сунский поэт Су Ши (苏轼, 1036–1101). В середине XVIII в. в районе Чанчжоу (частью которого был Уцинъ, где родился поэт) сложилась уникальная ситуация: здесь почти одновременно жили, писали свои труды и дружили выдающиеся ученые, государственные деятели и поэты. Кроме Хуан Цзинжэня в Чанчжоу жили такие известные люди, как Хун

Митькина Евгения Иосифовна — ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: yevgeshamit@yandex.ru

© Е. И. Митькина, 2013

Лянцзи (洪亮吉, 1746–1809), литератор, ученый, государственный деятель, позднее названный «Китайским Мальтусом» за свои труды, посвященные демографическим проблемам; знаток канонов и специалист по эпиграфике Сунь Синъянь (孫星衍, 1753–1818), поэт, правитель округа Чжао Хуайюй (趙懷玉, 1747–1823), поэт и историк Чжао И (趙翼, 1727–1814), основатель Чанчжоуской школы поэзии в жанре *цы* Чжан Хуэйянь (張惠言, 1761–1802), его брат Чжан Ци и многие другие. Ученые выделяют целых пять научных и поэтических школ, существовавших в XVIII в. на территории Чанчжоу. Среди них была, в частности, и школа поэзии *цы*, игравшая важную роль в литературной жизни Китая. У города даже было народное название «Страна поэзии». Именно в таком месте и в таком окружении вырос будущий поэт Хуан Цзинжэнь, ставший уникальным явлением в литературных кругах второй половины XVIII в. В его поэзии особенно отчетливо проявляются его необычная личность и творческие способности. Близкий друг Хуана Ван Чжун (汪中, 1745–1794), известный ученый и поэт, говорил, что Хуан — единственный из современников, кто может писать стихи, достойные поэзии эпох Тан, Хань, Вэй и эпохи Шести династий. Хотя идеи Хуана, само его творчество были во многом схожи с теорией *синлин* (性靈), которую создал другой известный литератор XVIII в. Юань Мэй (袁枚, 1716–1797), однако он не был ее верным сторонником. Можно даже сказать, что ему вообще была неинтересна борьба разных течений. Хуан Цзинжэнь в своем творчестве использовал многовековую поэтическую традицию, выбирая из нее все самое лучшее, обобщая и соединяя воедино. В его поэзии нашло отражение поэтическое наследие разных династий (не только самой знаменитой в истории поэзии династии Тан). Хуан стоит особняком, не присоединяясь ни к одной из наиболее популярных школ и течений. Несмотря на дружбу с основателями двух поэтических школ, он, тем не менее, не относил себя ни к одной.

В истории развития цинской поэзии Хуан Цзинжэнь занимает особое место. Его свободная манера сочинения стихов и легкость стиля, яркость образов и особая выразительность делали его заметной фигурой на поэтической арене того времени. Однако при жизни поэта не было напечатано ни одного сборника его стихотворений. Известное ныне собрание его стихотворений в жанрах *ши* и *цы* прошло долгий путь, прежде чем приняло окончательный и законченный вид.

Когда Хуану было 26 лет, он вместе со своим другом Хун Лянцзи ездил в Чанша на могилу к своему учителю Шао Цитао. Хун Лянцзи так описывал то путешествие: «Господин Хуан сам понимал, что жизнь его будет недолгой, мы с ним вместе отправились в Чанша на могилу Шао Цитао, чтобы помянуть его. Под утро мы поднялись на гору Юйшань в монастырь Чжунъюнсы. На севере и находилась могила Шао. Долго в печали стояли мы там. Потом Хуан Цзинжэнь сказал: “Умер тот, кто понимал меня. Если вдруг я умру раньше тебя, составишь ли ты сборник моих стихов, как [Ван Тайюэ составил сборник произведений г-на Шао] «Юйчжитан»? «Юйчжитан» — название собрания сочинений и стихов господина Шао, составленного Ван Тайюэ. Мне, Лянцзи, не понравились такие слова, я не ответил на его просьбу. Тогда Хуан Цзинжэнь начал в храме сжигать благовония перед статуями богов, требуя от меня согласия, иначе он не прекратил бы” [1, с. 5].

Позднее, после смерти Хуана, Хун Лянцзи написал письмо сановнику Би Юаню (畢沅, 1730–1797), одному из последних покровителей Хуана, с просьбой помочь в составлении сборника стихов умершего друга: «Вы при жизни Хуана помогли ему получить небольшую должность, а после смерти заботитесь о его престарелой матери. Вы

также сказали добродетельные слова — о том, что надо издать оставшиеся от Хуана стихи. Вы помогали ему, простому ученому мужу. Все, кто слышат об этом, глубоко тронуты, но еще более тронуты те, кому вы помогли. Надеюсь, что его странствующий дух в Дай¹ почувствует вашу милость и оглянется на запад... В будущем люди будут говорить о ваших добродетелях, о том, как вы помогали потомкам [Хуана], Вы повлияете на нравы общества, и это достойно восхищения. Я посылаю Вам 4 тома стихов и юэфу Хуана. Мы были с ним друзьями всю жизнь, но мнения у нас не всегда совпадали. Хуан часто говорил мне в шутку: “Если я умру раньше, ты отредактируешь мои сочинения по своему вкусу, точно сделаешь не так, как я стремился”. Как подумаю о его словах, лью слезы. Поэтому сейчас не смею ничего править, запечатал и посылаю вам. Надеюсь, что Вы вместе с лянъиши Шу’анем² и шиду Дунъю³ отредактируете их. Его произведения стоят того, чтоб передать их потомкам, ведь если сравнить с произведениями древних, то он все равно останется великим. То, что я вам посылаю, написано его рукой, и второго экземпляра не существует. Надеюсь, что после издания сборника вы передадите рукопись сыну Хуана на память об отце. Я 19-го числа прибыл в Тунгуань, пишу, сидя на лошади, на этом и заканчиваю» [2, с. 421–422]. Би Юань действительно включил в отредактированный им «Сборник произведений образованных людей из Ухуэя»⁴ (吳會英才集 *У хуэй ин цай цзи*) 141 стихотворение Хуан Цзинжэня, после чего передал рукопись сыну Хуана — Ишэну (黃乙生, 1771–1822).

Зимой того же года Вэн Фанган (翁方綱, 1733–1818) — сановник, литератор, каллиграф — отредактировал и издал стихи, оставшиеся от Хуана, под названием «Собрание стихов “Жалею оставшиеся стихи”» (悔存詩鈔 *Хуэй цунь ши чао*). В этом сборнике было 8 цзюаней, включавших в себя примерно 500 стихов. В предисловии Вэн писал: «Хуан был от рождения благороден, а в своем стремлении учиться он полностью почувствовал труды древних, в конце жизни он вернулся к серьезности, ушел от легкомысленности. Поэтому его стихи достигли небывалых высот, они обладают своим стилем, а не копируют уже имеющееся. Но и среди его стихов есть такие, в которых он воспекает легкомысленное поведение, попойки, женщин, и пишет про свою такую жизнь, но это не в его характере... Его стихи все-таки глубокие по содержанию и легкие по форме, они звучат будто музыкальные инструменты. Выберите наугад два-три его стиха, они будут о природе, заставят плакать даже духов. Зачем же читать все 500 стихов? Поэтому я с крайней осторожностью сокращал и урезал, не осмеливаясь показать его пьяницей и сумасшедшим, а наоборот, я хочу навсегда поставить его истинный, добродетельный облик. Так, горы и реки будут чувствовать, что поэт еще жив. Я не хочу, чтоб все думали, что он только изливал свои печали в стихах» [3, с. 119].

В период особенно сильной душевной тоски 1782 г. поэт погружался с головой в распутную жизнь, пирушки, что не могло не найти отражение в его стихах. Но именно эти стихи не дошли до нас. Существует мнение, что именно Вэн Фанган несет ответственность за их исчезновение.

¹ Дай — горы Тайшань в Шаньдуне.

² Шу’ань — второе имя-хао Ван Чана (王昶, 1725–1806), государственного мужа, покровителя Хуан Цзинжэня и составителя одного из посмертных сборников. Ван Чан считал Хуана великим поэтом, равного которому не было со времен Тан и Сун.

³ Дунъю — второе имя-хао Янь Чанмина (嚴長明, 1731–1787), поэта, который как и Хуан был под покровительством Би Юаня, а позднее преподавал в Академии Луцзян.

⁴ Район Цзянсу, Сучжоу.

Через три года после смерти Хуана его друг Цзо Синчжуан (左杏莊), хунаньский генерал-губернатор, писал в письме к Чжан Цаньфу (張榮夫, родом из Шуньдэ, служил в должности редактора *бяньсю*) о том, что надо найти еще денег на издание стихов Хуана.

Спустя еще три года опять был поднят вопрос об издании сборника стихов Хуана. В 1789 г. Лю Дагуань (劉大觀, 1753–1834), известный литератор из Цюсяня, познакомился с другом Хуана Ши Сюэфанем. Он прочитал десять с небольшим стихотворений, которые ему очень понравились, после чего у него появилась мысль издать их. Однако прошло целых семь лет прежде чем эта идея начала реализовываться. В 1796 г. Лю Дагуань получил от Вэн Фангана собранные им 8 цзюаней и начал их издавать.

В 1799 г. Чжао Сихуан (趙希璜, 1746–?) из Чаннина (провинция Гуандун), не забывший старого друга, начал печатать все стихи Хуана в Аньяне (安陽). Он назвал сборник по имени жилища Хуана — «Домик Ляндан» (*Ляндансюань*, 兩當軒). В нем было 14 цзюаней, включавших в себя 817 стихов, предисловие к нему написал У Вэйгуан⁵ (吳蔚光, 1743–1803).

В пятом месяце 1802 г. У Вэйгуан в пояснении к сборнику Хуана «Цы Бамбуковый сон» (竹眠詞 *Чжу мянь цы*) писал: «Цы, написанные Хуаном в период жизни в столице, неизвестно кем были унесены, я сейчас пытаюсь вспомнить, кем. Также я собираю у его друзей все, что осталось, собрал почти все. Чжао Вэйчуань⁶ опубликовал сборник “Ляндансюань” и хотел опубликовать и эту часть, но безрезультатно. В прошлом году осенью я получил письмо от Ян Лишана⁷ из Шу⁸, он подсказал попросить у сына Чжунцзэ⁹. Сын Хуана передал мне их через Хун Лянцзи, я попросил сделать копию, а потом оригинал доставил Ян Лишану» [3, с. 148]. Таким образом, сборник *цы* не вошел в издание Чжао Сихуана.

Через год, в 1803 г., сановник и литератор Ван Чан, бывший большим поклонником таланта Хуан Цзинжэня, опубликовал стихи Хуана в «Собрании сочинений в жанре *цы* Цинской династии» (國朝詞綜 *Го чао цы цзун*) и в сборнике «Стихи в жанре *ши* и биографии со всего света» (湖海詩傳 *Ху хай ши чжуань*). В предисловии ко второму сборнику Ван Чан писал: «Не существует полного собрания сочинений [Хуана], я послал человека в Пучжоу¹⁰ переписать все его стихи, теперь все собрано мной полностью. Я безостановочно читал их, они похожи на печальный крик обезьяны при луне или на крик одинокого гуся во время первого инея. Произведения его разные по стилю, и хотя те, кто очень любит его стихи, и издали их, однако не отредактировали их как следует. Я же всё внимательно отобрал, но опубликовал все-таки все сохранившиеся стихи, чтоб потом любители его поэзии сами решили, какие им нравятся» [3, с. 113]. Как видно, позиция Ван Чана была более мягкой, чем у Вэн Фангана, который решал за читателей, что им следует читать, а что нет, и по этой причине вырезал из сборника те стихи, которые не соответствовали его представлению о том, какой должна быть поэзия. Ван Чан же полагал, что читатель сам разберется, главное — предоставить ему выбор.

⁵ Поэт, друг Юань Мэя.

⁶ Вэйчуань (渭川) — имя-цзы Чжао Сихуана.

⁷ Ян Куй (楊揆, второе имя-хао — Лишан 荔裳, 1760–1804) — друг Хуан Цзинжэня.

⁸ Сычуань.

⁹ Сын Чжунцзэ — Хуан Ишэн (黃乙生, 1771–1822), цзы — Сяочжун (小仲).

¹⁰ Находится в провинции Шэньси недалеко от Юньчэна, где скончался Хуан Цзинжэнь.

В 1817 г. Чжэн Бинвэнь (鄭炳文) из Хоугуаня заново отредактировал сборник, изданный Чжао Сихуаном в 1799 г. Новый сборник назывался «Собрание стихов *ши* и *цы* Ляндансюань» (兩當軒詩鈔詞鈔 *Ляндансюань ши чао цы чао*), в него вошли 854 стиха в жанре *ши* и 79 в жанре *цы*. Всего 16 цзюаней. А через пять лет У Сю (吳修, 1764–1827), известный художник из Хайяня (海鹽), решил снова переиздать «Ляндансюань». Он передал в печать сборник, но до выхода сборника не дожид — когда тот был напечатан наполовину, У Сю умер.

В 1834 г. Сюй Юйбинь (許玉彬, 1808–1860) из Фаньюй (番禺) еще раз издал 14 цзюаней сборника стихов в редакции Чжао Сихуана, а также в соответствии с тем, что отобрал Ян Лишан, напечатал 2 цзюаня «Цы Бамбуковый сон» (竹眠詞 *Чжу мянь цы*).

Цзян Гуансюй (蔣光煦, 1813–1860) из Хайчана (海昌), известный тем, что собирал древние и редкие книги, в 1837 г. продолжил издание «Сборника Ляндансюань», приостановленное в 1827 г. из-за смерти У Сю. В предисловии он написал:

Господин У Сытин¹¹ (吳思亭) из Хайяня был дружен с сыном господина [Хуана] — Сяо Чжуном, от него он получил все рукописи его отца, которые составили 16 цзюаней, но их успели издать только наполовину, после чего господин У умер. Нынешней осенью его сын Сяотин (小亭) собрался ехать в Гуандун, он печалился о том, что рукопись не издана до конца, и поэтому отдал ее мне. Не прошло и месяца, как в доме господина У случился пожар, и все его книги сгорели дотла. Но, благодаря тому, что У Сяотин отдал рукописи [Хуан Цзинжэня] мне, они избежали этой участи [2, с. 84].

В 1858 г. внук Хуана Чжишу (志述, 1819–1858) переиздал оригинал «Полного собрания Ляндансюань» (兩當軒全集 *Ляндансюань цюань цзи*). К ним прилагались 2 цзюаня исследования разночтений самого Чжишу. В послесловии Чжишу писал:

Я получил 15 цзюаней *ши* и 3 цзюаня *цы* своего умершего деда. Все они были написаны до года *синьчоу*¹² во время правления Цяньлуна. К ним прибавил 27 стихотворений из книги У Сытина. Еще Чжао Вэйчуань¹³ добавил три стихотворения. Они составили 16-й цзюань и также датировались не позднее первого месяца года *жэньинь*¹⁴, а стихов последнего года жизни не сохранилось. Сохранилось два цзюаня стихов года *синьчоу*, когда Хуан ездил в Тайюань и земли Цинь¹⁵, об этом упоминается и в некрологе У Сюйгу¹⁶. Других стихов того времени не сохранилось. Я помню, как учитель Ли Шэньци¹⁷ передал мне экземпляр, отпечатанный господином Сюй¹⁸ из Фаньюй, и сказал: «К сожалению, стремление Хуана писать стихи было огромным, но сохранилось лишь то, что было у других. То, что он сочинял в последние годы жизни, было не похоже на то, что он создавал раньше, поэтому многое было вырезано. Стихи Хуана в прошлом были прекрасны, словно яшма. Как же нам собрать то, что было утрачено, и сделать полное собрание сочинений?» Тогда я не спросил, где же он видел эти стихи, а потом в магазине приобрел первую рукопись

¹¹ Сытин — второе имя-хао У Сю.

¹² 1781 г.

¹³ Чжао Сихуан.

¹⁴ 1782 г.

¹⁵ Провинция Шэньси.

¹⁶ У И (武億, 1744–1799), цзы — Сюйгу (虛谷).

¹⁷ Ли Чжаоло (李兆洛, 1769–1841), имя-цзы — Шэньци 申耆, — цинский ученый и литератор, один из представителей школы Янху (陽湖派). Сын Ли Чжаоло был учеником сына Хуан Чжунцэ — Хуан Ишэна, но в няньпу Ли Чжаоло этот факт не отражен. Однако сохранилось письмо от Ли Чжаоло к Хуан Ишэну, из которого видно, что так оно и было. А сам Чжишу учился у Ли Чжаоло.

¹⁸ Сюй Юйбинь.

стихов, написанных между годами *жэньчэнь*¹⁹ и *цзяу*²⁰. В десятом месяце прошлого года я сверил стихи этого сборника и тщательно напечатал все, что ранее не было напечатано, туда же поместил и найденное Цзи Сунъюнем²¹, Чжоу Чуньчжи (周淳之), У Цзиншу (吳敬叔) — после стихов. В восьмом месяце этого года печать сборника была завершена. И тут господин Чжуан Чжу'ань (莊竹安) внезапно обнаружил в старом ящике своего дома оригинал 100 стихотворений, написанных в период с года *бинчэнь*²² по год *жэньчэнь*²³. Те произведения, которые добавил господин У, написаны летом года *синьчоу*, они также были среди найденного. Я был очень рад, поспешил отредактировать этот шестнадцатый цзюань. Однако в оригинале было много дыр, проеденных насекомыми, а некоторые места вообще непонятны. Сюй Цзылэн²⁴, Чжуан Диюань (莊滌園), Лу Цзыфэн (陸紫峰), а также Чжоу Таофу (周弢甫) вместе пытались восстановить первоначальный вариант, убрали те стихи, которые повторялись. Таким образом добавилось несколько стихотворений. Потом объединили с тем, что было напечатано ранее. В результате сборник «Ляндансюань» включил в себя 1170 стихов в жанре *ши* и 216 стихов в жанре *цы*. Если бы мой учитель был еще жив, он бы собрал еще больше стихотворений! *Ши* и *цы*, написанные после года *жэньинь*²⁵, Ван Ланьцюань²⁶ называл «Кончик сахарного тростника»²⁷ (蔗梢集 Чжэ шао цзи). О еще двух фу — «Плыву по реке Сянцзян» (浮湘 Фусян) и «Переправляюсь через Хуайхэ» (渡淮 Духуай) и двух цзюанях «Жуулу 如無錄» говорили люди предыдущих поколений, но я не знаю, когда смогу найти их и опубликовать полностью [2, с. 87].

Чжишу умер в 1861 г., спустя 15 лет после его смерти, в 1876 г., его жена госпожа У (1820–?) заново издала «Ляндансюань». В этом издании были напечатаны автобиография Хуан Чжунцзэ, портрет Хуана с надписью Сюй Тинхуа и предисловие Ван Фана²⁸. Состоял сборник из 22 цзюаней поэзии, двух цзюаней исследования расхождений в тексте и 4 цзюаней дополнений.

Наиболее полной версией сборника на сегодняшний день является собрание «Ляндансюань цзи» (兩當選集) [4], изданное в 1983 г. «Шанхайским издательством древней литературы» к двухсотлетней годовщине со дня смерти Хуан Чжунцзэ и отредактированный Ли Гочжаном. В нем собраны стихи Хуана, написанные начиная с 28 года правления Цяньлуна (1763) и до самой смерти в 48 году правления Цяньлуна (1783). Всего 1181 стихотворений. Данная версия состоит из 22 цзюаней стихотворений, отдельных восьми произведений, пропущенных в издании госпожи У, и трех утраченных и позднее обнаруженных стиха. Кроме того, сюда же вошли стихи, посвященные самому поэту.

¹⁹ 1772 г.

²⁰ 1774 г.

²¹ Цзи Сичоу (季錫疇, 1791–1862), цзы — Сунъюнь (松耘), помогал в составлении хронобиографии Хуан Цзинжэня.

²² 1736 г.

²³ 1772 г.

²⁴ Сюй Тинхуа (徐廷華, 1797 — ?), имя-цзы — Цзылэн (子楞).

²⁵ 1782 г.

²⁶ Ланьцюань — второе имя-хэо Ван Чана (王昶, 1725–1806).

²⁷ Кончик сахарного тростника — самая вкусная часть сахарного тростника. Зд.: самое лучшее, квин-тэссенция.

²⁸ Ван Фан (王昉, 1799–1877), уроженец уезда Янху, писал стихи в жанре *ши*, увлекался каллиграфией и живописью.

Литература

1. Хун Лянцзи. Хуанцзюнь син чжуан // Хуан Чжунцзэ яньцзю цзыляо (Посмертная биография господина Хуана. Материалы исследований, посвященных Хуан Чжунцзэ). Шанхайское издательство древней литературы, 1986. С. 4–7.
2. Цин вэнь гуань чжи (Шедевры цинской литературы). Чанша, 1991. 514 с.
3. Хуан Чжунцзэ яньцзю цзыляо (Материалы исследований, посвященных Хуан Чжунцзэ). Шанхайское издательство древней литературы, 1986. 624 с.
4. Ляндансюань цзи (Собрание «Домик Ляндан»). Шанхайское издательство древней литературы, 1998. 688 с.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

Л. А. Стрельцова

НЕПАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ «ТРЕТЬЕГО ИЗМЕРЕНИЯ»

В данной статье речь пойдет о «Третьем измерении» — уникальном явлении, возникшем в непальской литературе в начале 60-х годов XX в.

В 1963 г. в Даржилинге вышел в свет первый выпуск небольшого журнала под названием «Tesro Ayam», «Третье измерение». Журнал выпускался под редакцией Тилви-крама Нембанга (р. 1937), творческий псевдоним — Баираги Каинла, и в нем публиковались стихотворения самого Каинлы, его коллеги Ишвара Баллава (1939–2008), а также рассказы Индры Бахадура Рая (р. 1927). Баираги Каинла и Ишвар Баллав родились и получили образование в Непале, но позднее переехали в Индию, Индра Бахадур Рай же родом из Даржилинга. На сегодняшний день эти писатели получили большое признание как в Индии (Индра Бахадур Рай — первый лауреат премии Литературной Академии Индии за произведение на непальском языке «Основные принципы непальских романов»), так и в Непале (Баираги Каинла — ректор Непальской Академии). Журнал выпускался небольшим тиражом, однако оказал огромное влияние на дальнейшее развитие непальской литературы как в Индии, так и в Непале.

В чем же его особенность? Дело в том, что именно в этом журнале группа непальских писателей впервые предприняла попытку сформулировать теоретическую базу, главным предметом рассмотрения в которой были проблемы соотносительности литературы с реальной жизнью и творческой индивидуальности писателя, а также необходимость выработки для новой непальской литературы новой эстетики. Можно с некоторыми оговорками утверждать, что литература, которая создавалась писателями этого художественного направления, была первой осознанной и продуманной попыткой создания произведений в русле модернизма.

Это объясняется рядом факторов. Процесс «модернизации» в литературе связан с процессом модернизации в целом: Непал в первой половине XX в. значительно отставал в своем экономическом развитии; страна находилась в сложной политической ситуации — только в 50-е годы был преодолен период практически полной изоляции страны — был свергнут режим Рана. Ряд критиков отмечает, что литераторы данного направления в первую очередь заимствовали формальную сторону модернизма, его художественные приемы, что привело к излишнему усложнению поэтических образов и сделало их крайне трудными для понимания. Первым модернистом по духу, если можно так выразиться, многие склонны считать Мохана Коиралу [1, р. 277].

Почему же журнал, а за ним и само литературное направление получили название «Третье измерение»? Баираги Каинла в своих редакторских статьях писал, что непальские поэты старшего поколения создавали плоскую, двухмерную поэзию, которая уже не могла удовлетворить интеллектуальных потребностей современного читателя. Поэтому целью новых поэтов было придать своим стихотворениям глубину, добавить еще одно, третье измерение, для того чтобы максимально полно отобразить жизнь.

Стрельцова Лилия Александровна — аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: liliboridko@gmail.com

Для этого необходимо выйти за границы изобразительных средств традиционной поэзии, принять новые концепции языка и стиля.

В творчестве представителей «Третьего измерения» стоит выделить ряд отличительных черт. Поэты отказываются от классических непальских размеров, пришедших из санскритской поэзии, они не обращаются и к традиционным фольклорным формам, как это делал их предшественник Лакшмипрасад Девкота, создавший в виде народной песни джхьяуре поэму «Муна Мадан», также отказываются от рифмы. Строки и строфы в стихотворениях становятся разной длины. Пунктуация практически отсутствует: в стихотворениях авторами почти не употребляются данды или запятые в конце строф, встречаются восклицательные знаки после междометий или риторических вопросов.

Поэты декларируют свой отказ от традиционных аллегорий, метафор и символов. Однако подобные декларации не всегда соответствуют действительности. Полного разрыва с традицией не происходит, продолжается использование традиционного поэтического словаря. По-прежнему актуальны образы индийской индуистской мифологии, однако они зачастую несут иную смысловую нагрузку.

Ишвар Баллав, например, в стихотворении «На краю одного города» обращается к образу легендарного царя Бали, славившегося своей щедростью, которая его же и погубила. По легенде Бали благодаря своему благочестию добился власти над тремя мирами. Однако Вишну принял образ карлика и попросил у царя столько земли, сколько он сможет отмерить тремя шагами. Первым шагом Вишну охватил землю, вторым — небо и оставил Бали во владение только подземный мир [2, с. 92]. Поэт использует этот образ для того, чтобы показать, что альтруизм не спасет людей от страшной пропасти бесчеловечности и смерти [3, с. 153]. Каинла в своем стихотворении «Гора» сравнивает лирического героя с Кумбхакараной — персонажем эпоса «Рамаяна». Кумбхакарана был братом Раваны и из-за проклятия большую часть своей жизни проводил во сне [2, с. 156]. Это сравнение введено для того, чтобы подчеркнуть ключевой мотив в стихотворении, подъем лирического героя во сне в гору.

В стихотворении «Разговор пьяного человека с улицей» Каинла обращается к мифу о сошествии Ганги на землю. Он сравнивает предков лирического героя с 60 тысячами проклятых сыновей царя Сагара, а самого героя — с Бхагиратхом, который подвижничеством добился того, чтобы Ганга сошла на землю и ее священные воды смыли это проклятие [2, с. 283–292]. Однако, как ясно из заглавия стихотворения, лирический герой — пьяный человек, и священные воды Ганги превращаются в вино, которое он льет на землю улиц. Здесь может быть обнаружено сразу несколько смысловых пластов. Первый пласт — это «винные мотивы», получившие широкое распространение в литературе Индии после знакомства с творчеством Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1122) в переводах Эдварда Фитцджеральда (1809–1883). «Опьянение» в поэзии чхаявада хинди — это мистическое состояние, в котором человек соприкасается с трансцендентным началом, с Всевышним. Так и лирический герой Каинлы, «когда наполнит грудь вином», начинает думать, что в него «вошло величие», что он не может «поместиться на этой узкой улице». Опьяненный человек ощущает себя практически богоравным, его «пропитанные алкоголем вздохи становятся подобными урагану», и ему становится тесно на узких улицах города, среди ограничений и запретов. Вино, которое он «бутылкой» выливает на улицу, чтобы омыть грехи предков, — это своеобразная аллегория свободы, столь необходимой его стране. Здесь возникает и второй смысловой пласт,

о котором пишут непальские критики: пьяный человек — это символ современного Каинле прогрессивного интеллигента, и свобода, к которой он стремится, — это свобода создания новой жизни и установления новых идеалов [4, p. 101]. О консерватизме и отсталости непальского общества, от которых «страдает» лирический герой стихотворения «Разговор пьяного человека с улицей», говорят следующие строки:

Придерживайтесь левого края,
Да, мы должны придерживаться края,
Но людям следует ходить по всей улице [5].

Следует пояснить эти строки: во времена правления династии Рана деление на касты в Непале было настолько жестким, что предписывалось, по какой стороне улицы следует ходить представителям разных каст. За соблюдением данного условия следила полиция Катманду [4, p. 101].

Баираги Каинла обращается не только к мифам, имеющим хождение на всей территории индийского субконтинента, но и к буддийским преданиям, и к фольклору народности киратов (в которую входит племя лимбу, откуда поэт сам родом). В стихотворении «Люди, наполняющие базар» лирический герой сравнивается с Манджушри, буддийским бодхисатвой. Согласно «Сваямбху пуране» на месте долины Катманду когда-то было озеро, и Манджушри увидел в его центре лотос. Он взял меч и прорубил отверстие в самом узком месте озера, в Чобаре, так что вода вытекла, на месте лотоса возникла ступа Сваямбхунатх (санскр. *svayambhu* — самосущий), а долину населили люди [6, p. 23]. В стихотворении же долина хоть уже и населена людьми, но предстает в виде «озера пустоты». Жизнь ее обитателей пуста, а лирический герой хочет избавить людей от этой пустоты, вернуть им смысл жизни. Это стремление подтверждается и в других строках образами, взятыми из индийского эпоса «Махабхарата»:

Надо искать предлог и поражать
Этих заполняющих базар людей
Ударами Гиты,
Зажигая в глазах каждого звезду Арджуны! [1, p. 291]

Бхагавадгита — это религиозная проповедь Кришны, которую тот прочитал перед началом битвы на Курукшетре своему вознице Арджуне, раскрывая в ней природу «дхармы», религиозно-философского понятия «долга».

В стихотворении «Бесплодный праздник шабаша с претензией на существование» лирический герой обращается к воображаемой собеседнице:

Тигенаджона!
Выращенные на бронзовой тарелке деревья предсказания
Что говорят? О противоборстве человека и тигра?
Запах полыни, не достигнув неба, падает,ломавшись [1, p. 298].

У киратов есть легенда о женщине Тигенаджоне, у которой было два сына: Кесами (тигр) и Намсами (человек). Братья постоянно ссорились. Кесами обманывал своего брата и отбирал у него добытое на охоте, а также грозился съесть его самого. Мать, узнав об этом, очень разозлилась и подсказала Намсами, что на следующей охоте он может убить своего брата, выпустив стрелу. Тигенаджона ожидала исхода борьбы между братьями, глядя на цветы секмари и ондон. Если завянет секмари, то погибнет Намсами, если ондон — Кесами. В результате борьбы человек убил тигра [1, p. 303].

В этом стихотворении тесно переплетаются не только образы из традиционных индийских и непальских легенд и преданий, но и образы из западной традиции. «Праздник шабаша», о котором говорится в заглавии, связан с европейским культом Диониса. Но в стихотворении он переносится на «непальскую почву», и возникает образ женщины-пуджарини, которая и проводит этот праздник-жертвоприношение и к которой обращается лирический герой:

Пуджарини!

Почему дробится пламя ямы для священного огня? [1, р. 298]

...

Пуджарини! Приняв облик, смотри!

Снова пурохиты и лорды принесли в жертву части духов гестапо

В водоеме ночного клуба и глиняных ванн принесли в жертву проститутку

В жертву Дионису,

Что, они снова обманули историю? [1, р. 299]

Наряду с этими образами встречаются и другие, из разных культур и эпох: Мадам де Монтеспан (фаворитка Людовика XIV), Дионис, Гильгамеш (герой шумерского эпоса), мраморная Венера, — а также отсылки к страшным событиям современной истории: газовые камеры, Хиросима. Все эти образы создают очень плотный, насыщенный смыслами текст, который становится своего рода космополитичным, но при этом чрезвычайно усложненным для понимания.

Образы из западной мифологии встречаются и в других произведениях Ишвара Баллава и Баираги Каинлы. Так, в стихотворении «На краю одного города» Ишвар Баллав обращается к образам Титанов: «Он Титан/ Я Титан/ Все Титаны/ Но Тартар для всех», и к образу Сизифа: «Сколько раз мне тащить/ До вершины камни» [3, с. 154]. В стихотворении Каинлы «Люди, заполняющие базар» лирический герой сравнивается с Прометеем, стремящимся нести свет миру, для того чтобы пробудить обычных людей от их угнетенного состояния:

На плечо посадив орла, должен я вырвать сердце,

Но в лишенном естественного чувства горя

Кулаке Прометей,

В складках сморщенной кожи

Во мне

Заключено

Уже подавленное восстание! [1, р. 288]

Основываясь на приведенных примерах, можно предположить, что поэты «Третьего измерения» в своих произведениях обращались к «мифологическому методу», разработанному англоязычными писателями-модернистами. Об этом методе в связи с романом Д. Джойса в эссе «“Улисс”, порядок и миф» пишет Т. С. Элиот: «Используя миф, постоянно выдерживая параллель между современностью и античностью, Джойс прибегает к методу, которым следовало бы воспользоваться и другим... Это способ взять под контроль, — упорядочить, придать форму и значение необозримой панораме пустоты и анархии, каковой является современная история» [7, с. 254]. Использование мифологических параллелей позволяет авторам-модернистам (как западным, так и непальским) придать своим произведениям универсальное звучание, показать человеческое бытие в контексте вечности.

Поэты «Третьего измерения» обращаются и к другим идеям и теориям, выдвинутым английскими поэтами-эксперименталистами, в частности теории «деперсональной поэзии» и «объективного коррелята» Т. С. Элиота. Доктрина «объективного коррелята» заключается в том, что особое сочетание предметов, ситуаций, цепь событий вызывает определенную эмоцию. Эта доктрина близка по своей сути к традиционной индийской концепции «расы», согласно которой читатель (если речь идет о литературном произведении) испытывает эстетическое переживание, возникающее в результате изображения в произведении реальных объектов, имеющих отношение к определенной эмоции. Для того чтобы добиться такого эстетического эффекта, поэту необходимо использовать стилистические фигуры в определенных сочетаниях. «Деперсональная» теория Элиота направлена на преодоление «личного» мышления в поэзии. Поэзия для него как форма общности людей является выражением «внеличностного» смысла [8, с. 87]. Но это не означает, что в поэзии универсальное должно подавлять частное, а социальное нивелировать индивидуальное. «Мы» в поэзии следует понимать как всечеловеческую общность, и поэтому оказывается, что настоящая поэзия всегда деперсональна, поскольку она «обращается к универсальным образам и мыслям, которые равноценны для всего человечества» [9, с. 68].

Опираясь на разработанные Элиотом концепции, поэты «Третьего измерения» стремились непредвзято показывать чувства, эмоции или ощущения непосредственно в момент их возникновения, чтобы на описание не влияла индивидуальная, авторская позиция. Для них было важно сосредоточиться на самом ощущении, быть максимально объективными в его изображении. Они стремились передать заключенную в мгновении полноту бытия, нераздробленность и неразрывность жизни [1, с. 278]. Подобный постулат взаимодействует с другими темами их творчества: недовольством существующим положением дел в их национальном окружении; ростом индивидуалистических тенденций; изменением традиционного уклада на новый, основанный на капиталистических отношениях; дегармонизацией общества. Поэты стремятся передать смятение своих соотечественников, а также показать прогрессирующий процесс отчуждения во всем мире [3, р. 165]. Эти темы, в целом характерные для литературы, создаваемой в русле модернистского направления, в творчестве непальских поэтов получают совершенно особое воплощение. Поэты стремятся, как говорилось выше, к отображению полноты жизни, но при этом социум, окружающий их, разобщен. В результате в такого рода поэзии возникает оппозиция «целостность — раздробленность». Традиционно для обитателей индийского субконтинента понятие «целостности», неделимости несет положительную окраску. В философской системе адвайта-веданты, разработанной Шанкарой, принята концепция Атмана и Брахмана. Атман — единое, чистое сознание, «наше собственное Сам и вместе с тем Сам всего мира» [10, с. 19]. Атман — то единственное, что субстанционально равно Брахману, та искра «Великого Разума», «Мировой Энергии», которая заключена в человеке и осуществляет его связь с космосом, свидетельствуя о единстве всего сущего [10, с. 19]. Атман — единая, неделимая, вездесущая субстанция, как и Брахман. Атман — абсолютный субъект, который не может стать объектом дуалистического опыта, Брахман — абсолютный объект. Атман — субстрат нашего сознания, Брахман — субстрат бытия мира. «В опыте сверхрационального личного постижения оказывается, что Атман тождественен Брахману, безличному единому, бескачественному и ускользающему от положительных определений и всякого описания началу всего сущего. Таким образом, абсолютный субъект есть абсолютный объект, и это и есть единственная реальность» [11, с. 42].

Людская разобщенность, «разорванность чувств» в стихотворениях Ишвара Баллава и Баираги Каинлы получает буквальное воплощение. Так, в стихотворении «На краю одного города» у Баллава встречаются следующие строки, в которых выражается всеобщая дисгармония:

Бродят глаза, лица, тела, конечности
Разделенные, оторванные
Иногда страшно нелепо сложившись
Двинутся вместе [3, с. 164].

Каинла идет в изображении раздробленности жизни еще дальше:

Испекшийся труп жизни
Падает...
Глаз падает: одна ночь кончается
Другой глаз падает: снова другая ночь кончается
Подошва падает: одной ноги дорога наполняется
Пятерня падает: от земли до неба висит мост
Падает объятие двух рук:
В безграничное пространство
На земле и в истории снова открываются еще одни ворота! [1, с. 283]

Эти строки отсылают читателя снова к индийскому мифу о Сати, жене бога Шивы, которая, не стерпев оскорбления, нанесенного ее отцом мужу, бросилась в жертвенный огонь. Обезумевший от горя Шива долго бродил между тремя мирами с трупом Сати на руках, пока бог Вишну не разрубил ее тело. На земле, куда упали части тела Сати, теперь находятся места паломничества [2, с. 25].

По словам Индры Бахадура Рая, единственного прозаика в этой литературной группе, авторы ставили перед собой цель максимально объективно изобразить человека. Это стремление к объективности приводит к тому, что сам человек в стихотворениях становится объектом, уподобляется вещи. Например, в стихотворении «Люди, заполняющие базар» жители города сравниваются с «пустыми кувшинами». Более того, объекты, т. е. вещи, уподобляются субъектам, наделяются признаками, присущими только людям. Так, в стихотворении «Гора» «спины Гималаев падают, расколовшись, и изрыгают много крови на улицу» [1, с. 282].

Новые цели, которые ставили перед собой писатели, требовали нового подхода к языку. Представители «Третьего измерения» черпали свое вдохновение в живописи. Их язык становится похожим на язык живописи, поскольку они считали, что таким образом лучше всего передается ощущение бытия. Фрагментарность изображаемых картин; использование «крупных мазков», т. е. изображение отдельных объектов, по которым достраивается уже картина в целом; зачастую резкий переход от одной картины к другой; искаженная перспектива — подобные приемы очень схожи с приемами, которыми пользовались художники-кубисты. В качестве примера можно привести несколько строк из стихотворения «Гора»:

Сталкиваясь со стенами неба разбивается
Гром эха —
Над хижинами бегущего поезда, над главной улицей!

Осколками зеркала внутри капель крови собраны
Смятые вагоны

Мгновения жизни —
Над рельсами сломанного поезда [1, с. 282].

Подводя итоги, можно сказать, что авторы литературного направления «Третье измерение» были безусловными новаторами на непальской литературной сцене того времени. Они заимствовали из западной, преимущественно англоязычной, литературы ряд модернистских приемов, таких как обращение к свободному стиху, к теориям «объективного коррелята» и «деперсональной поэзии»; «мифологический метод», обращение к языку живописи. Несмотря на декларируемый отход от традиционной эстетики и поэтического словаря, этого не происходит окончательно, старые образы по-прежнему активно употребляются, однако наделяются новыми значениями. Подобное сочетание модернистских техник с вечно живой литературной традицией, а также насыщение отсылками к западной культурной традиции приводят к тому, что поэтические произведения поэтов «Третьего измерения» становятся чрезвычайно сложными для восприятия непальским читателем. Журнал «Третье измерение» выходил на территории Индии, однако был ориентирован не только на непальцев индийского происхождения, но и на жителей собственно Королевства Непал. Однако если к 50-м годам Индия уже активно развивалась как в экономическом, так и в культурном плане, то Непал только-только начал преодолевать последствия политической изоляции страны и во многом продолжал оставаться отстающей страной, где преобладал традиционный уклад жизни. Поэтому можно предположить, что для большинства читателей в Непале образы, заимствованные из западной культуры, были незнакомыми и не вызвали отклика, оставаясь интересными лишь ограниченному кругу людей.

Литература

1. *Tripathi V., Nyopane D., Suvedi K.* Nepali kavita. Bhag 4. Lalitpur, 2008. 303 p.
2. Темкин Э., Эрман В. Мифы Древней Индии. М., 2002. 624 с.
3. Аганина Л. А. Характер функционирования традиции в современной непальской поэзии // Культура Непала. Традиции и современность. СПб.: Алетейя, 2001. С. 130–172.
4. *Hutt M. J.* Himalayan voices: an introduction to modern Nepali literature. University of California Press, Berkeley, 1991. 335 p.
5. *Bairagi Kainla.* Mateko Manchheko Bhashan: Madhyarat Pachhiko Sadak Sita // URL <http://sanjaal.com/nepalipoems/5398/bairagi-kainla/bairagi-kainla-mateko-manchheko-bhashan-madhyarat-pachhiko-sadak-sita/> (дата обращения: 6.08.2012).
6. *Genendra Man Amatya.* Religious life in Nepal. Part one. Kathmandu, 1998. 248 p.
7. Гарин И. И. Век Джойса. М., 2002. 848 с.
8. Элиот Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. Киев, 1996. 350 с.
9. Сенкевич А. Н. Общество. Культура. Поэзия. М., 1989. 229 с.
10. Вишневская Н. А. «Чхаявад». М., 1988. 139 с.
11. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. М., 1996. 576 с.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

А. А. Туранская

БУРЯТСКОЕ ИЗДАНИЕ ИЗБРАННЫХ ПЕСНОПЕНИЙ МИЛАРЭПЫ (1040–1123)

Сочинения, описывающие деяния и песнопения (тиб. *mgur*)¹ тибетского йогина Миларэпы (тиб. *Mi la ras pa*), получили широкое распространение в Монголии и Бурятии, оказав существенное влияние на формирование средневековой монголоязычной литературы, в первую очередь на развитие агиографии и поэзии.

В фонде ИВР РАН хранится несколько экземпляров сочинения, изданного в Бурятии ксилографическим способом, под названием «Сборник историй из [собраний] песнопений досточтимого святого Миларэпы» (монг. *Getülgegči milarasba boyda-yin mgur-ud-ača kedüi jüil tegüjü bičigsen orosibai:*) [2, № 3901]². Это ксилограф формата бодхи объемом 20 листов. Размер листа — 44,5 × 9 см, размер рамки — 37,7 × 6 см, в рамке располагается 30–31 строка. Сочинение имеет полистную пагинацию на монгольском языке на левой стороне листа. Текст отпечатан черной тушью на плотной русской бумаге со штемпелем «Фабрики наследников Сумкина № 7»³. С большой долей вероятности можно предположить, что ксилограф был издан в конце XIX — начале XX в., поскольку такой штемпель начал использоваться после 1867 г. Помимо десяти дублей данного ксилографа, в фонде ИВР РАН также хранится рукописный вариант этого сочинения, что свидетельствует о его популярности среди бурят [2, № 3902]. Текстологическое сличение показало, что рукопись является списком с ксилографа.

В колофоне сочинения сказано: «...стремясь к тому, чтобы даже эти немногие из великих собраний песнопений распространились и читались повсеместно, а также в качестве напоминания верующим о [необходимости] стремления к добродетелям ради мгновенного достижения чистого пространства будды, где неизвестны страдания плохих рождений, о которых проповедано в этих [историях], [я] объединил собранное и записанное и издал»⁴.

Туранская Анна Александровна — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: turanskaya@mail.ru

¹ Гур — это религиозное песнопение, посвященное духовной реализации. Подробнее см. диссертацию Т. Дж. Эллингтона [1].

² Описание этого издания также представлено в статье Чойджилсурэна [3, с. 10].

³ Описание штемпеля см. в монографии С. А. Клепикова [4, с. 109]. Бумажная фабрика была построена в городе Лальск Вологодской губернии купцом А. С. Сумкиным в 1829 г., а в 1867 г. перешла в собственность его наследников. Фабрика была национализирована в 1918 г. и объединена с бумажной фабрикой Норицына, расположенной неподалеку от Лальска. В конце XIX — начале XX в. изготавливаемая бумага подразделялась на несколько сортов, обозначенных особой нумерацией, помещаемой на штемпеле. По мере увеличения примесей к тряпью и ухудшения качества бумаги номера понижались от второго до девятого. № 7 на штемпеле указывает на довольно низкое качество бумаги, использованной для печати ксилографа.

⁴ [20a]... *mg'ur yeke nom-ud-ača ene tedüi-yi ču ali oron yaĵar nuta-tu elbeg bolun ungsiydaqu aysan bolbau kemen egerejü küseküi selte ba: egün dotor-a nomlaysan mayu ĵayayan-u ĵobalang-ud-i oyta üjel ügei burqan-u ariluysan oron-dur darui kürükü-yin tula nom buyan-dur kiciyekü-yi ken süsüg-ten-dür* [20b] *sanayuly-a duridqal bolqu ču aysan bui ĵa kemen tegüjü bičigsen-i qabsurqaju keb-tür seyilegebei:* [9, cc. 20a–20b].

© А. А. Туранская, 2013

В колофоне отсутствует какая-либо информации о составителе сочинения, месте и времени его издания. В качестве источников для написания текста названы сборники песнопений Миларэпы.

В тексте нет формального деления на главы. Сочинение состоит из восьми историй, посвященных Миларэпе и его проповеди буддийского учения мирянам. Восьмая история является кратким изложением 26-й главы из популярного в Тибете и Монголии сочинения под названием «Собрание песнопений, подробно излагающее намтар досточтимого Миларэпы» (тиб. rJe btsun mi la ras pa'i rnam thar rgyas par phye ba mgur 'bum, монг. Getügegčī milarasba-yin tuyūji delgerenggüi ilyaysan 'bum dayudal kemegdekü orosiba), известного также под кратким названием Гурбум. Это рассказ о встрече в местности Ньишан Гурта тибетского йогина с охотником по имени Гонпо Дордже (тиб. Mon po rdo rje), который впоследствии стал учеником Миларэпы и получил имя Кырарэпа (тиб. gNyi shang 'gur rta ru thugs sras khyi ra ras pa dang mjal ba'i skor ro) [6, с. 416–428].

Гурбум и намтар⁵ Миларэпы, составленные в 1488 г. Цаннён Херукой (тиб. Gtsang smyon he ru ka (1452–1507)), стали «стандартной» версией жизнеописания тибетского поэта в Тибете. Намтар описывает события всей жизни Миларэпы — от момента рождения до ухода в нирвану; Гурбум является своего рода комментарием или дополнением к намтару и содержит песнопения Миларэпы и связанные с ними истории. Гурбум был переведен на монгольский язык известным переводчиком конца XVI — начала XVII в. Ширегету Гуши Цорджи (монг. Širegetü gūši čorji) и впоследствии отредактирован⁶ и издан ксилографическим способом в Пекине в 1756 г. Как сам ксилограф, так и его рукописные копии имели широкое хождение среди монголов⁷.

Рассказ о встрече Миларэпы с охотником Гонпо Дордже является одной из наиболее популярных историй о йогине в Монголии. В Гурбуме эта история описывается в одной из пяти глав, заново переведенных в XVIII в. Существовал также другой текст с описанием этого эпизода под названием «Глава о благозвучной песне охотника Дордже Гомбо» (монг. Garau-a dorji go'mbo'yin {gö'rö}gegčīn-ü ariyu <irayu> ayalu kiged-ün jüil bolai) [14, р. 15–56]. По всей вероятности, этот текст был написан в первой половине XVII в., но, к сожалению, до нас дошли только его фрагменты. Тем не менее даже по этим сохранившимся фрагментам можно сделать вывод о том, что этот текст в значительной степени отличался от соответствующей главы в Гурбуме и истории, изложенной в исследуемом нами бурятском ксилографе.

Первые семь историй, вошедших в состав ксилографа, представляют собой не связанные между собой эпизоды, не вошедшие в Гурбум. В первом эпизоде рассказыва-

⁵ Тиб. rnam thar (сокр. от rnam par thar pa) — соответствует санскр. vimokṣa и буквально означает «полное освобождение от [сансарического бытия]». В Тибете, а позднее в Монголии этот термин стал использоваться в качестве жанрового наименования агиографических сочинений.

⁶ В новую редакцию были включены пять глав, считавшиеся утерянными, которые были заново переведены известным переводчиком XVIII в., учеником джанджа-хутухты Ролби Дордже (тиб. Rol pa'i rdo rje (1717–1786)) — Нгаван Тэнпэлом (тиб. Ngag dbang bstan 'phel (1690 (1700)–1780)).

⁷ Ксилографическое издание Гурбума хранится во многих библиотеках и рукописных фондах мира [2, № 293; 7, Н-1175; 8, № 130; 9, № 147; 10, с. 84; 11, № 223]. Имели хождение среди монголов и бурят рукописные копии сборника [12]. В Монголии также бытовали списки отдельных глав Гурбума, например, «Жизнеописание Гампопы. Намтар подобного солнцу ученика [Миларэпы] Гампопы Дагпо из Гурбума, подробно излагающего жизнеописание досточтимого Миларэпы» (монг. Gambo'ba-yin namtar: getülgegčī milarasba-yin tuyūji delgerenggüi ilyaysan 'bu'm dayulal-ača abču bičlen naran metü šabi sg'ambo'ba otoči baysi-yin namtar:) из Монгольской Государственной библиотеки [13].

ется о том, как Миларэпа спас находящегося при смерти сына приверженца религии Бон Намкха Ванчуга. Отец мальчика уверовал в великого йогина, устроил пир и сделал множество подношений, но Миларэпа отказался от них и, спев песню о бессмысленности мирского имущества и необходимости практиковать буддийское учение, отправился дальше. Вторая история — о том, как Миларэпа отправился просить милостыню. На вопрос мирян, откуда он пришел и куда идет, он исполнил песнопение о необходимости делать подношения и стремиться к практике учения. В третьей рассказывается о том, как Миларэпа, придя к реке в местности Цан, увидел женщин, чистящих рыбу. Миларэпа спел им песню о бессмысленности убийства живых существ и неизбежности плохого перерождения вследствие накопленных недобродетельных поступков. Следующий эпизод — история о том, как Миларэпа, прося подавание, пришел на свадьбу, и миряне попросили его исполнить песню в ответ на их подношения мяса и пива. Миларэпа спел о страданиях, которые люди испытают после смерти. Пятая история — рассказ о том, как Миларэпа пришел в Лхасу и в ответ на насмешки мирян над его бедностью спел песню о бессмысленности материальных вещей и необходимости подобно ему практиковать учение. Далее следует история о том, как Миларэпа пришел за подаванием в дом старухи, которая стала его унижать и оскорблять. На следующий день она заболела и когда была при смерти, Миларэпа излечил ее, спев ей песню о мирских страданиях. В седьмой истории рассказывается о том, как досточтимый Миларэпа проповедал мирянам об адах и страданиях живых существ после смерти.

Нам удалось установить, что эти эпизоды представляют собой сокращенные варианты историй из редкого тибетского сочинения «Шесть ваджрных песнопений досточтимого Миларэпы и некоторые устные истории [о нем]» (тиб. *Rje btsun mi la ras pa'i rdo rje'i mgur drug sogs gsung rgyun thor bu ba 'ga' bzhugs so* [15])⁸. Этот текст был составлен учеником Цаннён Херуки Лхацун Ринчен Намгьялом (тиб. *Lha btsun rin chen rnam rgyal* (1473–1557))⁹. Согласно колофону, сочинение посвящено песнопениям досточтимого Миларэпы, не вошедшим в ксилографические издания намтара и Гурбума Цаннён Херуки, и было издано в монастыре Дакар Тасо¹⁰ в год железа-собаки, что соответствует 1550 г. европейского летоисчисления [18, p. 138].

Это сочинение состоит из 59 эпизодов. В текст бурятского ксилографа из него вошли только семь эпизодов в следующем порядке: 44, 57, 10, 3, 17, 34, 53¹¹. При этом все восемь историй о Миларэпе, включенные в бурятский ксилограф (семь

⁸ Большая часть историй из этого сочинения была переведена и издана Брайном Кутилло [16, 17].

⁹ В распоряжении автора имеется современное факсимильное издание ксилографа [15] тибетского монастыря Таши Лхундуб Чойва (тиб. *Bkra shis lhun grub chos grwa*).

¹⁰ Небольшой монастырь на юго-западе Тибета недалеко от границы с Непалом, построенный Ринчен Намгьялом в том месте, где медитировал Миларэпа.

¹¹ Таблица расположения эпизодов в тексте бурятского ксилографа в тибетском сочинении Лхацун Ринчен Намгьяла и в английском переводе Брайна Кутилло.

№	Бурятский ксилограф	Тибетское сочинение	Английский перевод
1	1b–2b	91a–94b	154–160 [16]
2	2b–3a	120b–122a	30–33 [16]
3	3a–3b	23b–24b	34–36 [16]
4	3b–4b	9b–11b	7–15 [16]
5	4b–7b	27b–33b	130–140 [17]
6	7b–11b	67b–71b	113–9 [17]
7	11b–16b	111a–116a	104–115 [16]

из сочинения Лхацун Ринчен Намгьяла и одна из Гурбума), представляют собой скорее сокращенный пересказ сюжетов, содержащихся в оригинальных тибетских сочинениях. В монгольском тексте повествование сокращено настолько существенно, что читателю, не знакомому с сюжетом, иногда сложно уследить за развитием событий. Так, например, в сочинении Лхацун Ринчен Намгьяла второй сюжет начинается с того, что Миларэпа приходит просить милостыню в местность Дакар Нгонма и видит людей, играющих в кости. По просьбе одного из монахов он исполняет песнопение о вреде азартных игр. Уверовавшие в него миряне спрашивают Миларэпу, откуда тот пришел. В ответ он поет песню о том, что он явился прямо из бардо и о необходимости практиковать буддийское учение. В бурятском ксилографе эта история начинается сразу с вопроса о том, откуда прибыл Миларэпа, и ответной песни, а сцена с игрой в кости сокращена.

Помимо этого сами песнопения в тексте бурятского ксилографа существенно отличаются от песен из двух вышеупомянутых тибетских источников или вообще не совпадают с ними. Например, в первом эпизоде в сочинении Лхацун Ринчен Намгьяла Миларэпа спел три песни. Первую песню об иллюзорности мира и необходимости практиковать медитативные практики ради пользы всех живых существ, отбросив все привязанности, мирские заботы, он исполнил по просьбе бонских священников, которым не удалось вылечить заболевшего мальчика. Поскольку бонские священники начали спорить с ним, он спел вторую песню о том, что они не могут расстаться с накопленным имуществом, беспокоятся о пустяках и стучат в барабаны подобно актерам. Он же, Миларэпа, нашел путь к освобождению, достиг высшего состояния будды, отбросил все недобродетельные поступки и не нуждается ни в богатстве, ни в славе. Последней он исполнил песню о главном бонском учителе Шэрабе и его неправильном учении. В бурятском ксилографе представлено только одно песнопение Миларэпы о необходимости практиковать буддийское учение, не убивать живых существ, отбросить привязанности и делать подношения, поскольку это позволит обрести счастье и процветание и достигнуть чистого пространства будды.

«Сборник историй из [собраний] песнопений досточтимого святого Миларэпы», скорее всего, является оригинальным монголоязычным сочинением, а не переводом с тибетского. Несмотря на то что источниками для составления текста на монгольском языке послужили сочинение Лхацун Ринчен Намгьяла «Шесть ваджрных песнопений досточтимого Миларэпы и некоторые устные истории [о нем]» и Гурбум Цаннён Херуки, он, скорее всего, является письменной фиксацией устных пересказов тибетских историй.

Литература

1. Ellington T.J. The Mandala of Sound: Concepts and Sound Structures in Tibetan Ritual Music. Ph.D. dissertation. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1979. 273 p.
2. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М., 2001. 415 с.
3. Čoyijlsürüng. Buriyad modon bar-un nom-un tabun yarčiy. Studia Mongolica. Vol. I (16). 1959. С. 3–14.
4. Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. 152 с.
5. Getülgegči milarasba boyda-yin mgur-ud-ača kedüi jüil tegüjü bičigsen orosibai: («Сборник историй из [собраний] песнопений досточтимого святого Миларэпы»). Бурятский ксилограф // ИВР РАН, Q 653 инв. № 4013. 20 л.

6. Rnal 'byor gyi dbang phyug chen po mi la ras pa'i rnam mgur («Намтар и гурбум великого повелителя йогинов Миларэпы»). Peking, 2005. 846 p.
7. Aalto P. A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature // Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 38. Stockholm, 1953. P. 69–108.
8. Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 220 s.
9. Heissig W. Mongolische Handschriften Blockdrucke Landkarten. Wiesbaden, 1961. 494 s.
10. Heissig W. Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs. Copenhagen, 1971. 360 p.
11. Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo, 2001. 156 p.
12. Getügegči milarasba-yin tuyūji delgerenggüi ilγaysan 'bum dayudal kemegdekü orosiba). Бур. рукопись // Монгольская Государственная Библиотека. № 2574. 376 л.
13. Gambo'ba-yin namtar: getülegči milarasba-yin tuyūji delgerenggüi ilγaysan 'bu'm dayulal-ača abču bičlen naran metü šabi sg'ambo'ba otoči baysi-yin namtar:: (Жизнеописание Гампопы. Намтар подобного солнцу ученика [Миларэпы] Гампопы Дагпо из Гурбума, подробно излагающего жизнеописание досточтимого Миларэпы). Рукопись. Монгольская Государственная Библиотека. № 5256/96. 84 с.
14. Chiudo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarboxyn Balgas oin the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. P. 2. Harrowitz Verlag, 2009. 457 p.
15. Rje btsun mi la ras pa'i rdo rje'i mgur drug sogs gsung rgyun thor bu ba 'ga' bzhugs so («Шесть ваджрных песнопений досточтимого Миларэпы и некоторые устные истории [о нем]») // Tibetan Buddhist Resource Center. — Digital Library. URL: www.tbrc.org
16. Cutillo B. Miraculous Journey. Further stories and Songs of Milarepa, Yogin, Poet, and Teacher of Tibet. Thirty-seven selections from a rare collection: Stories and Songs from the Oral Tradition of Jetsun Milarepa. LOTSAWA, 1986. 232 p.
17. Cutillo B. Drinking from the Mountain Stream: Songs of Tibet's Beloved Saint, Milarepa: eighteen selections from the rare collection: Stories and Songs from the Oral Tradition of Jetsun Milarepa. Wisdom Publications, 1995. 183 p.
18. Clemente M. Colophons as Sources: Historical Information from some Brag dkar rta so xylographies // Rivista di Studi Sudasiatici. 2007. P. 121–159.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 811.411.21

А. А. Мокрушина

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЖАНРА ЗАГРУДЫ В СИРИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Традиционная сирийская свадьба всегда сопровождается загрудями — одним из видов праздничных песен. Если всего несколько десятилетий назад данное явление было весьма распространено, то сегодня традиция теряет свое значение, сохраняясь в прежних масштабах лишь среди сельского населения. В связи с этим многие исследователи озабочены сбором и сохранением уцелевших памятников народного творчества.

Термин «загруда» (زغردة *zagrūda* или زغرطة *zagrūṭa*) означает «радостные пронзительные крики» [1, с. 230], однако, согласно толковым словарям «*lisān 'al-'arab*» и «*'al-qāmūs 'al-muḥīṭ*», значение данного корня восходит к «загруде» верблюда, которая представляет собой «рев самца верблюда, повторяемый в его горле» [2]. На территории Сирии термин приобретает диалектную форму — زلغوة *zalḡuṭa*. В свою очередь, корень *zalḡaṭa* встречается только в составе устойчивых выражений, например: «*zalḡaṭat 'aš-šams*» (*взошло солнце*); «*zalḡaṭa 'an-nār*» (*поднялось пламя*). При этом подобные обороты могут употребляться не в основном значении, а в переносном, например, при описании радостного ликования во время исполнения дабки — традиционного танца сиро-палестинского региона — либо при появлении долгожданных гостей [3, с. 695]. Термин также мог возникнуть в результате слияния двух корней: *z-l-ḡ* и *l-ḡ-ṭ*. Словарь «*lisān 'al-'arab*» приводит следующее лексическое значение корня *l-ḡ-ṭ* — «непонятные смешанные звуки и шум», а также «звук, издаваемый голубями и птицами из семейства рябчиковых» [2]. Возможно также предположить, что форма появилась в результате диалектальных фонетических изменений слова *zagrūda*. В подтверждение данной версии говорит тот факт, что слово *zalḡuṭa* проще в артикуляции, нежели его литературный вариант.

Мокрушина Амалия Анатольевна — канд. филол. наук, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: kodzik@inbox.ru

Загруда как праздничная песня исполняется по различным поводам — по случаю рождения ребенка, обрезания, возвращения родственников из дальних поездок, совершения хаджа и свадьбы. При этом свадебных загруз значительно больше загруз любого другого вида.

Как правило, загрузки исполняют женщины — родственницы той семьи, где происходит торжество. Также широко распространена традиция приглашать профессиональных исполнительниц — не более шести человек. Исполнение загрузки обычно начинается одна из них, затем песню подхватывают остальные женщины, несколько раз повторяя последнюю фразу. Интересно, что перед загрузой и после нее исполнительницы одновременно произносят слово «lê», которое, по всей видимости, выражает мольбу о счастье и благополучии [4, с. 12].

Сама загрузка обычно начинается со слова «'ojh», которое служит восклицанием, используемым для привлечения внимания слушателей. М. Х. Рамадан предполагает, что лексема «'ojh» могла быть образована от древнесирийского слова, несущего значение пожелания, — *пусть будешь ты благословен* [4, с. 11]. Другие исследователи видят связь между словом «'ojh» и восклицательным выражением «hă huwwa» *вот (он)*. В словаре «lisân 'al-'arab» указано, что схожие в фонетическом и семантическом плане междометия «'awwah», «wâ'âh» и «'awh» выражают грусть и отчаяние [2].

При этом вариант произношения слова «'ojh» может варьироваться на территории Сирии: «'ojhă», «'ehă», «'eh», «wêhă», «'owêhă» и т. д. [5, с. 179], что указывает на утрату в сознании носителей языка связи между исходным словом и его производными.

Традиционно загрузка воспринимается как один из жанров песенного фольклора, однако существует ряд особенностей, отличающих ее от песни, прежде всего ее мелодика. Большая часть подобных произведений создана в соответствии с поэтическими размерами, а не с музыкальными мелодиями, что подчеркивает архаичность данного вида искусства. Кроме того, загрузка, как правило, исполняется одним человеком, реже встречается ее хоровое исполнение, которое никогда не сопровождается музыкой.

Авторство загруз, а зачастую и регион их происхождения определить практически невозможно. К тому же автор, если таковой и существовал, оказывается лишним с точки зрения структуры произведения. В фольклорных произведениях может присутствовать исполнитель, рассказчик или сказитель, но в нем отсутствует автор как элемент самой художественной структуры. Таким образом, «каждый носитель фольклора творит в границах общепринятой традиции, опираясь на предшественников, повторяя, изменяя, дополняя текст произведения» [6].

В настоящее время многие исполнители обращаются к национальному фольклору и традиционным жанрам, используя тексты и образы в своих авторских произведениях. Так, известная исполнительница праздничных песен Нусейба аль-Айюби собрала целый альбом свадебных песен, включающих в себя загрузки в их традиционном исполнении. Кроме того, она написала несколько загруз, сохранив все особенности жанра, но в то же время отражая особенности современной жизни.

Свадебная загрузка отличается от остальных видов данного фольклорного жанра своей выразительностью и яркостью, так как основная ее задача заключается в передаче настроения присутствующих, а также в подчеркивании важности ситуации. Все это достигается благодаря использованию эмоциональных образов, выражаемых различными языковыми средствами.

يامن شعير و على كشافو كداس¹ يامن مدّبل عويناتو بغير نعاس¹
 شَبّهت حمرة حديدك بورق البسباس¹ طه وياسين¹ يخرسوك¹ من عيون الناس¹
 [4, c. 19]

*О тот, чьи кудри на плечах горой, горой,
 О тот, у кого томен взор, хоть и не жаждет он сна,
 Краска щек твоих подобна листьям пастернака,
 Таха и Ясин¹ хранят тебя от людских глаз.*

فَتّ عا بستان جو بستان جو أربع بساتين وكلّ بستان جو أربع صواوين
 وكلّ صيوان جو أربع سلاطين وكل سلطان يصب الكاس ويسقيني
 [4, c. 212]

*Зайди в сад, внутри [еще] один сад, внутри [еще] четыре сада,
 И в каждом саду четыре шатра,
 И в каждом шатре четыре султана,
 И каждый султан наполняет чашу и поит меня.*

Основная тема свадебных загруд — описание достоинств жениха и невесты, восхваление их семей, воспевание их положения и влияния в обществе, пожелания счастливой жизни новобрачным.

أهلاً وسهلاً وفيكُنْ يا ضيوفُ عزاز انتو عزازن وجاين عايوتُ عزازُ
 أحلى من المالِ احلة من طيور البازُ أحلى من الدّر لو كان صاحبو معتازُ
 [4, c. 20]

*Добро пожаловать вам, дорогие гости,
 Вы благородны и пришли в дом благородных,
 Дороже, чем богатства, чем соколы,
 Дороже жемчужины, если был бы ее владелец в нужде.*

Говоря о молодой невесте, исполнительница традиционно восхищается ее красотой и благородным происхождением.

بيضا وحمرا بتقطف حبّ رمان والمسلك بجياها وتفتح ريحان
 ماقلتلك يا عريس عروستك ما لها الثاني أنت ثريا بالسما وهي كوكب الثاني

*Бела и красна она срывает плоды граната,
 За пазухой ее мускус и аромат рейхана,
 Разве не говорил я тебе, жених, что нет другой такой как невеста твоя?
 Ты звезда на небесах, она звезда вторая.*

انت بنية وما ينقالُ عنك والسيّف بوك والرمح عمك
 وانت من قهوة البنّ العتيق وبدارُ الأكابر يشربنك
 [4, c. 190]

*О девушка, [ни единого плохого слова] не скажут о тебе,
 И меч — твой отец, и стрела — дядя твой,*

¹ Таха и Ясин — названия сур Корана, которые, согласно представлениям мусульман, оберегают человека от всего дурного.

*А ты сама подобна зерну отборного кофе,
В доме благородных пьют тебя.*

Сравнение с кофейными зернами неслучайно, так как в арабской культуре они нередко выступают символом ценности и высокого положения.

Часто исполнительницы загруд воспевают не только красоту и высокое положение невесты в обществе, но ее хороший характер и безупречное воспитание.

سبحان من خلقك بالحسن خصصك	وزينك بتياب البدر أيسك
كثك بنات الأمانة بملايسك	أنت من الدر ولا عيين يدانسك

*Хвала тому, кто тебя создал, благородными качествами наделив,
И украсил тебя лунными одеждами, которые [так] идут тебе,
Ты будто дочь эмиров в своих нарядах,
Ты из жемчуга, и никакой изъян не запятнал тебя.*

Среди достоинств жениха на первое место выходят красота и щедрость.

وخرّوس حالك ويا طربون ريحان	وخرّوس حالك ومالك بالبلد تاني
وخرّوس حالك وما بالطايفة متلك	يا شمّس لو اشرقّت يشهر نيسان

*Береги себя, бутон рейхана,
Береги себя, нет подобного тебе в этой стране,
Береги себя, нет подобного тебе в этом роду,
О солнце, если бы оно выглянуло в апреле.*

ويا عريس ويا ابن المرائعها	ويا قهوة البن بالعنبر مطالعها
ويكمل بالعطا والجود يا عيني	وبيك وجّدك قبل منك مطالعها

[4, с. 34]

*О жених, о сын своей земли,
О зерна кофе с амброй вынесенные [для гостей],
Становятся совершенным от щедрости и великодушия, мой дорогой,
И отец твой, и дед твой прежде тебя [были такими].*

В некоторых случаях заграда строится на противопоставлении достоинств новобрачных порокам, приписываемым некому третьему лицу иногда иносказательно.

قال المُنّ للتّن شوباك معاديبي	لاّلك ابن عمي ولاّلك من موازيني
عليك يا تنّ يا بو الدخاخين تقو	ونحن الذي يشربون البن بالصيني

*Сказало кофейное зерно табаку: «Почему ты враждуешь со мной?
Ты мне не двоюродный брат и не ровня мне,
Плюю на тебя, табак, что дымом смердит,
Мы те, кто пьет кофе из китайского [фарфора]».*

Для данного жанра характерна еще одна тема — это добрые пожелания молодым, выраженные в форме молитвы:

ويا بعد عيني ولين تلبق جواخ الحمر	ولغير العريس ويا ريتو طويل العمر
وان جار عليك الزمان لا تاخذ إلا السممر	والشرق والغرب يدعوك بطول العمر

*О зеница моих очей, кому [так] идет эта красная парча,
Кроме как этому жениху?
Долгих лет ему [желаем],
И если будет время к тебе несправедливым, бери [в жены] лишь только смуглянок,
И Восток, и Запад молит о долгой жизни для тебя.*

Отдельной темой загруз можно считать воспевание благородных деяний предков. Этот мотив занимает важное место в народном творчестве, так как благодаря ему на протяжении поколений складывается общественное мнение обо всем роде в целом и о каждом его представителе в частности.

ولولا الملح ما انضاق الطعام
يا بيت فلان يا ملح البقاع
ولا طابئنا هيديك البلاد
ولولا حد سيفكن ما سكنا
[4, с. 29]

*О дом [имя жениха], вы — соль из Бекаа²,
Если б не соль, не было бы вкуса в еде,
Если бы не острота ваших мечей, не жили бы мы,
И не была б прекрасной жизнь для нас в тех странах.*

Тем не менее, встречаются загрузки, в которых говорится о превосходстве семьи жениха над семьей невесты, подчеркивается благородство одного рода над другим. Известны случаи, когда подобные загрузки приводили к столкновениям во время свадебных торжеств с последующим длительным конфликтом между семьями. В результате невеста была вынуждена вернуться в дом своих родителей, а брачный договор расторгался. В том случае, если родители жениха не были довольны его выбором, то мать могла встретить невесту такими словами:

يا بيت قشر البصل شو جابكن لنا
انتو زرعو البصل ونحنا استغلينا
ولولا نسوان لكن بتبوس اجرينا
كنا رجال لكن بالحبس حطينا
[4, с. 30]

*О семейство луковой шелухи, что вас к нам привело?
Вы растили лук, мы же стоим дорого,
Если бы не ваши женщины, целующие наши ноги,
То мы бы посадили в заточение ваших мужчин.*

Сравнение с луковой шелухой, распространяющей дурной запах, в данной загрузе символизирует дурные слухи, которые ходят о семье невесты. По мнению исполнительницы загрузки, родственники невесты достойны лишь презрения и унижения. После подобных обвинений невесте не остается ничего другого, как покинуть свадьбу и вернуться в родительский дом. Ее родственники, возможно, попытаются уладить конфликт и вернуть невесту, однако чаще всего за подобными словами следуют кровавые столкновения, так как вопрос чести является ключевым в арабском обществе.

В загрузах, обращенных к невесте, часто можно услышать наставления и советы, касающиеся различных аспектов семейной жизни: они учат девушку тому, как вести домашнее хозяйство, как следует относиться к родственникам мужа, прежде всего к его матери. В загрузах подобного рода также уделяется большое внимание нравственности и правилам приличия, подобающим молодой жене.

² Долина Бекаа — область Ливана на границе с Сирией.

يا عروس كوني مثلنا ومثالنا كوني بحشمتنا وقصر لساننا
ولا تكوني ردادة جوابات ولا تضحكي رجال الناس عَ رحالنا

*О невеста, будь как мы, и будь примером для нас,
Будь скромной, как мы, и придержи язык,
Не пререкайся, отвечая на вопросы,
И не заставляй чужих мужчин над нашими смеяться.*

قالت عروسة وما يحتاج وصيك لا تخلي حدا من بيت عمك يشكيك
وعزي حماتك وعزي السلف والجاراة وعزي حماتك عوض أمك ترييك
[4, c. 35]

*Сказала невесте, и мне нет нужды наставлять тебя,
Не заставляй никого в доме дяди твоего жаловаться на тебя,
Чти свою свекровь, чти брата мужа и соседку,
Чти свою свекровь как мать, [теперь] она будет тебя воспитывать.*

Сохранение и укрепление родственных связей является ключевым вопросом в жизни арабского общества, поэтому близкородственные браки столь распространены на Ближнем Востоке. Этот процесс также нашел свое отражение в текстах загруд, где часто можно встретить примеры поощрения брака между двоюродными братьями и сестрами. Считается, что неродственные связи могут стать причиной конфликтов между двумя семьями и, как следствие, ведут к расторжению брака.

نحننا بني عمّ عصبية ما منفترق لو جرى الدم عالعتبات واندلق
إن حبك يا زين تسكن بخارتنا وإن حبك يعود الند تحترق
[4, c. 42]

*Мы — двоюродные братья, мы друг за друга стоим, мы не разлучимся,
И даже если кровь прольется на порогах домов, заструится,
Все равно любовь к тебе, о [имя жениха] будет жить в нашем квартале,
Все равно любовь к тебе будет куриться благовониями.*

В некоторых случаях на первый план выходят причины экономического характера, по которым близкородственные браки считаются более предпочтительными.

نحننا نجوز بنتنا لابننا نحننا نرد المال عالمال
نحننا الغريب ما يحل بارضنا لو حطّ المال بالمتقال
[4, c. 42]

*Мы выдаем наших дочерей за наших сыновей,
Мы добавляем богатство к богатству,
Чужой не придет на нашу землю,
Пусть даже и положит денег мискаль³.*

В текстах загруд часто можно встретить упоминание различных обычаев и традиций, распространенных на территории Сирии. Ввиду того, что свадьба всегда являлась одним из наиболее важных событий общественной жизни, ее проведение было связано с большим числом различных обрядов.

³ Мискаль — мера веса, равная 4,68 г.

Наиболее важный этап свадебных торжеств — заключение брака согласно религиозному обряду. В Сирии во многих семьях брачный договор заключали задолго до начала совместной жизни, тем самым молодым предоставлялась возможность познакомиться ближе. Это событие сопровождалось подобными загруздами:

يسعد مساك يا رمان مَلِيسِي	يلي قطفنك من البستان على كيسِي
إن قدر الله وجلست بحاليسي	لأكتب كتابك وخط النقد من كيسِي

*Пусть будет счастливым твой вечер, о плод граната гладкокожий,
Который я сорвал в саду и положил в мешок свой,
И если предопределил Господь, чтобы ты села рядом со мной,
То напишу я [брачный] договор и достану деньги из мешка своего.*

Традиция снимать покрывало с лица невесты после заключения брака также сопровождалась специальными загруздами:

عروس يا عروس قبي هالغطا قبي	وارحمي بي يلي حيكه وي يلي سعالك فيه
والوجه دورة قمر والورد فتح فيه	والصدر مرجان لابن العم يلعب فيه

*Невеста, о невеста, скинь это покрывало, скинь,
И помилуй меня, того, кто его соткал, того, кто принес его тебе.
Это лицо — диск луны, и роза распустилась на нем,
И эта грудь — жемчуг для двоюродного брата, чтобы он с ним играл.*

Другой обычай, получивший отражение в загруздах, связан с обычаем украшать руки жениха и невесты хной.

عريس عريس ومد الكف وتحني	وحياة بيك لا تزعل حدا منا
وحياة بيبي وما بزعل حدا منا	ما دام سيفي على رقاب العدا غني

*Жених, жених, протяни ладонь и выкраси ее хной,
Заклинаю тебя отцом твоим, не обижай никого из нас,
И клянусь отцом своим, он не обидит никого из нас,
Пока мой меч [опускается] на шею врагов.*

Еще один свадебный обычай — это расчесывание волос невесты. По этому поводу родственницы невесты могут исполнить такую загрузду:

يا شعر فلانة يا قصاقيص الذهب	يا شعر فلانة شافهم العريس وقلب
يا شعر فلانة طول طول	يا شعر فلانة يا بنت الأصول

*О волосы [имя невесты], локоны золотые,
О волосы [имя невесты], увидел их жених и рассудком помутился,
О волосы [имя невесты], растите, растите,
О волосы [имя невесты], о дочь благородных.*

Одевание невесты в свадебное платье может сопровождаться следующими словами:

هالفستان الحلو وين مخيطيه	والخياط يلي مخيطه حط كل ذوقه فيه
والوجه مدور والورد مفتوح فيه	والشعر حرير نسمة هوا بتلعب فيه

*Это платье прекрасно, где шила ты его?
И портной, что шил его, сшил его со вкусом,*

*А лицо круглое, роза распустилась на нем,
А волосы шелковые, дуновение ветра играет в них.*

Традиция одаривать молодых подарками — это могут быть как деньги, так и различные бытовые предметы — по сей день сохраняется в некоторых регионах, хотя на городских свадьбах ей следуют лишь близкие родственники и друзья.

وطلعت لعندك خرجي ملان ليمون ومن فرحتي فيك ورجعت أنا بمجنون
وطلعت لعندك قاصد لنقطك لقيت بصديرك رطلين ذهب موزون
[4, с. 144]

*Я пришел к тебе в дом с подолом, полным лимонов,
И от радости за тебя вернулся я ума лишенным,
Я пришел к тебе, стремясь подарок сделать,
И увидел на жилете твоём два ратля⁴ золота взвешенного.*

Особое внимание во время подготовки к свадьбе уделяется соблюдению всех традиций и обычаев, связанных с выполнением различных религиозных ритуалов. Поэтому в текстах загруд часто встречаются поминание Бога, пророков и праведных людей, молитвы о долгой и счастливой жизни для молодых.

يا نسمة الآس الا عا خديك لخات مرات مثل الندى والقمر مرات
ويلقلك يا عروس بخور سبع مرات والما يصلي عالتي يلبيه بالعترات

*О дуновение мирта, что оставило след на щеках твоих,
Иногда ты словно капля росы и словно луна иногда.
Тебе нужно, о невеста, быть окуренной семь раз,
А того, кто не восславит Пророка, захватят заботы.*

يسعد صباحك يا رمان عاشورا يا كامل القد والهندام والصورة
والحمد لله لتكون العين صابتكن لاختر الدار بركي الدار محضورة

*Пусть будет счастливым вечер твой, о плод граната в день Ашура
О тот, чей совершенен стан, наряд и вид,
И, слава Богу, да не постигнет вас [злой] глаз,
Я окурю дом [благовоньями], может, этот дом населен [джинами].*

Язык загруды отличается особой поэтичностью и образностью. Наиболее распространенным средством художественной выразительности в загрудах является метафора:

مرجان خدك ضوى مرجان خدك مال Кораллы щек твоих сияли,
кораллы щек твоих манили.

Традиционная загруда также богата сравнениями, создающими яркие образы:

عيونك السود ساقوا المتبلى ساقوا وخدودك الحمر شبه الورد عاطياقوا
بنات حمص وحماء من خدودك ذاقوا وراحوا سكارى لنصّ الليل تافاقوا

*Глаза твои черные, напоили страждущего, напоили,
И щеки алые твои, что розы на блюде.*

⁴ Ратль — мера веса, равная 449, 28 г.

*Девушки Хомса и Хамы⁵ напились со щек твоих,
И ушли опьяненные, лишь к полуночи очнулись.*

جواته أحلى الفواكه أشكال وألوان	يا عريسنا إلك غيضة وإلك مية فدان
يا ريحة الفل هبت من ندى البستان	وإلك قامة مثل قامة الريحان

*О жених наш, тебе чаща лесная, тебе сто федданов⁶ [земли],
На которых сладчайшие фрукты всех вкусов и форм.
Твой стан подобен стеблю рейхана,
О запахе жасмина, что донесся до нас из сада.*

Другой распространенный прием, активно использующийся в загруде, — олицетворение:

عراقي صغير وريحة طيبة فيّ	قال البنفسج أنا سلطان برية
أنا قتيل الخلق تحت العبيدية	أنا قتيل واحد ماني قتيل مية

*Сказал цветок фиалки, я султан степи,
Мой стебель тонок, но приятен мой аромат,
Я повержен однажды, но я не сто [раз] повержен,
Я повержен этими серьгами, что под абидией.*

Перифраз в загрудах звучит наиболее ярко и выразительно, создавая запоминающиеся образы. Например, в одной из загруд приводится такое описание влюбленных, выраженное при помощи перифраза:

О те, кто спят на рассвете,	ويا ناعمين الضحى ويا ساهرين الليل
о те, кто не спят всю ночь.	

Загруда как результат народного творчества неразрывно связана с другими фольклорными произведениями. Как уже отмечалось, загруда отличается от других поэтических и песенных жанров своей лаконичностью. Важно передать смысл в нескольких строках, и лучше всего этой цели способствует использование пословиц и поговорок в тексте. Обобщая многовековой опыт, пословицы и поговорки придают песенному тексту большую живость и изящество.

يا شغيفتينك كما العقيق تلالي	يا حب غيرك مين بقا يحلالي
قال المتل: طير المري غالي	ربوك أهلك بدلال وبسخا

*О любовь [моя], кроме тебя есть ли кто нравится мне?
О [та, чьи] губы цвета агата,
Твои родные растили тебя в неге и щедрости,
Сказано в пословице: «Прирученная птица дорога».*

На сегодняшний день многие обычаи исчезают из народной памяти. Сменяются поколения, и часто вместе с ними уходят в прошлое фольклорные традиции. Тем не менее жанр загруды сохраняется по сей день, приобретая новые формы. Таким образом, изучение загруд с культурологической и лингвистической точек зрения является интересной и актуальной задачей, решив которую можно лучше понять менталитет представителей арабской культуры.

⁵ Хомс и Хама — названия городов в Сирии.

⁶ Феддан — мера земельной площади, равная 5713 м².

Литература

1. Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 936 с.
2. *Arabic dictionary*. URL: <http://www.baheth.info/all.jsp> (дата обращения: 15.08.2012).
3. *Yasiin Abd ar-Rahiim*. Mawsuu'at al-'ammiya as-suriya. Dirasaat lugawiya nakdiya fii at-tashihi wa at-ta'siil wa al-muwallid wa ad-dahiil. Vol. 1–4. Damascus: 2003. 1711 p.
4. *Muhammad Haalid Ramadaan*. Zagruuda. Diraasaat fii az-zagruuda ash-sha'biya as-suriya. Damascus: 2009. 252 p.
5. *'Ajjaaj 'Aazir az-Zahd*. Zagaariid wa ginaa'i. Damascus: 2006. 217 p.
6. Фокеев А. Л. Фольклор и литература. URL: <http://www.lincey.net/lit/istok/base> (дата обращения: 15.08.2012).

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ширяев Б.А., Федоров Н.В. История международных отношений в Тихоокеанском регионе: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2010. 248 с.

Вышедшее в 2010 г. учебное пособие «История международных отношений в Тихоокеанском регионе» представляет собой современную и необходимую работу, дающую представление об основных фактах истории внешней политики и международных отношений стран Тихоокеанского региона. Авторы пособия — сотрудники кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ, научные интересы которых лежат в области внешней политики и истории США и исследования роли военного-морского фактора в международных отношениях.

С начала XXI в. Тихоокеанский регион привлекает все возрастающее внимание со стороны экспертов различного профиля, которых объединяет мнение о том, что значение входящих в него стран поступательно увеличивается и будет возрастать в будущем как в политическом, так и в экономическом плане. При этом многие аналитики говорят даже о формировании новых экономических центров силы, региональное значение которых постепенно приобретает глобальный масштаб.

Авторы учебного пособия справедливо рассматривают Тихоокеанский регион как системообразующий элемент мировой политики. Исходя из этого основной ракурс работы позволяет представить регион не в качестве лишнего объекта, а в качестве субъекта, обладающего определенными по-

литическими свойствами и характеристиками, сформировавшимися на протяжении всей своей истории и находившимися в тесной связи с внутренней, региональной и международной ситуацией. Поэтому абсолютно оправданным является отношение к Тихоокеанскому региону как элементу целого (глобального) порядка, прочно связанного с вмещающей средой.

В то же время, несмотря на «радужные» экономические перспективы, едва ли возможно дать столь позитивную характеристику сложившейся в регионе политической ситуации.

Многообразие входящих в Тихоокеанский регион стран, различающихся формами правления и политическими системами, имеющих собственные политические амбиции и сложное историческое прошлое, не позволяет сводить их к единому знаменателю.

В регионе существуют такие факторы политической напряженности, как отсутствие единого вектора политического развития, незавершенность окончательного урегулирования территориальных проблем, наличие мощных военно-политических союзов, вызывающих недовольство не входящих в них стран, желание некоторых стран сознательно поддерживать политическую напряженность в регионе для достижения собственных целей. Очевидно, что в будущем развитие региональных политических отношений и связанной с ними военно-стратегической обстановки будет зависеть от взаимодействия трех главных силовых центров — США, КНР, Японии. При этом существует реальная возможность, что проявлявшееся в течение длительного периода несовпадение национальных интересов

и экономическое соперничество между ними могут вызвать очередной виток противостояния, способного взорвать и без того напряженную ситуацию в регионе.

Ввиду отмеченных сложностей региональных отношений можно приветствовать появление пособия, акцентирующего внимание на истории развития международных связей. В данном случае постулат о том, что «история — зеркало, отражающее будущее», справедлив в полной мере. Давая оценку событиям прошлого, можно строить прогнозы относительно их направленности в будущем. Таким образом, очевидно, например, почему желание Японии усилить свой военный потенциал стимулирует появление в ряде стран региона, в которых сильна историческая память о действиях Японии во второй половине XIX — первой половине XX в., стремления к объединению на антияпонских позициях.

Представленный в работе материал охватывает широкий временной отрезок, что вполне коррелирует с целью пособия, призванного сформировать у учащихся целостное представление об истории международных отношений в регионе. Основной текст поделен на десять логически обоснованных тем, каждая из которых подразделяется на ряд параграфов. Правильная структура и четкое изложение фактов облегчает восприятие материала студентами. Присутствие после каждой темы проверочных вопросов, равно как и составленного по темам списка рекомендованной литературы, включающего новейшие работы, является важным методологическим звеном в концепции учебного пособия.

Необходимо отметить желание авторов пособия не только отразить историю международных отношений как историю взаимодействия отдельных стран, но и представить ее в виде комплексного анализа, учитывающего не только региональные, но и мировые тенденции и особенности, оказывавшие серьезное влияние на описываемые процессы.

За отправную точку работы взят XV в. — начало эпохи великих географических открытий. Тем самым, придерживаясь европоцентристского взгляда на мир, авторы оставляют за рамками работы историю собственно региональных отношений, являющуюся важным ключом к пониманию их современной специ-

фики. Детальное рассмотрение проникновения и закрепления в регионе Португалии, Испании и других стран приводит к появлению лакуны в области существовавших в регионе традиционных систем межгосударственных отношений. Между тем многие страны региона были включены в сферу действия основных китаецентристских принципов, базировавшихся на концепции «Китай — варвары» и учении о «сыне Неба». Эти концепции не были уничтожены приходом в регион европейцев и поражением Китая в опиумных войнах и его политическим ослаблением во второй половине XIX столетия. Так, именно восприятие Китая центром мира позволяло правителям королевства Рюкю и Кореи обращаться к нему за помощью в поисках защиты от японского давления.

Подчеркивая отсталость азиатских стран, авторы упускают из виду основные принципы характерной для большинства стран региона «дипломатии слабости», сутью которой было «применение одного яда против другого», т.е. заключение государством договоров как можно с большим числом стран, чтобы не допустить усиления какой-то одной страны. Не приводятся и характерные особенности дипломатии тех или иных стран, призванные формировать международную обстановку и отношения в своих интересах. В связи с этим показателен пример Японии, которая начиная с 70-х годов XIX столетия и до окончания войны на Тихом океане весьма умело применяла тактику давления и развязывания военных конфликтов. Используя методы давления, Япония заставила короля Рюкю Сё Тай передать свое королевство под протекторат Японии; спровоцировав инцидент с убийством японских рыбаков, организовать военный поход на Формозу в 1874 г.; ложной миссией Ито Хиробуми в Петербург заставить Великобританию подписать союзный договор в 1902 г.; задержкой ответа с уступками российского правительства на телеграфе в Нагасаки начать войну с Россией в 1904 г.; совершив провокацию на мосту Марко Поло, начать войну с Китаем в 1937 г.

Раздел о военных успехах Японии в первый период войны на Тихом океане включает параграф, рассматривающий пропагандистские маневры Японии. Однако один из ключе-

вых вопросов региональных международных отношений в годы войны — проблема «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания», практически не затронут. Помимо упомянутых в работе стран, созданное Японией политическое объединение включало в себя Сиам (с декабря 1941), страны французского Индокитая (Вьетнам (март-август 1945), Камбоджу (март-апрель 1945), Лаос (1944–1945)).

Стремление представить «внешнюю» историю взаимоотношений различных стран региона как между собой, так и с европейскими странами, привело к появлению в пособии ряда неточностей, связанных с «внутренней» историей ряда стран. Так, окончание периода междоусобных войн в Японии (Сэнгоку эра) отнесено к 60-м годам XVI в., хотя принятая в японской историографии дата — 1573 г., когда был низложен последний сёгун Муромати бакуфу. Объединители Японии Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси названы сёгунами, хотя этого высокого звания военного правителя страны они никогда не имели. Говоря о принципиальном для современных российско-японских отношений вопросе о Курильских островах, авторы работы обращают внимание на то, что японцы приступили к экспансии севернее острова Хоккайдо с конца 30-х годов XIX в. В действительности, никаких сведений о столь ранних японских экспедициях нет ни в отечественной, ни в японской историографии. Первая торговая японская фактория на юге острова Кунашир была основана только в 1754 г., а собственно экспансия Японии как противовес российской началась в 80-е годы XVIII в. В пособии указано, что в марте 1943 г. была проведена конференция стран «Великой Восточной Азии». На самом деле это событие состоялось в ноябре 1943 г.

При рассмотрении вопроса вступления Японии в Первую мировую войну и захвата немецкой базы на территории Китая — крепости Циндао упущен существенный момент, положивший начало ухудшению японско-британских отношений. Стремясь не допустить усиления Японии за счет германских территорий, Великобритания всячески старалась если не отговорить Японию от всту-

пления в войну, то хотя бы ограничить ее действия исключительно ролью наблюдателя. Естественно, преследующая собственные геополитические интересы Япония действовала по собственному сценарию, который шел вразрез с желанием английского руководства.

Сосредоточение внимания на «ключевых» странах региона, в частности Китае и Японии, привело к тому, что другим странам внимания уделено намного меньше. Это в значительной степени ограничивает анализ региональных взаимоотношений и препятствует формированию целостного восприятия региона.

Возможно, вышеуказанных пробелов и неточностей, не умаляющих общей ценности пособия, можно было бы избежать при обращении за консультациями к специалистам-востоковедам, занимающимся изучением конкретных стран и проблем Тихоокеанского региона. Было бы оправдано и привлечение таких «классических» трудов, как *Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949)* / под ред. Е. М. Жукова. М., 1956; *Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы: в 2 т.* / под ред. Е. М. Жукова и др. М., 1978; *История международных отношений на Дальнем Востоке: 1945–1977* / Капица М. С. и др. Хабаровск, 1978.

В заключение следует сказать, что охватывая в сжатом объеме значительный региональный и временной аспекты, рецензируемое издание полностью выполняет свои функции как учебное пособие для студентов-международников.

С уверенностью можно констатировать, что чем большую роль будет играть регион в мировом балансе политических и экономических доминант, тем более высокий интерес будут представлять взаимоотношения бывших, настоящих и будущих центров политической, экономической и военной мощи. В силу этого необходим всесторонний анализ особенностей исторического прошлого международных отношений, что и реализовано в рецензируемой работе.

Е. М. Османов

В. М. Рыбаков, Д. И. Маяцкий

НОВЕЙШЕЕ УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ В ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ВЕРОВАНИЯХ

Рецензия на научно-справочное издание «Духи и божества китайской преисподней».

В Китае, России и других странах в разное время выходило немало научной литературы, так или иначе освещавшей различные вопросы Трех Учений Китая. В этом направлении трудились такие видные исследователи, как Хуан Бо-лу, Ма Шу-тянь, П. С. Попов. Список фамилий мог бы быть продолжен и дальше... Тема сия крайне важна, поскольку связана с духовным ядром одной из древнейших цивилизаций мира, чья история, как мы знаем, насчитывает несколько тысячелетий, а культура веками оказывала влияние на сопредельные страны. Тема эта бесконечна, многогранна, и, что греха таить, — представляет большую трудность не только для иностранных ученых, но и для широко эрудированных представителей данной культуры, проходивших специальную подготовку. Посему не может не вызвать чувств гордости и восхищения лицемерие появившейся в нашей стране серьезной научной коллективной монографии по демонам и святым в китайских верованиях, тем более, что работа буквально изобилует материалами, впервые вводимыми в научный оборот и подвергнутыми тщательному анализу.

«Духи и божества китайской преисподней» — плод поистине титанического десятилетнего труда авторов данной книги — заведующего кафедрой Китайской филологии Восточного факультета СПбГУ профессора Александра Георгиевича Сторожука, бывшей сотрудницы кафедры Екатерины Александровны Завидовской и аспирантки кафедры Татьяны Игоревны Корнильевой. Авторы

проделали колоссальную работу по сбору и анализу гигантского фактического материала, найденного по крупицам в разных уголках мира (преимущественно в континентальном Китае и на Тайване) и явленного на суд читателя впервые.

Сразу обращают на себя внимание следующие особенности книги.

Во-первых, монографию отличает обилие материала о представлениях китайцев о преисподней и судьбе души после смерти. По сути это первое в России и на Западе исследование, обобщающее названные представления китайцев и содержащее оригинальную и весьма детальную подборку сведений о персонажах, связанных с загробной жизнью. Прослеживаются также изменения, происходящие в формах бытования народных верований под воздействием быстрых перемен в современном обществе — в частности, обусловленных развитием СМИ.

Во-вторых, в книге предложена богатая подборка уникальных фотоматериалов, собранных авторами собственноручно в разных труднодоступных областях Китая и на Тайване. Количество фотоиллюстраций насчитывает в книге порядка 400 единиц. Причем буквально каждый снимок обладает научной ценностью, наглядно иллюстрирует описываемые в монографии наблюдения. Иллюстрации оформлены роскошно, часто сопровождаются необходимыми выделениями и подписями. Не будет преувеличением утверждать, что это единственное в своем роде в России и на Западе иллюстрированное издание.

В-третьих, авторы затрагивают и ритуальный аспект, связанный с похоронами и по-

Рыбаков Вячеслав Михайлович — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт восточных рукописей РАН; e-mail: Ouyangtsev@mail.ru

Маяцкий Дмитрий Иванович — канд. филол. наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: taishan@yandex.ru

миновением усопших. Необычно то, что в этой части работы учитываются также временные изменения, произошедшие в последние десятилетия в содержании и оформлении ритуалов.

Монография исполнена на 464 страницах. Оформлена она как энциклопедия из множества расположенных в алфавитном порядке статей, объясняющих ключевые для народных представлений о загробной жизни понятия, а также имена духов и божеств китайской преисподней. В конце книги прилагаются «Список основных праздников мертвых и божеств преисподней», индекс терминов, имен и названий сочинений. Завершается книга Избранной библиографией, содержащей 231 пункт научной литературы на русском, английском, французском, китайском и японском языках.

Обобщая вышеизложенное, можно смело утверждать, что перед нами уникальная энциклопедия загробной жизни в народных верованиях Китая. Важно понимать, что эти представления неразрывно связаны с культурой Старого Китая, но их отголоски присутствуют в китайской культуре и до сих пор. Знание их имеет великое значение для правильного понимания быта, нравов, традиций и особенностей мировоззрения древних, средневековых и современных китайцев. В целом, монография вносит серьезный вклад в отечественную и мировую синологию. Она может использоваться при ведении научных исследований по вопросам китайских традиционных верований, также может служить серьезным подспорьем при изучении произведений богатого литературного наследия Китая.

Рецензия на книгу: **Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права.** СПб.: Издательство РХГА, 2012. 386 с.

Книга В. В. Бочарова «Неписанный закон: Антропология права» представляет собой глубокий и всесторонний анализ феномена «правового нигилизма». Его суть в том, что повседневная жизнь людей на самом деле во многом регулируется не государственным законодательством, а «неписаными законами» (или обычным правом). Эти «законы» не являются «пережитками», унаследованными нами от архаики, они складываются в различных сферах деятельности на базе обычно-правовой культуры, отражающей традиционные представления людей о должном, справедливом, легитимном поведении в той или иной ситуации. Причем нормы этого права зачастую вступают в противоречия с тем, что содержится в законодательно утвержденных («писаных») законах.

Автор, в частности, рассматривает явление «правового фетишизма», т. е. глубокую веру современных людей в чудодейственную силу права как главного инструмента прогрессивных социально-экономических и политических преобразований. Эту веру, как считает В. В. Бочаров, можно объяснить у носителей западной культуры, где население в целом испытывает уважение к принятым законам и соблюдает их. На Востоке картина иная. После обретения бывшими колониями политической независимости европеизированным элитам казалось, что принятие западного законодательства разрешит все проблемы и образовавшиеся государства быстро обретут «цивилизованный» вид. Но этого не произошло, реальность не смогла вписаться в новые законы, продолжая существовать как бы отдельно от них. Эта тема близка и россиянам, которые еще в период «перестройки» уверовали в то, что стоит принять соответствующие законы, как наступит «правовое государство», а значит, жизнь станет такой же, как на Западе. Однако новые законы принимались, но все оставалось по-прежнему. И сегодня, когда объявлена борьба с коррупцией,

принимается множество антикоррупционных законов, тем не менее коррупция не только не уменьшается, но, наоборот, нарастает.

«Правовой нигилизм» — характерная особенность Востока. Здесь западные законы «не работают», в то время как жизнь идет своим чередом. Более того, эти государства в своем большинстве погрузились в эпоху «переворотов» и «революций». Новые власти чаще всего обвиняют своих предшественников в нарушении законов, что оборачивалось трайбализмом, коррупцией, семейственностью и т. д. Однако по прошествии времени оказывается, что новые элиты идут тем же путем, который заканчивается очередной «революцией» — в результате все возвращается «на круги своя». Словом, неудачи в реформировании жизни путем изменения законодательства никак не влияют на последующие поколения, которые продолжают надеяться на магическую «силу права».

Проблема «неписаного закона», с точки зрения В. В. Бочарова, актуальна для обществ любой стадии эволюции. Неписанные законы регулировали социальную жизнь в традиционном обществе, в котором письменности не существовало в принципе. При этом люди строго соблюдали сложившиеся нормы поведения, нарушения были чрезвычайно редки. По мнению автора, изучение этого явления в традиционном обществе должно быть направлено на реконструкцию процесса возникновения обычно-правовых норм, а также механизмов социально-психологического контроля.

Особую роль «неписанные законы» играют в государствах Востока, которых на земном шаре абсолютное большинство. Почему же там принимаемые законы «не работают»?

Существуют разные точки зрения исследователей на эту проблему, которые приводит В. В. Бочаров:

1. Из-за низкой правовой культуры населения, которое не знает действующих законов, а порой просто безграмотно. Поэтому выход из положения видится в преодолении этого бескультурья путем просветительской деятельности.

Однако данная схема, как справедливо отмечает автор, не принимает в расчет широко известный факт, что представители образованных классов, включая элиты, нарушают законы в первую очередь.

2. Из-за «плохих законов». Это мнение принадлежит Э. де Сото, который исследовал феномен неформальной экономики в Перу. Согласно де Сото, «теневое право» возникает как реакция на «плохие законы», которые бюрократические элиты не-западных государств принимают кулуарно в собственных интересах, тормозя экономический прогресс. Поэтому законы должны приниматься демократическим путем.

3. Из-за различий «цивилизаций», например, христианской и конфуцианской (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма). Ф. Фукуяма, например, считает, что в последней отсутствует трансцендентный закон, стоящий над общественными отношениями, каким является «Бог» в христианстве. Именно это, в конечном счете, обеспечивает торжество права на Западе, в отличие от конфуцианской культуры, в которой подобного «закона» нет.

По мнению В. В. Бочарова, данную идею опровергает пример России и ряда государств Восточной Европы — стран с более чем тысячелетней христианской традицией, в которых, тем не менее, «неписанные законы» приоритетны относительно государственных.

В связи с этим В. В. Бочаров предлагает свое собственное видение проблемы. По его мнению, причина отторжения западного права Востоком состоит в том, что право как феномен *Культуры* не соответствует *Обществу*, в которое оно имплантируется. Автор рассматривает *Общество* и *Культуру* как содержание и форму, которые играют разные роли в процессе эволюции социальной материи. На этом основании выделяются два типа эволюции. Западное общество — субъект *социетального развития*, главной характеристикой которого является *конкуренция*, которая порождает и соответствующую *культуру* (экономическую, политическую, правовую и т. д.). В свою очередь восточные (не-западные) общества, являющиеся субъектами *культурального* развития, привлекают западные формы (*культуру*), ожидая, что они изменят его содержание (*общество*).

Традиционное (восточное) общество цементируется не конкуренцией, а *иерархией* («вертикалью власти»). В результате заимствованные западные правовые нормы в чуждом общественном контексте обретают совсем иные смыслы и функции. Эти функции вместо правового получают политическое значение и служат укреплению иерархии (вертикали власти). В противном случае заимствование западных правовых норм, конкурентных по своему содержанию, разрушает иерархию, краеугольный камень восточного общества, что неизбежно ведет к хаосу («смуте»). Это положение иллюстрируется автором на примере различных этапов развития афро-азиатских обществ и России. Иными словами, восточное общество адаптирует заимствованное западное законодательство в соответствии со своими собственными приоритетами. Поэтому оно носит декоративный характер.

Автор книги обращает внимание на то, что «теневые практики», которые реально регулируют общественные процессы в странах Востока, нельзя называть «криминальными», что зачастую делается как политиками, так и учеными. «Криминальный» означает вид социальной патологии, которая в принципе имеет антиобщественное содержание. Однако здесь, как выясняется, большинство населения считает сложившиеся неформальные практики («криминальные») легитимными. Автор ссылается на полевые исследования, проведенные как в России, так и в некоторых регионах Востока, которые свидетельствуют о том, что в «бандитской» деятельности участвуют огромные массы людей — от рядовых граждан до высокопоставленных государственных чиновников. Последние выступают главными «поборниками права», но при этом не стесняясь выставляют свое «богатство» на показ при более чем скромных официальных доходах. Общественное мнение их не только не осуждает, но даже превозносит. Это отражается в городском фольклоре многих стран Востока, где «честность», например, часто рассматривается как «неумение жить», а то и попросту как глупое поведение.

Более того, как следует из книги, «криминальные» практики имеют зачастую позитивное социальное наполнение. Приводятся результаты исследований (Африка, Пакистан,

Россия), убеждающие в том, что если бы все было «по закону», то производимый продукт был бы гораздо дороже, а значит, недоступен бедным слоям. Вероятно, поступательное развитие данных государств возможно лишь в условиях господства «неписаных законов», так как если бы ситуация развивалась в соответствии с официальным правом, то экономический эффект был бы существенно ниже. Действительно, в бурно развивающихся азиатских и южноамериканских экономиках (Индия, Китай, Индонезия, Бразилия, Мексика) «неписанные законы» занимают далеко не последнее место.

В.В.Бочаров подвергает сомнению широко распространенный тезис о том, что современная развитая экономика может существовать только в соответствующем правовом обрамлении (независимости законодательной и судебной властей). Он считает, что вряд ли развивающиеся страны по мере развития экономики будут все более дрейфовать в сторону западного права. Во всяком случае, материалы исследований, приводимые автором, констатируют, что развивающиеся страны отнюдь не повторяют европейский путь. В первую очередь это касается морально-правовых установок, которые фиксируют исследователи развивающихся экономик: «неписанные законы», отражающие их, весьма далеки от идеалов «протестантской этики» (Макс Вебер), обеспечивших успешное развитие капитализма в Европе.

Но и на Западе удельный вес «неписаного закона» неуклонно возрастает. Это связано прежде всего с влиянием Востока в условиях глобализации. В частности, представители многочисленных восточных диаспор не спешат ориентироваться в своей жизнедеятельности на западное право, предпочитая жить по своим, неписаным законам. Это же относится к субкультурам — молодежным, этническим, религиозным, профессиональным и т.д., адепты которых живут по собственному законодательству. Автор приводит «кодексы» различных субкультур, собранные исследователями в процессе полевой работы.

По мнению автора, налицо неадекватность используемого теоретического инструментария и объекта исследования. Поэтому он предлагает новую методологию и понятий-

но-категориальный аппарат, которые призваны примирить взгляды юристов и антропологов на существо права.

Важная цель книги — анализ круга вопросов, связанных с происхождением и функционированием «неписаного законодательства». Эта попытка предпринята в рамках юридической антропологии, которая сегодня отходит от «моноюридизма», т.е. жесткого отождествления права с государственными законами. В книге рассматривается история становления антропологии права (или юридической антропологии) как дисциплины, изначально ориентированной на изучение «неписаного закона» в традиционном обществе, в котором иного закона не существовало. Рассматривается вклад, внесенный в ее развитие со стороны материнских дисциплин: юриспруденции и антропологии.

Объектом исследования антропологии права, как полагает В.В.Бочаров, выступает *обычно-правовая система* (инвариант обычного права), которая формируется в процессе общественной самоорганизации и определяет социальный порядок в традиционном обществе. Здесь поведенческие правовые нормы возникали произвольно, отражаясь в фантастических образах сверхъестественных авторитетов: предков, духов, божеств и т.д. Они же обеспечивали психологические механизмы саморегуляции и социального контроль. Сохранение в психике современного человека архаических ментальных пластов обуславливает, с точки зрения автора, устойчивость «неписаных законов», возникших еще на заре человеческой истории. Обвинения в колдовстве, например, — широко распространенное явление в юридическом быту стран Востока.

В рассматриваемой книге автор на основе кросс-культурного анализа предпринял попытку исторической реконструкции механизмов возникновения и бытования базовых норм, свойственных обычно-правовой системе. По его мнению, они определяли взаимодействие возрастных страт, гендерные и родственные отношения, без урегулирования которых социальность в принципе бы не состоялась. В современном обществе, в отличие от традиционного, эти нормы также продолжают действовать, но уже наряду с писаными (государственными) законами. Это иллюстрирует-

ся примерами Японии, Китая, ряда регионов России (например, на Северном Кавказе). Те же нормы обильно представлены в догматах мировых религий, чему также уделено внимание в книге. Именно архаические «неписанные законы» порождают сегодня явления, которые негативно оцениваются западным правосознанием, как то: неравенство по признакам пола и возраста, коррупцию, nepotизм и т. д.

«Неписанные законы», свойственные первичному социуму, фиксируются не только на Востоке, но и на Западе — в общественных сегментах, возникших посредством самоорганизации. В частности, в субкультурах фиксируются «неписанные законы», имеющие поразительное сходство с архаическими аналогами. Причину автор видит в том, что те и другие возникают на основе единого алгоритма, свойственного обычно-правовой системе, в основе которого — принцип выживания во враждебной окружающей среде. Если

первичный социум противостоял *Природе*, то субкультуры — основному *Обществу*.

Книга подводит читателя к мысли о необходимости целенаправленного и всестороннего изучения неписаного законодательства, учета его в законотворческой деятельности и судебной практике.

В целом, можно констатировать, что книга профессора В. В. Бочарова, несомненно, вносит вклад в осмысление роли Востока в глобальном мире, в странах которого социокультурные процессы все более демонстрируют свою уникальность, не вписываясь в универсалистские социологические и правовые теории, сформировавшиеся на материалах западных систем. Она, несомненно, будет интересна не только востоковедам, антропологам, юристам, этнографам, но и широкому кругу обществоведов и может использоваться в учебном процессе.

Н. А. Самойлов

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н. А. Самойлов, Ю. С. Мыльникова

ХІХ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ КИТАЕВЕДЕНИЯ

4–8 сентября 2012 г. в Париже проходила очередная XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК).

Европейская ассоциация китаеведения (European Association of Chinese studies) является крупнейшей профессиональной синологической организацией на Европейском континенте. Ее конференции проводятся раз в два года в ведущих научных центрах Европы и носят междисциплинарный характер. Широта интересов и проблематики, актуальные темы исследований и их результаты, представляемые на подобные научные форумы, дают возможность составить полное представление о современном состоянии и основных тенденциях развития европейской и мировой синологии. Первая конференция Ассоциации состоялась в 1976 г.

Организаторами нынешней конференции совместно с Президиумом ЕАК выступили Университет Париж-VII имени Дени Дидро, Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO), а также Библиотека языков и цивилизаций (BULAC). В этот раз конференция ЕАК проходила совместно с форумом Европейской ассоциации синологических библиотек (European Association of Sinological Librarians — EASL).

В конференции приняли участие около 400 ученых из большинства стран Европы, а также США, КНР, Тайваня, Сингапура, Японии, Канады, Новой Зеландии. Девиз XIX конференции ЕАК: «Познание Китая: новый опыт и перспективы» нацеливал ее участников на переосмысление традиционных подходов к изучению Китая, на выдвижение новых методов исследований и развитие методологических возможностей синологической науки. Отбор наиболее интересных и содержательных докладов из числа представленных на предварительном этапе заявок проводила специально созданная комиссия экспертов, состоявшая из ведущих ученых-китаеведов. Рабочим языком конференции служил английский, все доклады сопровождались электронными презентациями.

Работа конференции проходила в рамках около двух десятков профильных секций, охватывавших основные аспекты всестороннего и многофакторного изучения Китая с древности до наших дней: «Экономика», «Право», «Политика», «Международные отношения», «Социология», «Средства массовой информации», «История», «История до Нового времени», «Искусство и ар-

Самойлов Николай Анатольевич — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: samoylov_nikolay@mail.ru

Мыльникова Юлия Сергеевна — канд. ист. наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mylnikova_yulia@hotmail.com

© Н. А. Самойлов, Ю. С. Мыльникова, 2013

хеология», «Литература», «Кино и театр», «Проблемы перевода», «Имагология», «Философия» «Религия», «Лингвистика». Кроме того, почти все секции оказались поделены на еще более узкие профильные подсекции. В рамках конференции было организовано несколько «круглых столов», посвященных наиболее актуальным темам, волнующим сегодня европейских китаеведов. При этом многие участники конференции отмечали, что темы многочисленных подсекций порой носили излишне дробный характер.

Российское китаеведение было достойно представлено учеными из Института Дальнего Востока РАН, Института востоковедения РАН, Института восточных рукописей РАН, МГУ, РГГУ. Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета был представлен четырьмя докладчиками.

В день открытия конференции на пленарном заседании участников приветствовали глава отдела международных связей Университета Париж-VII имени Дени Дидро Фредерик Огее, президент INALCO профессор Жак Легран, президент Европейской ассоциации китаеведения профессор Лундского университета (Швеция) Роджер Грэттрэ. С основным докладом выступил профессор Леон Вандермерш, который посвятил свое сообщение «Размышления о коррелятивном мышлении в китайской мысли» научному наследию трех крупнейших китаеведов прошлого столетия — Марселя Гране, Джозефа Нидэма и Ангуса Чарльза Грэма.

Секция «История до Нового времени» («History premodern») стала одной из самых представительных по числу докладов, касающихся самых разных аспектов многовековой культурно-исторической традиции Китая. На подсекции «Под властью монголов» прозвучала чрезвычайно актуальная идея о необходимости переосмыслить и по-новому оценить эпоху монгольского владычества в Китае. Докладчики проанализировали пути адаптации различных социальных слоев китайского общества, прежде всего интеллектуальной элиты, к новым историческим реалиям, обусловленным монгольским нашествием. Японский исследователь Томоясу Иияма (Университет Васэда) предпринял попытку осветить процесс формирования новой образованной элиты в северном Китае во время монгольского завоевания. Автор, исследовав источники юаньской эпохи, пришел к следующему выводу: несмотря на то что государственные экзамены на чиновничьи должности не проводились на протяжении жизни трех поколений, представители «ученого сословия», тем не менее, быстро адаптировались к новой субординации, установленной монгольской администрацией. При этом положение китайских чиновников оставалось шатким: существенный карьерный рост было возможно обеспечить посредством протекции монгольских князей, однако после смерти покровителя карьере в любой момент мог прийти конец.

В докладе Ван Цзинь-пина (Пенсильванский университет, США) «Из семьи в монастырь: неунывающие женщины Северного Китая во время монгольского завоевания XIII в.» были рассмотрены положение женщин и их роль в деятельности даосской школы *цзюаньчжэнь-дао* 全真道 («Учение совершенной истины»). Женщины из знатных чжурчжэньских кланов помогали организаторам даосских школ заручиться поддержкой местных властей, по инициативе женщин из простых семей возводились монастыри для вдов и осиротелых девочек, а жены высокопоставленных чиновников под покровительством женщин из императорской монгольской семьи лично руководили некоторыми направлениями деятельности школы. Культ сохранения целомудрия, пропагандировавшийся конфуцианством, содержал призыв к самоубийству, тем самым принятие даосского пострига в десятилетия смуты и насилия первой половины XIII в. оставалось практически единственной возможностью выжить для вдов и сирот.

Сообщение исследователя Ли Сук-хи (Ратгерский университет, США) было посвящено взаимодействию государства и местных элит в южном Китае во время правления монгольской династии Юань (1271–1368). Автор подверг сомнению стереотипное представление о том, что монголы не привнесли существенных изменений в общественную жизнь Юга, а если и оказали влияние, то только негативное.

Выступления группы ученых из Национального университета Сингапура продемонстрировали новую трактовку некоторых конкретных сюжетов истории династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) на примере деятельности ученых того времени. Так, исследователь Ко Кхи-

хёнг сосредоточился на проблеме взаимодействия неоконфуцианских идей, местных культов и ритуала в среде влиятельного клана Ли, наиболее ярким и талантливым представителем которого был ученый-неоконфуцианец Ли Гуан-ди 李光地 (1642–1718). В докладе профессора **Онг Чанг-вуня** было проиллюстрировано, как напряженная политическая борьба, разжигаемая различиями в риторике Севера и Юга, повлияла на процесс формирования взглядов минского ученого Ли Мэн-яна 李梦阳 (1473–1529), который сформулировал идею о необходимости следования образцам древности и противопоставил ее существовавшей литературной традиции.

Содержание докладов, представленных на подсекции «Новые перспективы в изучении ранних письменных источников», в полной мере отразило основные тенденции и проблемы в изучении огромного массива обнаруженных в процессе археологических раскопок текстов, число которых непрерывно пополняется за счет новых открытий. На секции обсуждались новые подходы методологического и концептуального характера. Немецкий синолог **Энно Гиле** (Гейдельбергский университет, Германия), известный составлением подробного списка опубликованных эпиграфических надписей III в. до н.э. — III в. н.э., резонно обратил внимание на трудности подбора подходящей терминологии в отношении надписей, обнаруженных в погребальных комплексах. Он предложил вычленив из эпиграфического массива надписи, сделанные после смерти погребенного лица, т.е., по словам самого Энно Гиле, «написанные специально для усопшего», в противоположность тем текстам, которые взяли из существовавших при жизни покойного документов и просто перенесли в могилу во время похорон. Он предпринял описание и анализ этой категории надписей и соотнес их с остальной частью текстов, найденных в гробницах.

Буквально детективной историей обернулся доклад молодой исследовательницы **Го Цзюэ** (Гейдельбергский университет, Германия). На основе превосходно сохранившихся бамбуковых дощечек из могилы №2 эпохи Борющихся царств в Баошани она проследила последние годы жизни чиновника по имени Шао То, которые сопровождались постоянными гаданиями и жертвоприношениями, проводимыми из-за обеспокоенности по поводу болезни чиновника. Уникальное сочетание документов административного характера и сакрального назначения позволяет провести детальную реконструкцию всех сфер жизни чиновника Шао То: общественную, личную, политическую и религиозную. Автор предложила новый метод интерпретации погребальных надписей, согласно которому проведение таких практик, как предсказания, жертвоприношения, молитвы, исцеление, имело культурную, социальную и психологическую функции и отражало религиозную жизнь большинства.

На тематической подсекции, посвященной труду и различным профессиям в императорском Китае, были представлены интересные доклады по гендерной проблематике, которая по-прежнему не теряет своей притягательности и актуальности. Авторитетная исследовательница **Харриет Цюрндорфер** (Лейденский университет, Нидерланды), главный редактор журнала «Men, Women and Gender in China», обратилась к казалось бы хрестоматийному сюжету о положении проституток и куртизанок («певичек» — по определению отечественной историографии) в позднеминском обществе. Однако оказалось, что при Мин «певички» вновь, как и в танское время, вращались в среде литераторов и ученых, усилиями которых статус «певичек» в обществе существенно повысился. **Донателла Гуида** (Восточный университет Неаполя, Италия), заместитель главного редактора журнала «Ming-Qing yanjiu», проделав кропотливую работу с широким кругом источников (правовых документов, газет, художественной литературы), показала судьбы служанок императорского дворца цинской эпохи: условия их жизни, обязанности, наказания и поощрения.

Женская тема была продолжена на подсекции «Гендер» в совместном исследовании **Анны Бускетс** и **Мурьель Гомес Прада** (Открытый университет Каталонии, Барселона) «Китайки и японки в испанских текстах XVI–XX вв.», выполненном на стыке таких научных дисциплин, как история, антропология и имагология.

На подсекции «Двоевластие или узурпация?» (секция «Философия») профессор **Майкл Найлон** (Университет Беркли, США), ученица британского сиолога Майкла Лоуи, выступила

с докладом на тему «Императорские дворы Западной Хань: совещательные или абсолютные монархии?». Профессор Ханс ван Эсс (Мюнхенский университет) и исследовательница Беатриса Ларидон (Университет Париж Дидро) также посвятили свои доклады вопросу о характере власти императора и высших сановников в раннеимператорском Китае. Кембриджская школа была представлена профессором Роэлем Стерксом.

В программу секции «История» были включены заседания, посвященные рассмотрению различных проблем истории Китая 1930-х, 1940-х и 1950-х годов, а также тематические подсекции. Очень интересный материал представила в своем докладе финская исследовательница Рика-Леена Юнтунен (Университет Оулу), рассказавшая о деятельности финских миссионеров в провинции Хунань в начале XX в. Ее доклад был основан на уникальных материалах из архива Финского миссионерского общества и вызвал большой интерес у слушателей. Новые архивные документы были использованы и в докладе российского китаевода А. В. Ломанова (Ин-т Дальнего Востока РАН) «Ху Ши в Москве: советский опыт глазами китайского либерала». В 1926 г. известный китайский общественный деятель и мыслитель Ху Ши по пути в Европу провел три дня в Москве, где сумел познакомиться с различными сторонами жизни советского общества, что отразилось в его записях. Докладчик привел очень любопытные оценки, которые были сделаны этим китайским деятелем после пребывания в СССР. Автором доклада также были использованы архивные материалы Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

Исследовательница из Японии Хосино Юкё (Высшая школа языков и культур университета Нагоя) посвятила свой доклад рассмотрению театрально-художественной деятельности Лиги защиты Китая, основанной Сун Цин-лин в Гонконге в 1938 г. Лига активно участвовала в пропагандистской работе в период антияпонской войны китайского народа и сотрудничала как с политотделом Военного комитета гоминьдана, так и с коммунистами. В патриотической работе Лиги принимали участие известные китайские художники, актеры, певцы.

Исследовательница из Испании Анна Бускетс (Открытый университет Каталонии, Барселона) выступила с докладом «Морские силы Чжэн Чэн-гуна: устремления Коксинга и Риччо», в котором представила новые данные о том, что после изгнания голландцев с Тайваня прославленный полководец Чжэн Чэн-гун планировал распространить свое влияние на морские просторы вплоть до Филиппинских островов, находившихся под контролем Испании. Для исполнения своих планов он остановил свой выбор на служившем в провинции Фуцзянь миссионере-доминиканце Викторио Риччо, который по его поручению совершил несколько поездок на Филиппины. Содержание доклада было основано на документах из архивов доминиканского ордена.

Очень интересный ракурс исторической компаративистики был представлен в докладе Моники де Тоньи (Туринский университет, Италия) «Ненасилие в Китае: Мохандас Карамчанд Ганди в китайской прессе». Докладчица показала наличие в Китае разных подходов к оценкам личности и деятельности М. К. Ганди в различные периоды истории.

Себастьян Гериг (Гейдельбергский университет, Германия) остановился на проблемах отношения КНР к двум германским государствам в период «холодной войны».

Большой интерес вызвал организованный в рамках исторической секции «круглый стол» на тему «Изучение отношений Китая и Запада: новые методологические подходы», организованный известным специалистом в области духовных связей Европы и Китая Николасом Стандартом (Лувенский католический университет, Бельгия). В своем докладе Н. Стандарт сделал акцент на анализе уникальных текстов XVII в., написанных китайцами-христианами. Пафос его выступления состоял в выдвижении нового методологического подхода к изучению такого рода источников. Н. Стандарт вводит понятие «in-betweenness» (кит. *jian*) для обозначения тех процессов и явлений, которые наблюдались «между» пластами западной и китайской культур, возникшая в процессе их взаимодействия. Данное методологическое положение и некоторые его аспекты были развиты и обсуждены в выступлениях Надин Амслер (Университет Берна, Швейцария) и Доминика Заксенмайера (Университет Якобс, Бремен, Германия). Доклад и последующие выступления вызвали много вопросов и последующее активное обсуждение.

Не менее оживленная дискуссия развернулась на заседании другого «круглого стола»: «Традиционная картография», в рамках которого было представлено 5 докладов, посвященных различным этапам становления и развития традиционной китайской картографии.

Очень большой интерес у участников конференции ЕАК вызвал «круглый стол», организованный Европейской ассоциацией синологических библиотек. На его заседаниях присутствовало более 70 человек. В докладах **Томаса Табери** (Баварская государственная библиотека, Мюнхен, Германия), **Анне Лабитски-Вагнер** (Гейдельбергский университет, Германия), **Натали Моне** (Национальная библиотека Франции, Париж) и др. были представлены новые современные подходы к организации хранения и использования научной литературы по Китаю, ее систематизации. Речь также шла о создании международных баз данных по Китаю в сети Интернет, включая древние рукописи и ксилографы. Всему этому в настоящее время способствуют большие международные проекты, объединяющие усилия ученых и библиотекарей европейских и азиатских стран.

Среди докладов, представленных на секции «Международные отношения», особый интерес слушателей вызвал доклад **В. Я. Портякова** (Ин-т Дальнего Востока РАН) «Некоторые особенности внешней политики КНР (2009–2011 гг.)», в котором докладчик дал глубокий анализ тех тенденций во внешнеполитическом курсе Китая, которые обозначились в последние годы, и акцентировал внимание слушателей на новых подходах к международным отношениям, предлагаемым китайским руководством. Две исследовательницы из университета г. Коимбра (Португалия) **Кармен Мендес** и **Хелена Родригес** посвятили свои выступления рассмотрению состояния отношений КНР с португалоязычными странами и роли Макао (Аомэня) в структуре отношений ЕС — КНР. А выпускница Восточного факультета СПбГУ, ныне представляющая Университет Квебека (Монреаль, Канада), **Ольга Алексеева**, в своем выступлении проанализировала причины и современное состояние конфликта, который разворачивается сейчас вокруг использования вод реки Меконг.

Вопросы изучения китайской литературы были рассмотрены в более чем 50 докладах на секции «Литература», включавшей в себя целый ряд специализированных подсекций: «Современная литература / Театр / Кино», «Традиционная литература», «Классический театр», «Лусиневедение», «Переводоведение», «Образы Гонконга» и др. Можно отметить, что в большом числе докладов, посвященных современной литературе, рассматривались восприятие иной культуры в китайских литературных текстах, а также вопросы взаимовлияния литератур и гендерным факторам литературного творчества. Обращает внимание доминирование на этих секциях ученых из Тайваня, Франции и Италии. Вместе с тем с литературоведческими докладами выступили и российские ученые из СПбГУ и РГГУ.

Из докладов, представленных на секции «Имагология», посвященной изучению взаимных образов, представлений и стереотипов, стоит обратить внимание на два выступления совсем молодых исследовательниц, положивших в основу своих исследований широкий круг источников на китайском языке. **Рената Винчи** (Университет Сиены, Италия) представила доклад на тему «Сицилия в записях китайских путешественников и трудах по географии (от династии Сун до династии Цин)», а **Цуй Вай** (Китайский университет Гонконга) — доклад «Франция глазами китайского интеллектуала XIX века: дискуссия по поводу трудов Ван Тао (1828–1897) о Франции».

Делегация китаеведов Восточного факультета СПбГУ на конференции ЕАК состояла из четырех человек, представивших следующие доклады: **Н. А. Самойлов** «Маймайчэн и Кяхта в XVIII — первой половине XIX вв.: ключевая точка российско-китайского социокультурного взаимодействия» (секция «История»), **А. А. Родионов** «Сотрудничество Лао Шэ с китайским правым журналом “Вэньи юэкань”» (подсекция «Современная литература»), **А. А. Никитина** «Песня об Оуян Хае: деконструкция “идеального героя”» (подсекция «Литература и имагология»), **Ю. С. Мыльникова** «Женщина как жертва в сексуальных преступлениях и как субъект ответственности в семейных правонарушениях в эпоху Тан-Сун» (секция «Право»).

В рамках конференции были организованы экскурсии в китайский фонд библиотеки Института китаеведения при Коллеж де Франс, а также в музей восточных искусств — Гимэ и музей Чернуски, которые славятся богатейшими коллекциями азиатского искусства.

Работа конференции сопровождалась презентациями последних синологических изданий на французском, английском и китайском языках, организованными ведущими издательствами Европы и Азии. Тезисы докладов были размещены на сайте и опубликованы до проведения конференции.

Следует отметить, что в работе конференции вместе с известными китаеоведами приняло участие немало молодых ученых, уже успешно заявивших о себе исследованиями по целому ряду проблем истории, культуры, экономики, политики и социологии современного и традиционного Китая.

Следующая, юбилейная, XX конференция ЕАК пройдет в 2014 г. в Португалии, причем впервые сразу в двух городах: Коимбра и Брага. На генеральной ассамблее ЕАК в Париже была утверждена заявка СПбГУ на проведение XXI конференции в августе 2016 г. в Санкт-Петербурге, что явилось признанием заслуг и авторитета Санкт-Петербургской синологической школы в Европе и во всем мире. Напомним, что до сих пор конференция ЕАК проводилась в России лишь однажды — в 2002 г. в Москве на базе Института Дальнего Востока РАН.

АННОТАЦИИ

УДК 94

Старовойтова Е. О. **Российская политика в Китае после Русско-японской войны 1904–1905 годов: дискуссии в современной историографии** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 3–9.

Поражение России в Русско-японской войне и заключение Портсмутского мирного договора кардинально изменили расстановку сил на Дальнем Востоке, нанеся значительный урон имиджу Российской империи на международной арене. Наибольший ущерб эти события нанесли отношениям Российского государства с Цинским Китаем. Многие исследования, посвященные истории русско-китайских отношений конца XIX — начала XX в., оканчиваются 1905 г. как рубежом, когда дипломатические связи между двумя соседствующими государствами вступили в затяжной период стагнации. Однако было бы ошибочным полагать, будто две страны, объединенные столь протяженной общей границей, могли полностью изолироваться друг от друга вплоть до самого падения империи Цин.

Ключевые слова: Россия и Китай, Русско-японская война, проблемы внешней политики.

УДК 811.512.1

Дубровина М. Э. **Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 10–17.

Статья посвящена рассмотрению категории падежа в языке ДТРП. Отправной точкой для теоретического осмысления фактов языка ДТРП является идея, согласно которой строй этого языка формируется под влиянием определенной *детерминанты* — *принципа экономии служебных элементов* (концепция Г. П. Мельникова). На основании анализа функций тех падежей, которые встречаются в текстах, делается предположение относительно процесса исторического возникновения каждой формы. Автор предполагает, что очередность появления тюркских падежей зависит от того, насколько «непредсказуем» для носителя языка тот объект, который должен быть выражен с помощью падежного аффикса. То есть первыми падежами, вероятно, были формы, указывавшие объекты, которые были наименее «ожидаемыми», — инструментальный или дательный. Наиболее предсказуемые объектные связи (те, которые передаются винительным или родительным падежами), наоборот, долгое время могли не получать морфологического оформления, а выражаться соположением двух существительных как наиболее экономичным способом.

Ключевые слова: тюркология, грамматика тюркских языков, падеж, рунические надписи.

УДК 811.521'36

Кутафьева Н. В. **Числительные в устойчивых выражениях японского языка** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 18–27.

В статье исследуется категория количества в японском языке на материале фразеологии. В частности, анализируется использование числительных и лексики, содержащей в своем составе морфемы с количественным значением, в устойчивых выражениях японского языка. Рассматриваются коннотации в значении японских числительных в иероглифическом написании, а также факторы, повлиявшие на появление этих коннотаций (заимствования, пришедшие с философскими учениями Китая и буддизмом, влияние английского языка на современном этапе и др.). Описывается, каким образом эти коннотации проявляются в устойчивых выражениях японского языка. Приводится краткий обзор японской и русской литературы, посвященной исследованию идиом японского языка.

Ключевые слова: числительные, устойчивые выражения, количество, японский язык.

УДК 811.521

Мызникова В. В. **Речевое оформление и использование обращений в японском и корейском языках** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 28–34.

Японский и корейский языки располагают всевозможными средствами контакта между общающимися людьми. Одним из таких средств является обращение. Изучение обращений необходимо для описания гонорифической системы японского и корейского языков. Система обращений формируется под влиянием восприятия собеседниками собственных межличностных отношений. Выбор формы обращения несет социальную и культурную информацию о коммуникативной ситуации, говорящем, адресате и их отношениях. С обращения к собеседнику часто начинается речевой контакт, и в силу этого обстоятельства в обращении зачастую задается «тон» всего последующего разговора. Ввиду отсутствия подробного исследования изучение форм обращений в японском и корейском языкознании представляет несомненный интерес со стороны отечественных лингвистов. В данной статье автор подробно описывает использование обращений в современном корейском и японском языках, дает сравнительную оценку исследуемому.

Ключевые слова: обращение, вежливые формы, признак иерархии.

УДК 81(091); 81'374

Гурьян Н. В. **Словарь «Сяо Эръя»: предварительное исследование** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 35–46.

Статья посвящена изучению «Сяо Эръя», наиболее раннего из китайских тезаурусов, составленных после «Эръя». В отечественной синологии этот памятник китайской лексикографии до сих пор специально не изучался. Между тем словарь представляет интерес как продолжатель тезаурусной линии развития, начатой «Эръя». Анализ и описание «Сяо Эръя» ведется автором в сравнении с «Эръя».

Ключевые слова: «Сяо Эръя», «Эръя», древнекитайский словарь-тезаурус, макроструктура, рубрикация, микроструктура, особенности словарных статей.

УДК 94(520).02

Османов Е. М. **Народные воинские формирования периода бакумацу (1854–1867) и разработка доктрины японских вооруженных сил** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 47–57.

Статья посвящена малоизвестным аспектам политической, социальной и военной истории Японии в период бакумацу (1854–1867). Создаваемые в наиболее прогрессивных княжествах юго-западной Японии военные формирования комплектовались из представителей различных социальных слоев, зачастую на добровольной основе, что для Японии эпохи Токугава являлось абсолютно новым явлением. Лежащие в основе организации отрядов принципы после событий мэйдзи исин (1867–1868) были реализованы в качестве военной доктрины Японии, на базе которой создавались централизованные вооруженные силы империи.

Ключевые слова: нохэй, мимпэй, «народная армия», военные формирования, Омура Масудзиро.

УДК 94(5)

Солощева М. А. **Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 58–67.

Мятеж, поднятый кукунорским князем Лобсаном Дандзином против империи Цин в 1723 г., является одним из важнейших событий, повлиявших на расстановку сил в регионе в первой половине XVIII в. Данная статья основывается главным образом на материалах двух современных изданий собраний документов на китайском языке: «Nian geng yao man han zou zhe yi bian» («Собрание донесений Нянь Гэньяо на маньчжурском и китайском языках. Перевод на китайский язык») и «Yong zheng chao han wen zhu ri zou zhe hui bian» («Собрание донесений императору Юнчжэну на китайском языке с комментариями»), а также «Истории Кукунора», написанной современником этих событий Сумба-Хамбо Ешей-Пэлджором (1704–1788) на тибетском языке.

Ключевые слова: Тибет, Китай, Лобсан Дандзин, Цинхай, Кукунор, Юнчжэн, Нянь Гэньяо.

УДК 82

Ляхович А.В. «Эта наша жизнь...»: творческий поиск Шу'аibu Макарфи // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 68–73.

Статья посвящена особенностям творчества патриарха хаусаязычной драматургии Шу'аibu Макарфи. Творчество писателя рассматривается в контексте художественных тенденций, существовавших в литературе Северной Нигерии середины XX в. Приводится подробный анализ пьесы Макарфи «Малам Майдала'илу», в частности проводится сравнение с пьесой «Циновка стыда» (Табармар ку-нья) Адаму Дангогго.

Ключевые слова: хауса, драматургия, Шу'аibu Макарфи.

УДК 821.581

Митькина Е.И. Поэтический сборник цинского поэта Хуан Цзинжэня «Ляндансюань»: история создания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 74–80.

В статье освещена история создания одного из наиболее интересных сборников поэзии эпохи Цин «Ляндансюань», созданного поэтом Хуан Цзинжэнем. Правление императора Цяньлуна, пришедшее на XVIII в., стало временем, когда в огромном количестве появлялись поэтические сочинения и сборники. «Ляндансюань» был одним из самых заметных. Однако это собрание стихотворений Хуан Цзинжэня в жанрах *ши* и *цы* прошло долгий путь, прежде чем приняло законченный вид. В статье подробно рассматривается процесс становления сборника.

Ключевые слова: Китай, поэзия, цинская поэзия, Хуан Цзинжэнь, сборник «Ляндансюань».

УДК 821.21+82.02+801.677.1

Стрельцова Л.А. Непальская поэзия «Третьего измерения» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 81–87.

Статья посвящена становлению модернизма в непальской литературе в 60-е годы XX в. В 1963 г. в Даржилинге под редакцией Тилвикрама Нембанга, известного под псевдонимом Баираги Каинла, выпускается журнал «Tesro Ayam» (Третье измерение). На страницах этого журнала впервые в истории непальской литературы была предпринята попытка сформулировать теоретическую базу для литературных произведений. Целью новых поэтов было придать своим стихотворениям глубину, добавить еще одно, третье измерение, для того чтобы максимально полно отобразить жизнь. В статье рассматриваются модернистские идеи и приемы, которыми пользовались непальские поэты, а также то, как в их произведениях трансформировались традиционные индуистские и западные мифологические образы.

Ключевые слова: Непал, непальская литература, модернизм, «Третье измерение», Ишвар Баллав, Баираги Каинла.

УДК 821.512.36

Туранская А.А. Бурятское издание избранных песнопений Миларэпы (1040–1123) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 88–92.

Йогин и поэт Миларэпа является одним из наиболее почитаемых святых в Тибете, Монголии и Бурятии. Темы, ассоциируемые с его жизнеописанием, серьезно повлияли на развитие тибетского буддизма. «Стандартная» версия его биографии была составлена известным тибетским ученым Цан-нён Херукой (тиб. Gtsang smyon he ru ka /1452–1507), разделившим ее на 2 текста — само жизнеописание (тиб. gnam thar) и «Собрание песнопений» (тиб. mgur 'bum). Сочинения, описывающие деяния и песнопения тибетского йогина, получили широкое распространение в Монголии и Бурятии, оказав существенное влияние на формирование средневековой монголоязычной литературы, в первую очередь агиографии и поэзии. В фонде ИВР РАН хранится несколько экземпляров бурятского ксилографа под названием «Сборник историй из собраний песнопений досточтимого святого Миларэпы». Источниками для составления этого текста, в который включены восемь редких историй об известном тибетском йогине, послужили сочинение Лхацун Ринчен Намгьяла «Шесть ваджрных песнопений

досточтимого Миларэпы и некоторые устные истории [о нем]» и Гурбум Цаннён Херуки. Несмотря на это, сочинение, скорее всего, является письменной фиксацией устных пересказов тибетских историй, а не переводом с тибетского.

Ключевые слова: Гурбум, Миларэпа, бурятское издание.

УДК 811.411.21

Мокрушина А. А. Лингвокультурологический аспект жанра заруды в сирийском фольклоре // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 93–102.

Статья посвящена такому явлению, как праздничные песни — заруды, распространенные на территории Сирии. В статье предложена классификация по тематике праздничных песен, их построению и ситуациям, в которых они традиционно исполняются. В статье также рассматриваются художественные средства, свойственные данному фольклорному жанру, и некоторые традиционные обороты заруд.

Ключевые слова: арабский язык, фольклор, культура, культурологические особенности, лингвистика, свадебный обряд.

ABSTRACTS

Starovoytova E.O. **Russian policy toward China after the Russo-Japanese war (1904–1905): discussions in modern historiography** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 3–9.

Starovoytova Elena O. — post doctoral student, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: e.o.starovoytova@mail.ru

Russia's defeat in the Russo-Japanese war and signing of the Treaty of Portsmouth had a great effect on the political situation across the Far East. Russia lost not only its prestige, but also its international esteem. It also had a considerable negative effect on further development of Sino-Russian relations.

Most of the studies dedicated to the history of Sino-Russian relations of the end of the 19th-beginning of the 20th centuries do not go beyond the year 1905, for it is supposed that after 1905 almost all diplomatic connections between Russian and Chinese Empires came to an end. Still it would be wrong to assume that the two countries sharing common border of considerable length could be isolated from each other until the very collapse of the Qing Empire.

Keywords: Russia and China, Russo-Japanese war, foreign policy issues.

References

1. Samoilov N.A. *Vestn. S.-Peterb. Univ.* Ser. 13. Vostokovedenie, afrikanistika. Issue 2. St Petersburg, 2010, pp.3-15.
2. Luan Jinghe. Jindai yilai Eluosi dui Hua zhengce shulun (Description of Russia's Policy towards China in Modern History). Sino-Russian relations: history and reality. Issue 2. Eds Guan Guihai, Luan Jinghe. Social Sciences Academic Press (China), 2009, pp.55-71.
3. Ignat'ev A.V. *Voprosy Istorii*. 2001. N 6, pp.3-24.
4. Lukoianov I.V. *Voprosy Istorii*. 2008. N 4, pp.49-66.
5. Dobychina E.V. *Voprosy Istorii*. 1999. N 10, pp.127-131.
6. Kiuner N.V. *Snosheniia Rossii s Dal'nim Vostokom na protiazhenii tsarstvovaniia doma Romanovykh* (Russia's relations with the Far East during the reign of the House of Romanov). Vladivostok: Vostochnyi institut, 1914. 58 p.
7. RGIA (Russian State Historical Archive). F.560. Op.45. D.23.
8. Badmaev P.A. *Rossii i Kitai* (Russia and China). St Petersburg: Tipografiia A.S.Suvorina, 1905. 104 p.
9. RGIA (Russian State Historical Archive). F.323. Op.5. D.202.
10. Yun Jizhou. Lun E Ri si ci miyue yu Eguo de Yuandong zhengce (Four Russo-Japanese secret treaties and Russia's Far Eastern policy). The History and Reality of the Sino-Russia Relationship. Henan University Press, 2004, pp.137-150.
11. Rossov P. *Russkii Kitai. Ocherki zaniatiia Kvantuna i byta tuzemnogo naseleniia* (Russian China. Essays Kvantuna lessons and life of the native population). Port-Artur: Izdanie knizhnogo sklada «Novyi krai», 1901. 168 p.
12. Romanov B.A. *Rossii v Man'chzhurii (1892-1906)* (Russia in Manchuria (1892-1906)). Leningrad: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo Instituta imeni A.S.Enukidze, 1928. 605 p.
13. Xu Wanmin. Gengzi Zhong E dongbei zhi zhan fansi lu (Reconsidering Sino-Russian military conflict of 1900). Sino-Russian relations: history and reality. Issue 2. Eds Guan Guihai, Luan Jinghe. Social Sciences Academic Press (China), 2009, pp.245-256.
14. Vitte S.Iu. *Vospominaniia* (Memoirs): v 3 t. Moscow: Skif Aleks, 1994. T.2. 575 p.

Dubrovina M.E. **Evolution of the Turkic category of the case within the systemic linguistics (based on the language of the Old Turkic runic inscriptions)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 10–17.

Dubrovina Margarita E. — Candidat of Philological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: maggydu@rambler.ru

The article is devoted to the category of case of the Old Turkic language. The starting point for a theoretical understanding of the facts of this language is an idea, according to which the structure of this language develops under the principle of economy of affixes (the concept of G. P. Melnikov). Based on the analysis of the functions of the cases that are found in the texts, the author makes an assumption about evolution of each form. The author suggests that the sequence of appearance of the Turkic case forms depend on how “unpredictable” for the speaker the object is, which must be expressed by the case affixes.

It means that the first case forms in the Old Turkic languages were probably those forms that indicated the objects which were the least “expected”, “predictable” from the viewpoint of the speaker. These are such cases as instrumental or dative.

The most predictable relationships between subjects and actions, on the contrary, for a long time was not indicated by the morphological index and could be expressed by the juxtaposition of two nouns as it is the most economic way.

Keywords: Turkology, Grammar of the Turkic languages, case, runic inscriptions.

References

1. Kliashhornyi S.G. *Studia Turcica*. Budapest, 1971, pp.250-261.
2. Kliashhornyi S.G. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaia istoriia Tsentral'noi Azii* (Monuments of Ancient Literature and ethno-cultural history of Central Asia). St Petersburg: Nauka, 2006. 591 p.
3. Kononov A.N. *Grammatika iazyka tiurkskikh runicheskikh pamiatnikov VII-IX vv.* (Grammar of Turkic runic monuments VII-IX centuries) Leningrad: Nauka, 1980. 256 p.
4. Mel'nikov G.P. *Struktura i istoriia tiurkskikh iazykov* (The structure and history of the Turkic languages). Moscow: Nauka, 1971, pp.121-137.
5. Mel'nikov G.P. *Narody Azii i Afriki*. Moscow: Nauka, 1969. N 6, pp.104-113.
6. Guzev V.G. *Ocherki po teorii tiurkskogo slovoizmeneniia. Imia* (Essays on the Theory of the Turkic word change. Name). Leningrad: Izd-vo LGU, 1987. 146 p.
7. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* (Essays in Linguistics). Moscow: Izd-vo inostrannoi lit-ry. 1962, pp.174-203.
8. Karasae Kh. *Trudy instituta iazyka, literatury i istorii Kirgizskogo filiala AN SSSR* (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Kyrgyz branch of the USSR). I (1944). 1945, pp.26-44.
9. Vinogradov V.V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* (Russian language. Grammatical teaching of the word). Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 784 p.
10. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Glossary of linguistic terms). Moscow: Sovetskaiia entsiklopediia, 1966. 607 p.
11. Shakhmatov A.A. *Khrestomatiia po istorii russkogo iazykoznaniia* (Readings on the history of Russian linguistics). Moscow: Vysshiaia shkola, 1973.
12. Mel'nikov G.P. *Issledovaniia v oblasti grammatiki i tipologii iazykov* (Research in the field of grammar and language typology). Moscow: Izd-vo MGU, 1980, pp.39-64.
13. Sepir E. *Izbrannye trudy po iazykoznaniu i kul'turologii* (Selected works on linguistics and cultural studies). Per. s angl.; ed. by i vstup. st. A.E.Kibrika. Moscow: Izdatel'skaia gruppa «Progress»; Univer, 1993. 656 p.
14. Gadzhieva N.Z. *Voprosy iazykoznaniia*. Moscow: Nauka, 1968, N 3, pp.19-30.
15. Gubaidullina M.E. *Materialy konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia prof. V.I.Tsintsius (13-14 oktiabria 2003 g.)* (Materials of the conference dedicated to the 100th anniversary of prof. V.I.Tsintsius (13-14 October 2003)). St Petersburg: Nauka, 2003, pp.88-99.
16. Gubaidullina M.E. *Materialy konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia prof. V.I.Tsintsius (13-14 oktiabria 2003 g.)* (Materials of the conference dedicated to the 100th anniversary of prof. V.I.Tsintsius (13-14 October 2003)). St Petersburg: Nauka, 2003, pp.100-107.
17. Stepanov Iu.S. *Voprosy iazykoznaniia*. 1968. N 6, pp.36-48.

Kutafyeva N.V. **Numerals with quantitative meaning in Japanese idioms** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 18–27.

Kutafyeva Nataliya V. — Candidate of philological sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; e-mail: natasha7362@mail.ru

The article focuses on the category of quantity in the Japanese language on the base of idioms. In particular, it analyzes numerals and words with morphemes with quantitative meaning in Japanese idioms. The author describes connotations in the meaning of numerals written with the help of hieroglyphs and factors which cause these connotations (namely, adoption of Chinese philosophical doctrines and Buddhism, influence of American culture and English language in American variant and etc.). In addition, it describes how these connotative meanings are revealed in Japanese idioms. Moreover the brief overview of Japanese and Russian literature concerning the study of Japanese idioms is given in the article. The results show that connotations in the meaning of numerals are connected only with hieroglyphs and are not presented in numerals and words written with Arabic figures or Japanese alphabet (katakana). The meaning of numerals and lexica with quantitative meaning may be deviated from the basic meaning in the idioms. Words and idioms with quantitative meaning are on the periphery of the category of quantity but in the hieroglyphic culture (Japanese culture) visual pictures are more expressive than words. This thesis is confirmed by considerable number of words and idioms with quantitative meaning in the Japanese language.

Keywords: numerals, idioms, quantity, the Japanese language.

References

1. Siraisi Daiji. Kokugo kan'yoku jiten (Dictionary of Japanese Idioms). To:kyo: To:kyo:do: shuppan. 1977. 664 p.
2. Miyaji Yutaka. Kan'yoku no imi to yo:ho: (Semantic and using of idioms). To:kyo: Meiji shoin. 1982. 391 p.
3. Ito Makoto. Kan'yoku no imi ko:zo: (Semantic structure of idioms). (Tsukuba: Tsukuba daigaku gendaigo gendai bunkagakukei. 1992. N 35, pp. 108-193.
4. Isida Purisila. Nichieigo no taisho: kenkyu: (Comparative study of Japanese and English languages). Tsukuba: Tsukuba o:yo: gengogaku kenkyu:. 1996. Vol. 3, pp. 49-63.
5. Koike Seiji. Kan'yoku no bunseki to sono o:yo: (Analyze of idioms and its applied using). Utsunimiya: Utsunimiya daigaku kokusai gakubu kenkyu: ronshu: . 2003. Vol. 16, pp. 89-104.
6. Yonekawa Akihiko. Nihongo kan'yoku jiten. (Dictionary of idioms of Japanese language). To:kyo: To:kyo: shuppan. 2005. 605 p.
7. Bykova S.A. *Ustoichivye slovosochetaniia v sovremennom iaponskom iazyke* (Set phrases in modern Japanese). Moscow: MGU, 1985. 64 p.
8. Frolova O.P. *Frazeologiya iaponskogo iazyka* (Phraseology Japanese). Novosibirsk: NGU, 1979. 88 p.
9. Zhukova I.V. *Leksikologiya i frazeologiya iaponskogo iazyka: [Istoriia i metodologiya]* (Lexicology and phraseology of the Japanese language [History and Methodology]). Moscow: MGU, 2003. 86 p.
10. Tumarkin P.S. *Leksika, frazeologiya, zhest v iaponskoi razgovornoj rechi* (Vocabulary, phraseology, gesture in Japanese conversation). Moscow: Vostok-Zapad, 2004. 244 p.
11. Gurevich T.M. *Chelovek v iaponskom lingvokul'turologicheskom prostranstve* (The man in the Japanese linguistic and cultural space). Moscow: MGIMO (U) MID, 2005. 330 p.
12. Mal'tseva D.G. *Stranovedenie cherez frazeologizmy* (Regional geography through idioms). M.: Vysshiaia shkola, 1991. 175 s.
13. Rybin V.V. *Fonetika iaponskogo iazyka* (Japanese phonetics). St Petersburg: Giperion, 2012. 343 p.
14. Crump Tomas. *The Japanese Number Game: The Use and Understanding of Numbers in Modern Japan*. London; New York: Routledge, 1992. 201 p.
15. Minami Kiyohiko. *Meisu: egaki jiten* (Picture Dictionary of Japanese words containing numerals). To:kyo: Morimoto insatsu. 2001. 389 p.
16. Mori Mutsuhiko. *Kazu no tsuku nihongo jiten* (Dictionary of Japanese words containing numerals). To:kyo: To:kyo:do: insatsu. 1999. 342 p.
17. Takashima Taiji. *Kotowaza no izumi* (Origin of sayings). To:kyo: The Hokuseido Press. 1981. 420 p.
18. *Poslovitsy i pogovorki Iaponii* (Japanese proverbs and sayings). Moscow, 2007. 318 p.
19. Kanemitsu Jinzaburo. *Su:gaku no shimboru*. (Numeral symbols). To:kyo: Gengo. Vol. 28. N 10. 1999, pp. 72-78.
20. Tamura Fumio. *Su:shi josu:shi o megutte*. (Numerals and Classificators). To:kyo: Nihongogaku. Vol. 5. N 8. 1986, pp. 4-12.

Myznikova V.V. **Addresses in Japanese and Korean: means of expressing and their usage** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 28–34.

Myznikova Valeriya V. — Applicant, Saint Petersburg State University; Assistant professor, Far Eastern Federal University, Russian Federation; e-mail: plyaskina_valeri@mail.ru

The Japanese and Korean languages have a wide range of means of making contact between communicating people. One of such means is the address. Studying of addresses is necessary to describe honorific system of the Japanese and Korean languages. The system of addresses is formed under the influence of perception by interlocutors of their interpersonal relationships. The choice of a form of the address is determined by social and cultural factors of the communicative situation, a speaker, an addressee and their relationships. Speech contact often begins with addressing the interlocutor, and, owing to this, the address reveals the “tone” of all conversation. Due to the lack of in-depth researches it is of interest to Russian Linguistics to study the forms of addresses in Japanese and Korean languages. The article describes the usage of addresses in the modern Korean and Japanese languages and presents a comparative analysis of the data.

Keywords: address, polite forms, sign of hierarchy.

References

1. *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary). Ed. by V.N. Iartseva. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998. 685 p.
2. Shcherbinina I.V. *Kommunikativnaia sushchnost' obrashchenii kak sredstva obshcheniia v iazykoznanii* (Communicative nature of appeals as a means of communication in linguistics): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2007. 26 p.
3. Formanivskaia N.I. *Russkii rechevoi etiket: Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* (Russian speech etiquette: Linguistic and Methodological Aspects). Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 160 p.

4. Kaplan T.Iu., Deriugina T.S. *Rechevoi etiket sovremennogo koreiskogo iazyka* (Speech etiquette of modern Korean): ucheb. posobie dlia studentov 4 kursa. Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU, 2003. 134 p.
5. Krongauz M.A., Takakhasi K. *Trudy kul'turnoi antropologii: Pamiati Grigoriia Aleksandrovicha Tkachenko* (Proceedings of Cultural Anthropology: Memory Grigory Tkachenko). Moscow, 2002, pp.252-274.
6. Skorbatyuk I.D. *Natsional'no-kul'turnaia spetsifika rechevogo povedeniia* (Cultural identity of verbal behavior). Moscow: Nauka, 1977, pp.306-319.
7. Svinina N.M. *Delovoi stil' iaponskogo iazyka v ustnoi forme* (Japanese business style orally): dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2008. 200 p.
8. Veinberg N.M. *Iaponskie chteniia v Sankt-Peterburge. Issue 1. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Iaponskii iazyk: perspektivy nauchnogo issledovaniia»* (Japanese reading in St. Petersburg. Issue 1. Proceedings of the conference "Japanese: prospects of scientific research"). Ed. by kand. filol. nauk, dots. Poliakovoi K.V. St Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2009, pp.14-20.
9. Alpatov V.M. *Iaponiia: iazyk i obshchestvo* (Japan: Language and Society). Moscow: Muravei-Gaid, 2003. 200 p.
10. Morino Toyosaki. Ofisu de tsukau biznesu nihongo 2300 (Japanese office). Tokyo, 1993. 825 p.
11. Kirino Natsuo. *Sabiru kokoro* (Rusted heart). Tokyo, 2000. 249 p.
12. Ovchinnikov V.V. *Vetka sakury: Rasskaz o tom, chto za liudi iapontsy* (Sakura: The story of what kind of people the Japanese). Moscow: Molodaia gvardiia, 1988. 219 p.
13. Hangugo 4. *Hangugo munhwa yeonsubupyeon* (Annual collection of Korean short stories). Koryeotaehakkyo. Minjok munhwa yeonguso, 2003. 165 p.
14. Hangugo 2. *Hangugo munhwa yeonsubupyeon* (Annual collection of Korean short stories). Koryeotaehakkyo. Minjok munhwa yeonguso, 2003. 192 p.

Gurian N.V. **Xiao Erya: a preliminary study of the dictionary** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 35–46.

Gurian Nataliya V. — Candidate of Philology, Doctoral degree fellow, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Associate professor, Far Eastern Federal University, Russian Federation; e-mail: guryan-natalia@yandex.ru

The main aim of this paper is to analyze and define characteristics of the ancient Chinese dictionary "Xiao Erya", which is the earliest one compiled after the first Chinese dictionary "Erya". Owing to its limited vocabulary and disputable authenticity of origin, "Xiao Erya" has never been as widely recognized as the "Erya". The researchers used to limit their studies to specific issues, for example, the origin of the dictionary or its brief description. In addition, the scientific interest to the "Xiao Erya" is being warmed up by lasting debates on its authorship and dating issues. However, detailed lexicographic analysis of this thesaurus has never been carried out up to the present day.

As for Russian Sinology, "Xiao Erya" has hardly ever become the subject of the fundamental and systematic research. Meanwhile, it is of current interest as one of the earliest Chinese thesauruses, continuing the tradition started by the "Erya". The present article focuses on its format and compiling style in comparison with the "Erya". The author concludes that the "Xiao Erya" system of lexical items organization as well as the ways of their interpreting and defining in general have been inherited from its predecessor "Erya". At the same time, the dictionary's macro-structure obviously has evolved showing the beginning of the transformation of Chinese thesaurus structure.

Keywords: "Xiao Erya", "Erya", ancient Chinese thesaurus dictionary, macrostructure, thematic layout, microstructure, features of the dictionary entries.

References

1. Yang Lin. "Xiao Erya" jin zhu. Shanghai: hanyu dacidian chubanshe, 2002. 293 p.
2. Dou Xiuyan. *Zhongguo yaxue shi*. Jinan: Qilu shushe, 2004. 424 p.
3. Fangyan jiaojian. Zhou Zumo jiaojian. Beijing: Zhonghua shuju, 2004. 238 p.
4. Xiao Er Ya. Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/xiao-er-ya>.
5. Huang Huaixin. Yi bu hen you jiazhide gudian cishu — "Xiao Erya". Cishu yanjiu. 1998. N 1. P.102-124.
6. He Jiuying. *Zhongguo gudai yuyanxue shi*. Zhaoqing: Guangdong jiaoyu chubanshe, 1985. 448 p.
7. Gak V.G. *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary). Ed. by V.N.Iartsev. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998, pp.462-464.
8. Solntseva N.V., Solntsev V.M. *Aktual'nye problemy kitaiskogo iazykoznanii: Materialy VII vseros. konf.* (Actual problems of Chinese Linguistics: Proceedings of the VII All-Russia. Conf.) Moscow, 1995, pp.115-123.
9. Guo Qinna. *Xunguxue*. Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2005. 285 p.
10. Shitszin. *Kniga pesen i gimnov* (The Book of Songs and hymns). Per. A.A.Shtukina (Seriia «Literaturnye pamiatniki»). Moscow; Leningrad: Nauka, 1957. 616 p.

11. Guan Xihua. Erya yanjiu. Hefei: Anhuidaxue chubanshe, 1996. 267 p.
12. Index to Er Ya. [Hafo Yanjing da xue tu shu guan yin de bian zuan chu; Hong Ye ... et al.]. Taipei: Distributed by Chinese Materials and Research Aids Service Center, 1966. 129 p.
13. Gurian N.V. *Stroenie pervogo kitaiskogo slovaria "Er"ia i kitaiskaia filologicheskaiia traditsiia* (The structure of the first Chinese dictionary "Erya" and the Chinese philological tradition): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.22. Moscow, 2009. 212 p.
14. Gurian N.V. *Vestn. S.-Peterb. Univ.* Ser. 13. 2011. Issue 3, pp.23-30.

Osmanov E.M. People's military units of bakumatsu period (1854–1867) and the creation of a doctrine of the Japanese armed forces // *Vestnik St.Petersburg University.* Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 47–57.

Osmanov Evgeny M. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: osmanov1979@mail.ru

The article is devoted to some unknown aspects of political, social and military history of Japan during the bakumatsu period (1854–1867), namely to an absolutely new phenomenon for Tokugawa Japan: creating military units by recruiting from different social strata, often on a voluntary basis, that was a particular feature of the most progressive south-western Japanese regions.

The development of Nohei theory features several important stages and was practically realized in the form of people's army (mimpei). So, at first peasants were recruited forcibly, but from 50s of XIX century in the south-western Japanese regions troops started to be recruited on a voluntary basis. A period of 1860s was very useful for creation of these units as it was a time when a real encounter with aliens started and internal political struggle took a radical form. Thus, it was revolutionary for the-then era to adopt voluntary approach which created the conditions for professional implementation of advanced Western military art, and, ultimately, allowed to defeat the units which fought on the Bakufu side.

The principles of organization of the units after the events of the Meiji Ishin (1867–68) were implemented as a base of military doctrine in Japan, which became fundamental for the Great Japan armed forces.

Keywords: nohei, mimpei, "people's army", military forces, Omura Masujiro.

References

1. Meshcheriakov A.N. *Imperator Meidzi i ego Iaponiia* (Emperor Meiji and his Japan). Moscow: Natalis, 2006. 735 p.
2. Toyama Shigeki. Meiji Ishin. Iwanamizenshyo, 1973. 366 p.
3. Toyama Shigeki. Meiji Ishin (The Collapse of Japanese Feudalism). Transl. by V.P.Alekseev. Moscow, 1959. 364 p.
4. Osmanov E.M. «Modernizatsiia i traditsii»: XXVI mezhdunarodnaia konferentsiia po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki («Modernization and tradition»: XXVI International Conference on the historiography of Asia and Africa). St Petersburg: SPbGU, 2011. 480 p.
5. Vradii S.Iu. *Vestnik DVO RAN.* 2005. N 4, pp. 80-84.
6. Sansom G.B. The Western World and Japan. London: Cresset Press, 1950. xvi, 543 p.
7. Inoue Kiyoshi. Nihon kindaiishi. Meiji ishin (History of Modern Japan. Meiji ishin). Tokyo, 1955. 250 p.
8. Brown D.M. Nationalism in Japan. An Introductory Historical Analysis. Berkeley: Univ. of California Press, 1955. 278 p.
9. Hirao Mitio. Koti han no minpei seido (Minpei System in Koti Domain). Tosa shidan (A stories about history of Tosa domain). Tosa shidankai, 1935. N 35, pp.44-57.
10. Norman G. *Vozniknovenie sovremennogo gosudarstva v Iaponii. Soldat i krest'ianin v Iaponii* (The emergence of the modern state in Japan. Soldier and Peasant in Japan). Per. s angl. P.P.Topekha. Moscow: Vostochnaia literatura, 1961. 296 p.
11. Sakamoto Inunosuke. Tentyugumi. Rekishi gunzo (Monumental History). N 12. 2006, pp.141-166.
12. Ooka Shyoei. Tentyugumi. Kodansha. 1992. 454 p.
13. Akashe Hiroshi. «Kabushiki gaisya» Nagasaki dejima («Corporations» on Dejima in Nagasaki). Kodansha, 2005. 321 p.
14. Toyama Mikio. Nagasaki rekishi no tabi (A Travel on Nagasaki History). Asahishinbunshya, 1990. 199 p.
15. Bakumatsu eiketsu roku (A Records about Heroes of Bakumatsu Period). URL: [http:// www.bakusin.com/eiketu](http://www.bakusin.com/eiketu) (accessed: 22.11.2010).
16. Kiheitai nikki (Kiheitai Diaries). Vol. 1-4. Kyodaigakushuppankai, 1971. 2054 p.
17. Konrad N. I. *Izbrannye trudy. Istoriia* (Selected works. Story). Moscow: Nauka, 1974, pp. 188-199.
18. Кихэйтай (Soviet Historical Encyclopedia). Moscow, 1965. T.7, p. 390.
19. Craig A. Chôshû in the Meiji restoration. Lexington Books, 2000. 456 p.
20. Harada Tomohiko. Hisabetsu buraku no rekishi (History of Buraku Discriminated People). Asahishinbunshya, 1973. 246 p.
21. Emily A. Su-lan Reber. Buraku mondai in Japan. Historical and Modern Perspectives and Directions for the Future. Harvard Human Rights Journal. 1999. N 12, pp. 297-360.

22. Khanin Z.Ia. *Parii v iaponskom obshchestve* (Pariah in Japanese society). Moscow: Nauka, 1980. 250 p.
23. Hoya Toru. Gunbi jijyo ni miry bakumatsu shyohan (Domains of Bakumatsu Period in their Military Forces state). *Rekishi tokuhon* (Historical Anthology). November, 2003.
24. Thomas M. Huber. *The Revolutionary Origins of Modern Japan*. Stanford University Press, 1981. 272 p.
25. *Zenkoku bakumatsu ishin jinbutsu jiten* (Dictionary of Historical Figures of Bakumatsu and Isin Periods). Gakushyukenyusha, 2010.
26. Haraguchi Izumi. *Kagoshimaken no rekishi* (History of Kagoshima Prefecture). Yamagawashyuppansha, 1999.
27. *Bakumatsu ishin shyotai ikkan* (Review of Military Squads in Bakumatsu and Isin Periods). URL: <http://homepage1.nifty.com/kitabatake/rekishi26.html>. (accessed: 25.12.2010).

Soloshcheva M. A. **The Koko Nor Rebellion of 1723–1724 and its place in the history of Tibet** // *Vestnik St. Petersburg University*. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 58–67.

Soloshcheva Mariya A. — Post doctoral student, Assistant Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: mary1685@mail.ru

The rebellion against the Qing Empire initiated by a Gushi Khan's grandson Lobsang Danjin in 1723–1724 was an important event not only in the history of Koko Nor (Qinghai) but it also influenced the situation in Jungaria and Tibet. It would not be an exaggeration to regard the suppression of this rebellion by the Manchus as a pivotal event in the history of the eastern Inner Asia.

The present article is mainly based on two modern editions of the collected documents in Chinese: “Nian geng yao zou zhe” (“The memorials of Nien Kêng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum”) and “Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian” (“The collection of the reports to emperor Yongzheng in Chinese with comments”), as well as “The annals of Kokonor” written in Tibetan by Sumpa-kenpo Yeshé-Palor who witnessed these events.

The futile rebellion by Lobsang Danjin was a response to the establishment by military force of the Qing rule in Lhasa in 1720. However, he was not supported by the Jungars and even by the majority of the Hoshot Mongols, his compatriots. In the course of the warfare many Tibetan lamas were massacred and their monasteries were destroyed.

Thus the descendents of Gushi Khan had to abandon their claims for the kingship of Tibet, and the suppression of Lobsang Danjin's rebellion marked the final shift of power over Tibet to the Qing emperors of China. The Yongzheng emperor ably used the conquest of Koko Nor to achieve a firm control over Tibetan population and Buddhist clergy. However, by rebuilding the destroyed monasteries and by executing the Chinese military commander Nian Gengyao he maintained his image of a defender of the Yellow Faith.

Keywords: Tibet, China, Lobjang Danjin, Qinghai, Kokonor, Yong Zheng, Nian Gengyao.

References

1. Uspenskii V.M. *Strana Kuke-nor ili Tsinkhai s pribavleniem kratkoi istorii oiratov i mongolov. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniiu etnografii* (Country Kuke Qinghai-nor or with the addition of short stories and Oirat Mongols. Notes of the Imperial Russian Geographical Society in the department of ethnography). T. 6. 1880, pp. 57-196.
2. *Istoriia Kukunora, nazyvaemaia «Prekrasnye noty iz pesni Brakhmy»*. *Sochinenie Sumba Khambo* (Kukunor story, called "Beautiful music from the song of Brahma". Essay Sumba Hambo). Per. s tib., vved. i primech. B.D.Dandarona. Moscow: Nauka, 1972. 166 p.
3. *The annals of Kokonor*. Ho Chin Yang (tr.). Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. 125 p. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 106.)
4. Katô Naoto. *Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion*. *Acta Asiatica*. N 64. Tokyo, 1993, pp. 57-80.
5. Shu-hui Wu. *Die Eroberung von Qinghai unter Beruecksichtigung von Tibet und Khams 1717-1727. Anhand der Throneingaben des Großfeldherrn Nian Gengyao*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 S.
6. Shakabpa V.D. *Tsepon. Tibet: Politicheskaiia istoriia* (Tsepon. Tibet: A Political History). St Petersburg: Nartang, 2003. 428 p.
7. Petech L. *China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet*. Leiden: E.J.Brill, 1972. 309 p.
8. Ahmad Z. *Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century*. Serie Orientale Roma. Vol. XL. Roma: Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970, pp. 155-167.

9. *Qin ding wai fan meng gu hui bu wang gung biao zhuan* (A topographical and historical study of the frontiers of Inner and Outer Mongolia, Sinkiang, and Tibet). Manuscript collection of the library of the Faculty of Asian and African Studies SPbGU. Code Xyl F-11.

10. *Lcan skya-Qututqtu Rol pa'i rdo rje'i Rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma* (Biography of the Seventh Dalai-Lama by Lcan skya-Qututqtu Rol pa'i rdo rje). Manuscript collection of the library of the Faculty of Asian and African Studies SPbGU. Code T-229/2.

11. Kolmaš J. A Chronology of the Ambans of Tibet. Ihara Shoren and Yamaguchi Zuiho (eds.). Tibetan Studies: Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Narita 1989. Vol.1: Buddhist Philosophy and Literature. Vol.2: Language, History and Culture. Narita: Naritatan Shinshoji, 1992 (Monograph Series of Naritatan Institute for Buddhist Studies, Occasional Papers 1&2), pp. 541-549.

12. Ishihama Yumiko. New Light on the "Chinese Conquest of Tibet" in 1720 (based on the new Manchu sources). Proceedings of the 7th Seminar of the international Association for Tibetan Studies. Vol.1: Tibetan studies. Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1997, pp. 419-426.

13. *Nian geng yao man han zou zhe yi bian* (A collection of confidential memorials of Nian geng yao in Manchurian and Chinese language. Translated into Chinese). Tianjin, 1995. 368 p.

14. *Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian* (A collection of confidential memorials presented to the Yongzheng emperor in Chinese language with commentaries). Beijing, 1989. T. 1. 995 p.

15. Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Kêng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Republic of China, Shih-lin, Taipei, 1971. 399 p.

Lyakhovich A. V. "These times of ours...": the creative search of Shu'aibu Makarfi // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 68–73.

Lyakhovich Anastasiya V. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: anastasia_07007@mail.ru

The article analyses creative writing of Shu'aibu Makarfi, known as Grandfather of Hausa drama. The works by Makarfi are examined in the context of main trends of early literary process in Northern Nigeria. The article presents an in-depth analysis of the play "Malam Maidala'ilu" in comparison with "Tabar mar kunya" by Adamu Dangoggo. Creative approach to writing successfully developed by Makarfi lied in different spaces. Regarding himself as a teacher he touched upon important social issues inherent to city life. Makarfi was one of those pioneers who got involved into a new form of mass communication, e.g. radio broadcasting, being deeply conservative person he managed to adapt this medium so that it could serve as an arena for social dialogue. Traditionally it was religious literature to cumulate and spread significant moral values.

Keywords: Hausa, drama, Shu'aibu Makarfi.

References

1. Makarfi Sh. Zamanin nan namu. Amana Printing&Advert. Ltd, 2007. 88 p.
2. Sheme I. Shu'aibu Makarfi — Grandfather of Hausa Drama. 10.01.2008. URL: <http://ibrahim-sheme.blogspot.com/2008/01/shuaibu-makarfi-grandfather-of-hausa.html> (accessed: 01.09.2012).
3. Makarfi Sh. Malam Maidala'ilu. Zamanin nan namu. Amana Printing & Advert. Ltd, 2007, pp.1-25.

Mitkina E. I. Collection of Huang Jingren's poetry "Liangdangxuan": the process of its formation // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 74–80.

Mitkina Evgeniya I. — Senior lecturer, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: yevgeshamit@yandex.ru

The article deals with the history of formation of one of the most fascinating Qing dynasty poetry collection — Huang Jingren's "Liangdangxuan". The reign of Qianlong emperor during the 18 century was a time when many poems and collections of poetry appeared. "Liangdangxuan" was of the most outstanding collections. But this collection of Huang Jingren's shi and ci poetry had a long way to take its final and complete form. This article presents an in-depth analysis of the process of its formation.

Keywords: China, poetry, Qing poetry, Huang Jingren, poetry collection "Liangdangxuan".

References

1. Hong Liangji. Huangjun xing zhuang. Huang Zhongze yanjiu ziliao (Postmortem biography of Mr.Huang. Research materials dedicated to Huang Zhongze). Shanghai guji chubanshe, 1986, pp 4-7.

2. Qing wen guan zhi (Masterpieces of Qing literature). Changsha, 1991. 514 p.
3. Huang Zhongze yanjiu ziliao (Research materials dedicated to Huang Zhongze). Shanghai guji chubanshe, 1986. 624 p.
4. Liangdangxuan ji (Collection Liangdangxuan). Shanghai guji chubanshe, 1998. 688 p.

Streltcova L. A. **Nepali poetry of the “Third Dimension” movement** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 81–87.

Streltcova Liliya A. — Post doctoral student, Assistant Professor, Research assistant, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: liliboridko@gmail.com

This article deals with the origin of the modernist literary movement in Nepali literature in the 1960's. In 1963 a new periodical, entitled «Tesro Ayam» (Third Dimension), appeared in Darjeeling. Tilvikram Nem-bang, known under his pen-name Bairagi Kainla, was an editor of this periodical and published his own poems in it alongside with poems by Ishwar Ballabh and stories by Indra Bahadur Rai. For the first time in the history of Nepali literature a small group of Nepali writers made an effort to formulate a coherent literary theory related to their works. These new poets aimed at adding a deep meaning and extra third dimension to their works in order to reproduce real life as an indivisible entity. Bairagi Kainla and Ishwar Ballabh declared an abandonment of conventional allegories, metaphors and symbols. But from their works it becomes clear that they did not break with tradition completely and continued to use traditional poetic vocabulary due to it conveys now non-conventional meaning. In this article modernist ideas and stylistic devices of Nepali poets are considered, with transformation of the traditional Hindu and Western mythological images in their poems being analysed.

Keywords: Nepal, Nepali literature, Modernism, «Third Dimension», Ishwar Ballabh, Bairagi Kainla.

References

1. Tripathi V., Nyopane D., Suvedi K. Nepali kavita. Bhag 4. Lalitpur, 2008. 303 p.
2. Temkin E., Erman V. *Mify Drevnei Indii* (Myths of Ancient India). M., 2002. 624 p.
3. Aganina L.A. *Kul'tura Nepala. Traditsii i sovremennost'* (Culture of Nepal. Tradition and modernity). St Petersburg: Aleteia, 2001, pp.130–172.
4. Hutt M.J. Himalayan voices: an introduction to modern Nepali literature. University of California Press, Berkeley, 1991. 335 p.
5. Bairagi Kainla. Mateko Manchheko Bhashan: Madhyarat Pachhiko Sadak Sita. URL <http://sanjaal.com/nepalipoems/5398/bairagi-kainla/bairagi-kainla-mateko-manchheko-bhashan-madhyarat-pachhiko-sadak-sita/> (accessed: 6.08.2012).
6. Genendra Man Amatya. Religious life in Nepal. Part one. Kathmandu, 1998. 248 p.
7. Garin I.I. *Vek Dzhoisa* (Century Joyce). Moscow, 2002. 848 s.
8. Eliot T.S. *Naznachenie poezii. Stat'i o literature* (Purpose of poetry. Articles on literature). Kiev, 1996. 350 p.
9. Senkevich A.N. *Obshchestvo. Kul'tura. Poeziia* (Society. Culture. Poetry). Moscow, 1989. 229 p.
10. Vishnevskaya N.A. «Chkhayavad» («Chhayavad»). M., 1988. 139 p.
11. *Induizm. Dzhaizizm. Sikkhizm* (Hinduism. Jainism. Sikhism). Eds M.F.AI'bedil', A.M.Dubianskogo. Moscow, 1996. 576 p.

Turanskaya A. A. **Buryat edition of selected songs of Milarepa (1040–1123)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 88–92.

Turanskaya Anna A. — applicant, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: turanskaya@mail.ru

Milarepa, a mediator and poet, is regarded as a great saint in Tibet, Mongolia and Buryatia. The themes, associated with his biography, have had a profound effect on the development of Tibetan Buddhism. The “standard” version of his biography was compiled by famous Tibetan scholar Tsang Nyon Heruka (tib. Gtsang smyon he ru ka /1452–1507), who presented it in two texts- the life story (tib. rnam thar) and “Collection of songs” (tib. mgur ‘bum). The texts describing deeds and songs of Tibetan yogin were widely spread in Mongolia and Buryatia and had an impact on development of Mongolian medieval literature, especially hagiography and poetry. Several copies of Buryat xylograph “Collection of Stories from the Cycles of Songs of the Reverend Saint Milarepa” are kept in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The text, containing eight rare stories about the renowned Tibetan yogin, was compiled on the base of two

Tibetan texts: “Six vajra songs of Reverend Milarepa and some oral traditions” by Lhatsun Rinchen Namgyal (tib. Lha btsun rin chen rnam rgyal /1473–1557/) and Tsang Nyon Heruka’s “Gurbum”. However the Buryat text appears to be a written variant of oral tradition of Tibetan stories rather than a translation from Tibetan.

Keywords: Gurbum, Buryat edition, Milarepa.

References

1. Ellington T.J. The Mandala of Sound: Concepts and Sound Structures in Tibetan Ritual Music. Ph.D. dissertation. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1979. 273 p.
2. Sazykin A.G. *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniia RAN* (Catalogue of Mongolian manuscripts and block-prints of the Institute of Oriental Studies). T.2. Moscow: Vostochnaia literatura, 2001. 415 p.
3. Čoyijilsürüng. Buriyad modon bar-un nom-un tabun yarčiy. *Studia Mongolica*. Vol.I (16). 1959, pp.3-14.
4. Klepikov S.A. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII-XX vv.* (Watermarks and stamps on paper of the Russian and foreign production XVII-XX centuries) Moscow: Izd-vo Vsesoiuznoi Knizhnoi palaty, 1959. 152 p.
5. Getülgegči milarasba boyda-yin mgur-ud-ača kedüi jüil tegüjü bičigsen orosibai:: (Some sections selected from the songs of the reverend saint Milarepa). Buryat xyl., Saint-Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Science, Q 653, accession no. 4013, 20 ff.
6. Rnal 'byor gyi dbang phyug chen po mi la ras pa'i rnam mgur (Namthar and Gurbum of Milarepa, the great lord of the yogins). Peking, 2005. 846 p.
7. Aalto P. A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature. Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 38. Stockholm, 1953, pp. 69-108.
8. Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 220 S.
9. Heissig W. Mongolische Handschriften Blockdrucke Landkarten. Wiesbaden: Franz Steiner, 1961. 494 S.
10. Heissig W. Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs. Copenhagen: The Royal Library, 1971. 360 p.
11. Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo, 2001. 156 p.
12. Getülgegči milarasba-yin tuyuži delgerenggüi ilyaysan 'bum dayudal kemegdekü orosiba (The detailed biography of the savior Milarepa called “Gurbum”). Buryat manuscript, Mongolian Nation Library, no. 2574, 376 ff.
13. Gambo'ba-yin namtar: getülgegči milarasba-yin tuyuži delgerenggüi ilyaysan 'bu'm dayulal-ača abču bičlen naran metü šabi sg'ambo'ba otoči bayši-yin namtar:: (Namthar of Gampopa. The biography of the sun-like disciple [of Milarepa] Gampopa Dagpo from Gurbum, telling in details the biography of the reverend saint Milarepa). Manuscript, Mongolian Nation Library, no. 5256/96, 84 ff.
14. Chiudo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarboxyn Balgas oin the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. P.2. Harrowitz Verlag, 2009. 457 p.
15. Rje btsun mi la ras pa'i rdo rje'i mgur drug sogs gsung rgyun thor bu ba 'ga' bzhugs so (Some miscellaneous oral traditions including the reverend saint Milarepa's Six Vajra Songs). Tibetan Buddhist Resource Center. — Digital Library. URL: www.tbrc.org
16. Cuttillo B. Miraculous Journey. Further stories and Songs of Milarepa, Yogin, Poet, and Teacher of Tibet. Thirty-seven selections from a rare collection: Stories and Songs from the Oral Tradition of Jetsun Milarepa. LOTSAWA, 1986. 232 p.
17. Cuttillo B. Drinking from the Mountain Stream: Songs of Tibet's Beloved Saint, Milarepa: eighteen selections from the rare collection: Stories and Songs from the Oral Tradition of Jetsun Milarepa. Wisdom Publications, 1995. 183 p.
18. Clemente M. Colophons as Sources: Historical Information from some Brag dkar rta so xylographies. *Rivista di Studi Sudasiatici*. 2007, pp.121-159.

Mokrushina A. A. **Linguistic and cultural aspect of zagruda genre in Syrian folklore** // *Vestnik St. Petersburg University*. Ser. 13. 2013. Issue 1. P. 93–102.

Mokrushina Amaliya A. — Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, Saint Petersburg State University, Russian Federation; e-mail: kodzika@inbox.ru

The article “Linguistic and cultural aspect of zagruda genre in Syrian folklore” is devoted to the phenomenon of holiday songs — zagrudas, which are widespread in Syria. The article presents a classification of holiday songs, their structure, and situations in which they are traditionally performed. The article also examines stylistic devices specific to this folk genre and traditional zagruda composition.

Zagruda as a festive song is performed on various occasions — birth, circumcision, Hajj and wedding. Wedding zagrudas are more widespread than other types of folk genre. Zagruda is traditionally regarded as

one of the genres of folk songs, but there are several features which distinguish it from the song, it is primarily reflected in its melodies.

Nowadays a lot of customs have been disappearing from people's memory. However, zagruuda genre persists to our days acquiring new forms.

Keywords: Arabic, folklore, culture, cultural characteristics, linguistics, wedding ceremony.

References

1. Baranov Kh.K. *Bol'shoi arabsko-russkii slovar'* (Large Arabic-Russian dictionary). Moscow: Zhivoi iazyk, 2006. 936 p.
2. Arabic dictionary. URL: <http://www.baheth.info/all.jsp> (accessed: 15.08.2012).
3. Yasiin Abd ar-Rahiim. *Mawsuu'at al-'ammiya as-suriya. Dirasaat lugawiya nakdiya fii at-tashihi wa at-ta'siil wa al-muwallid wa ad-dahiil*. Vol.1-4. Damascus: 2003. 1711 p.
4. Muhammad Haalid Ramadaan. *Zagruuda. Diraasaat fii az-zagruuda ash-sha'biya as-suriya*. Damascus: 2009. 252 p.
5. 'Ajjaj 'Aazir az-Zahd. *Zagaariid wa ginaa'i*. Damascus: 2006. 217 p.
6. Fokeev A. L. *Fol'klor i literatura* (Folklore and Literature). URL: <http://www.licey.net/lit/istok/base> (accessed: 15.08.2012).

CONTENTS

Russia and the East

<i>Starovoytova E. O.</i> Russian policy toward China after the Russo-Japanese war (1904–1905): discussions in modern historiography.....	3
---	---

Linguistics

<i>Dubrovina M. E.</i> Evolution of the Turkic category of the case in terms of the systemic linguistic (based on the language of the Ancient Turkic runic inscriptions)	10
<i>Kutafyeva N. V.</i> Numerals and words with quantitative meaning in Japanese idioms.....	18
<i>Myznikova V. V.</i> Speech registration and use of addresses in Japanese and Korean	28

History and Source Studies

<i>Gurian N. V.</i> Xiao Erya: A preliminary study of the dictionary	35
<i>Osmanov E. M.</i> People military units of bakumatsu period (1854–1867) and the creation of a doctrine of the Japanese armed forces	47
<i>Soloshcheva M. A.</i> The Significance of the Koko Nor Rebellion of 1723–1724 in the History of Tibet	58

Literary Studies

<i>Lyakhovich A. V.</i> “These times of ours...”: the creative search of Shu’aibu Makarfi.....	68
<i>Mitkina E. I.</i> Collection of Huang Jingren’s poetry “ <i>Liangdangxuan</i> ”: history of formation.....	74
<i>Streltcova L. A.</i> Nepali poetry of the “Third Dimension” movement.....	81
<i>Turanskaya A. A.</i> Buryat edition of selected songs of Milarepa (1040–1123)	88

Geocultural Spaces and Codes of the Cultures of Asia and and Africa

<i>Mokrushina A. A.</i> Linguistic cultural aspect of zagruda genre in Syrian folklore.....	93
---	----

Book Reviews

<i>Osmanov E. M.</i> Review of the tutorial: B. A. Shiryayev and I. G. Fedorov “History of international affairs in Pacific Rim”. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2010. 248 p.	103
<i>Rybakov V. M., Mayatskiy D. I.</i> Newest unique research on afterlife in traditional Chinese beliefs (review on the book “Spirits and Deities of Chinese Inferno”).....	106
<i>Samoylov N. A.</i> Review of the book by Victor Bocharov “Unwritten Rule. <i>Anthropology of Law</i> ”. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Press. 2012. 386 p.	108

Chronicle of scientific life

<i>Samoylov N. A., Mylnikova Yu. S.</i> XIX Conference of the European Association of Chinese Studies (EACS). Paris, September 4 th –8 th 2012	112
--	-----

Abstracts	118
------------------------	-----